



ISSN 2587-7046

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ● СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ●
ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ ●
ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ ● СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ●

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК



Выпуск № 4 (29), 2021

ISSN 2587-7046

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
технический университет»

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

- История
- Социальная философия
- Философия культуры и культурология
- Философия религии и религиоведение
- Социальные и политические процессы

Выпуск № 4 (29), 2021

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 81152 от 25.05.21)

Подписной индекс в «Каталоге периодических изданий. Газеты и журналы» ГК «Урал Пресс» - 014188

Физические лица могут оформить подписку в интернет-магазине «Деловая пресса»
<http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>

Журнал выходит 4 раза в год

В журнале «Проблемы социальных и гуманитарных наук» публикуются результаты научных исследований ученых, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам истории, социальной философии, философии культуры и культурологии, философии религии и религиоведению, социологии, политологии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Радугин А.А., заслуженный деятель науки РФ, д-р филос. наук, профессор (г. Воронеж)

Зам. главного редактора – Перевозчикова Л.С., д-р филос. наук, доцент (г. Воронеж)

Члены редколлегии:

Афонин Э.А., доктор социологических наук, профессор (г. Киев)
Бубнов Ю.А., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж)
Душкова Н.А., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж)
Ильин М.В., доктор философских наук, профессор (г. Москва)
Коростылева Н.Н., доктор социологических наук, профессор (г. Москва)
Кирчанов М.В., доктор исторических наук, доцент (г. Воронеж)
Ледяев В.Г., доктор философских наук, профессор (г. Москва)
Моисеев В.И., доктор философских наук, профессор (г. Москва)
Романович Н.А., доктор социологических наук, профессор (г. Воронеж)
Смышляев В.А., доктор политических наук, профессор (г. Воронеж)
Слинько А.А., доктор политических наук, профессор (г. Воронеж)
Согомонян В.Э., доктор политических наук, профессор (г. Ереван)
Черников М.В., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж)
Чупров В.И., доктор социологических наук, профессор (г. Москва)
Ярецкий Ю.Л., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж)
Delwyn L. Harnisch, Professor&Fulbright Scholar University of Nebraska
Lincoln College of Education and Human Sciences (Lincoln)

Отв. секретарь – Погорельский А.В., канд. ист. наук, доцент (г. Воронеж)

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет». **Адрес:** 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84,

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84,
каб. 5302, тел. +7 (473) 271-50-04. E-mail: philosophy_kaf@vgasu.vrn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Гагин В.В. РЕШЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 2-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА И БОЕВЫЕ ЗАДАЧИ ВВС В ЯССКО-КИШИНЕВСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ.....	7
Жиброва Т.В. СЧЕТНЫЕ ЗАПИСИ О ПРОДАЖЕ ТАБАКА В ВОРОНЕЖЕ И ТАВРОВЕ В НАЧАЛЕ XVIII В. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК.....	15
Золотарев А.Ю. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ УТИЛИТАРНОСТИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПИСАНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	21
Ипатов А.М., Зуева Н.А. ПРИЧИНЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ.....	28
Кирчанов М.В. ТЕОРИЯ БАЛТО-ФРАКИЙСКОГО ЕДИНСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ВОООБРАЖЕНИИ ЛИТОВСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ БАЛТИСТИКИ.....	33
Климов А.А., Шашков В.А. Д.И. ПИСАРЕВ И НИГИЛИЗМ: К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ БИОГРАФИИ НА ВЗГЛЯДЫ ДЕЯТЕЛЯ.....	49
Коратаева Н.В. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПЕРИОДОВ ЖИЗНИ Л.Н. ТОЛСТОГО В БИОГРАФИЧЕСКОМ ТРУДЕ А.М. ЗВЕРЕВА И В.А. ТУНИМАНОВА...	55
Кукоба В.Д. РУССКО-ЛИВОНСКИЕ КОНФЛИКТЫ В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	60
Меганов С.А. МИТРОПОЛИТ КИРИЛЛ И АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ: СОЮЗ МЕЧА И КРЕСТА.....	66
Надточий З.Ю., Киселев М.Ф. ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	70
Некрылова О.Г., Малютин А.Б. ОРЛОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ В 1920-Е ГГ.: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	75
Подберезная В.С. НАГРАДНЫЕ ЛИСТЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК.....	81
Попова С.В., Чучупал В.В. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В ЭПОХУ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПЕТРА I: УРОКИ ИСТОРИИ.....	87
Разуваев Ю.Д. ОБЗОР ПАЛЕОПОЧВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ.....	95
Русиков В.А. РАВНЕНИЕ НА ПОДВИГ (К 110-ОЙ ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДВАЖДЫ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ФЁДОРОВА ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВИЧА).....	106
Ряполов В.Н. «БЕЛОРИЗЦЫ» – ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ ИЛИ ПУТЬ В НИКУДА...	111
Селезнёв Ю.В., Битюков В.С. НАШЕСТВИЕ БУРУНДАЯ И КОЙДАНОВСКАЯ БИТВА.....	116
Теплухин В.В., Князев А.В. УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ.....	121
Федченко О.Д. НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ НА РУСЬ: БИТВА НА СИТИ И ОСАДА КОЗЕЛЬСКА.....	130
Шишлянникова Г.И. УТРАЧЕННАЯ ЭЛЕГАНТНОСТЬ ИЛИ ИСТОРИЯ МОДЫ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ...	137

Шушлебин А.И. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ХАЗАРИИ В IX ВЕКЕ....	144
---	------------

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Власова Ю.В. ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСКОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ.....	154
---	------------

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Погорельский А.В. ОТНОШЕНИЯ ФРГ И США В ГОДЫ ПРЕЗИДЕНТСТВА Д. ТРАМПА.....	159
--	------------

CONTENTS

HISTORY

Gagin V.V. THE DECISION OF THE COMMANDER OF THE 2nd UKRAINIAN FRONT AND THE COMBAT TASKS OF THE AIR FORCE IN THE JASSY-KISHINEV OFFENSIVE OPERATION.....	7
Zhibrova T.V. ACCOUNTING RECORDS OF TOBACCO SALES IN VORONEZH AND TAVROV AT THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURY AS A HISTORICAL SOURCE.....	15
Zolotarev A.Y. SOLVING THE PROBLEM OF PRACTICALITY OF THE EARLY MEDIEVAL WRITTEN LAW IN MODERN FOREIGN SCHOLARSHIP.....	21
Ipatov A.M., Zueva N.A. THE REASONS OF THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917 IN ESTIMATES OF REPRESENTATIVES OF THE RUSSIAN MILITARY EMIGRATION.....	28
Kirchanov M.V. THE THEORY OF BALTIC-THRACIAN UNITY IN THE POLITICAL IMAGINATION OF LITHUANIAN NATIONALISM AND THE INTELLECTUAL HISTORY OF BALTIC STUDIES.....	33
Klimov A.A., Shashkov V.A. D.I. PISAREV AND NIHILISM: ON THE QUESTION OF THE INFLUENCE OF BIOGRAPHY ON THE VIEWS OF THE FIGURE.....	49
Korataeva N.V. INTERPRETATION OF THE ICONIC PERIODS OF L.N. TOLSTOY'S LIFE IN THE BIOGRAPHICAL WORK OF A.M. ZVEREV AND V.A. TUNIMANOV.....	55
Kukoba V.D. RUSSIAN-LIVONIAN CONFLICTS IN THE EDUCATIONAL LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY.....	60
Meganov S.A. METROPOLITAN KIRILL AND ALEXANDER NEVSKY: THE UNION OF THE SWORD AND THE CROSS.....	66
Nadtochii Z.Y., Kiselev M.F. AN INSTRUMENTAL APPROACH TO ASSESSING THE HISTORY OF THE SECOND WORLD WAR.....	70
Nekrylova O.G., Malyutin A.B. ORYOL PROVINCE IN THE 1920s: SOCIAL AND DEMOGRAPHIC ANALYSIS.....	75
Podbereznaya V.S. AWARD SHEETS AS A HISTORICAL SOURCE.....	81
Popova S.V., Chuchupal V.V. RUSSIA ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE EPOCH OF PETER I RELIGIOUS TRANSFORMATIONS: HISTORY LESSONS.....	87
Razuvaev Y.D. REVIEW OF PALEOSOIL RESEARCHES ON ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF THE EARLY IRON AGE IN DON FOREST STEPPE.....	95
Rusikov V.A. EQUALIZATION TO THE FEAT (BY THE 110-TH ANNIVERSARY FROM BIRTH TWICE HERO OF THE SOVIET UNION FYODOROV EVGENIY PETROVICH).....	106
Ryapolov V.N. "BELORIZTSY" – DISAPPOINTED HOPES OR THE WAY TO NOWHERE... ..	111
Seleznev Y.V., Bityukov V.S. THE INVASION OF THE BURUNDAI AND THE BATTLE OF KOIDANOV.....	116
Teplukhin V.V., Knyazev A.V. NODAL PROBLEMS OF RUSSIAN HISTORY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY.....	121
Fedchenko O.D. BATU'S INVASION OF RUSSIA: BATTLE OF THE CITY AND THE SIEGE OF KOZELSK.....	130
Shishlyannikova G.I. LOST ELEGANCE OR THE HISTORY OF FASHION IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF RUSSIAN HISTORY AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES.....	137
Shushlebin A.I. THE MILITARY-POLITICAL SITUATION IN KHAZARIA IN THE IX CENTURY.....	144

SOCIAL PHILOSOPHY

Vlasova Y.V. PROBLEMS OF CREATIVE AND MATERIAL PERSONALIZATION.....	154
--	------------

SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

Pogorelsky A.V. FRG-US RELATIONS DURING THE PRESIDENCY OF D. TRUMP.....	159
--	------------

ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 355/359

*ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)
Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
В.В. Гагин
Россия, г. Воронеж,
тел. 8.909.216.14.03;
e-mail: vrvio@yandex.ru*

*«Air Force Academy prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» (Voronezh)
PhD in Historical Sciences,
Senior Researcher
V.V. Gagin
Russia, Voronezh,
tel. 8.909.216.14.03;
e-mail: vrvio@yandex.ru*

В.В. Гагин

РЕШЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 2-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА И БОЕВЫЕ ЗАДАЧИ ВВС В ЯССКО-КИШИНЕВСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Яско-Кишиневскую наступательную операцию по праву считают одной из самых эффективных операций РККА в годы Великой Отечественной войны. Одну из главных ролей в победе над группой армий «Южная Украина» сыграла боевая авиация. С войсками 2-го Украинского фронта тесно взаимодействовала 5-я воздушная армия, всемерно обеспечивая боевые действия сухопутных войск. Боевые задачи советских летчиков были самыми разнообразными: от воспреещения полетов самолетов-разведчиков люфтваффе накануне операции до борьбы за господство в воздухе и непосредственной поддержки наземных частей Красной Армии.

Данная работа посвящена подготовке 5-й воздушной армии к Яско-Кишиневской наступательной операции, планированию боевых действий «сталинских соколов» в соответствии с боевыми задачами, определенными им командованием Ставки ВГК и Командующим 2-го Украинского фронта.

Прорыв заранее подготовленной и оборудованной мощными укреплениями обороны противника требует максимальной концентрации ВВС на направлении главного удара. Достигнуть этого можно лишь только при хорошо отлаженном централизованном управлении всеми авиасоединениями.

Ключевые слова: 2-й Украинский фронт, 5-я воздушная армия, группа армий «Южная Украина», танковая армия, непосредственная поддержка войск, штурмовая авиация.

V.V. Gagin

THE DECISION OF THE COMMANDER OF THE 2nd UKRAINIAN FRONT AND THE COMBAT TASKS OF THE AIR FORCE IN THE JASSY-KISHINEV OFFENSIVE OPERATION

The Jassy-Kishinev offensive operation is rightfully considered one of the most effective operations of the Red Army during the Great Patriotic War. Combat aviation played one of the main roles in the victory over Army Group «South Ukraine». The 5th Air Army closely interacted with the troops of the 2nd Ukrainian Front, in every possible way ensuring the combat operations of the ground forces. The combat missions of the Soviet pilots were very diverse: from the prohibition of flights of reconnaissance aircraft of the Luftwaffe on the eve of the operation to the struggle for air supremacy and direct support of the ground units of the Red Army.

This work is devoted to the preparation of the 5th Air Army for the Yassy-Kishinev offensive operation, the planning of combat actions of the «Stalin's falcons» in accordance with the combat missions determined by the command of the Supreme Command Headquarters and the Commander of the 2nd Ukrainian Front.

The breakthrough of the enemy defense, prepared in advance and equipped with powerful fortifications, requires the maximum concentration of the air force in the direction of the main attack. This can be achieved only with a well-oiled centralized control of all air formations.

Key words: 2nd Ukrainian Front, 5th Air Army, Army Group «South Ukraine», tank army, direct support of troops, ground attack aircraft.

Ясско-Кишиневская стратегическая наступательная операция, называемая также «Седьмой Сталинский удар», по своему успешному результату, за быстроту и точный расчет ударов Красной Армии получила почетное наименование «Ясско-Кишиневские Канны».

Замысел Ставки Верховного Главнокомандующего (СВГК) заключался в том, чтобы ударами 2-х фронтов (2-м и 3-м Украинскими фронтами (УФ)) прорвать оборону противника северо-западнее Ясс и южнее Тирасполя, развить наступление по сходящимся к району Хуши – Васлуй направлениям, окружить и уничтожить основные силы группы армий «Южная Украина» [1].

Исходя из этого, 03.08.44 г. перед войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов были поставлены боевые задачи на проведение Ясско-Кишиневской операции.

В соответствии с этими задачами, поставленными СВГК, Командующий войсками 2-го УФ Р.Я. Малиновский принял решение на проведение наступательной операции. В решении предусматривалось нанести главный удар основными силами фронта (27, 52 и 53 общевойсковые армии (ОА), 6 танковая армия (ТА) и 18 танковый корпус (тк)) при поддержке 5-й воздушной армии (ВА) из района северо-западнее Ясс в общем направлении на Могошешти – Васлуй. Оборону противника намечалось прорвать силами 27-й и 52-й ОА на 16-км участке в полосе между Тотоесчии – Мойнешти. К исходу 1-го дня операции главные силы фронта должны были форсировать р. Васлуй, выйти на рубеж хребта Маре, а к исходу 5-го дня наступления, выйдя на рубеж Бакэу – Хуши, соединиться с войсками 3-го УФ и совместно с ним окружить группировку противника юго-западнее Кишинева. В дальнейшем главные силы фронта имели боевую задачу развивать наступление в общем направлении на Фокшаны, а войска левого крыла фронта – совместно с соединениями 3-го УФ завершить уничтожение окруженного противника.

Ввод подвижных войск фронта (6-я ТА и 18 тк) и прорыв планировался на 2-й день наступления после овладения сухопутными войсками Красной Армии рубежом р. Бахлуй, причем 6-ой ТА ставилась задача развивать наступление в направлении Васлуй – Бырлад, а 18-му тк – к переправам на Пруте на участке Котумори – Леово.

Для обеспечения правого фланга ударной группировки намечалось использовать войска 7-й гвардейской армии и конно-механизированной группы под руководством генерал-майора С.И. Горшкова (5-й гв. кавалерийский корпус (кк) и 23-й тк).

В резерве фронта оставались 27-й и 57-й стрелковые корпуса (ск) и семь дивизий 53-й армии.

Начало операции намечалось на 20.08.44 г. Операция планировалась в 2 этапа:

- 1-й – с 20.08 по 24.08.44 г. – прорыв обороны противника и окружение его Кишиневской группировки;

- 2-й – с 25.08 по 29.08.44 г. – преследование противника в направлении Фокшаны с одновременным уничтожением окруженных войск кишиневской группировки.

Детально планировался лишь 1-й этап операции, длительность которого намечалась в 5 суток, средний темп наступления – до 20-25 км в сутки.

Продолжительность артподготовки была намечена в 1-1,5 часа. Артиллерийская плотность на 1 км фронта прорыва доходила до 276 орудий и минометов. День и час атаки определялись особым приказом.

Таким образом, план фронтовой операции предусматривал нанесение ударов по наиболее уязвимым местам обороны противника в обход укрепрайонов. Главный удар в направлении Ларга – Могошешти раскалывал оборону противника на важнейшем участке, приводил к разгрому его основной группировки и обеспечивал развитие успеха фронта в южном направлении между реками Серет и Прут.

Сосредоточение крупных сил и средств на направлении главного удара обеспечило создание высоких плотностей. Средняя плотность во всей полосе наступления фронта была

около 6,5 км на дивизию, а на направлении главного удара – на каждую дивизию приходилось по фронту около 2 км. Превосходство советских войск в танках было двенадцатикратным, а по орудиям всех калибров и минометам – в 3,7 раза [2].

Может показаться, что преимущество Красной Армии было как бы чрезмерным, однако превосходство именно такого порядка обеспечили себе союзники перед высадкой войск в Нормандии. И теперь, во второй половине 1944 г., Ставка ВГК могла позволить себе сосредотачивать большие массы войск и высокую концентрацию сил и средств на главных направлениях наступления. Также с учетом боевого опыта у командования Красной Армии существовали небезосновательные опасения возможных тяжелых потерь бронетехники на марше от штурмовой авиации противника.

В настоящее время, когда широко дискутируется вопрос о настоятельной необходимости решать многие боевые задачи, в т.ч. и большую часть задач сухопутных войск, с помощью воздушных операций (по лекалам НАТО), автору статьи представляется важным обратиться к опыту Великой Отечественной войны и рассмотреть боевые действия фронтовой авиации 2-го УФ, представленной 5-й воздушной армией под командованием генерал-полковника авиации Сергея Кондратьевича Горюнова в Ясско-Кишиневской стратегической наступательной операции.

Согласно решению Командующего войсками 2-го УФ перед 5-й ВА были поставлены следующие боевые задачи [3]:

- Содействовать сухопутным войскам в прорыве обороны противника. С этой целью штурмовая авиация (ША) и бомбардировочная авиация (БА) с началом атаки сосредоточенными ударами и эшелонированными действиями уничтожают и подавляют объекты в тактической зоне обороны противника на направлении главного удара войск;
- сопровождать наступающие войска путем нанесения ударов по ДОТам, ДЗОТам, артиллерийским и минометным батареям и живой силе противника;
- вести борьбу за господство в воздухе, надежно прикрывая ударную группировку войск;
- препятствовать железнодорожным и автоперевозкам, не допуская переброски резервов противника из глубины к линии фронта;
- вести непрерывную разведку и наблюдение за полем боя, базированием авиации противника, а также за интенсивностью его железнодорожных и автоперевозок.

Поддержку 27-й ОА возложить на 2-й штурмовой авиакорпус (шак), 52-й ОА – на 10-ю гв. штурмовую авиадивизию (шад). С вводом в прорыв 6-й ТА и 18-го тк поддержать их соответственно 10-й гв. шад и 7-й гв. шад.

Проведенный анализ решения Командующего войсками 2-го УФ и боевых задач, поставленных 5-й ВА, позволил отметить ряд особенностей, которые в значительной степени предопределили планирование боевых действий и характер оперативного применения фронтовой авиации в Ясско-Кишиневской операции. Вот эти особенности:

1. Планом операции предусматривалось нанесение 2-х ударов (1-й – между реками Серет и Прут и 2-й – на Тотоесчий – Мойнешти), удаленных друг от друга на расстояние 80-100 км. При этом основной удар наносился на Тотоесчий – Мойнешти.

2. По плану операции предполагалось прорвать главную полосу обороны противника в 1-й день операции. Это обязательство требовало от авиации непрерывной и мощной поддержки сухопутных войск и четкого взаимодействия с артиллерией.

3. Планом операции предусматривались сравнительно высокие по тому времени темпы наступления сухопутных войск в оперативной глубине 20-25 км в сутки, что требовало четкой организации взаимодействия между ОА, ТА и ВВС.

4. Воздушной армии предстояло обеспечить боевые действия на внешнем и внутреннем фронтах.

Учитывая изложенное выше и то обстоятельство, что в 5-й ВА было недостаточно бомбардировочной и относительно мало штурмовой авиации, перед Командующим

воздушной армией стояли довольно сложные проблемы планирования обеспечения эффективных боевых действий ВВС и организации четкого взаимодействия с сухопутными войсками фронта.

Исходя из общего замысла предстоящей операции, боевых задач, полученных от Командующего 2-го УФ, а также оценивая создавшуюся общую и воздушную обстановку, Командующий 5-й ВА принял решение на применение авиации в операции [4].

Основные усилия воздушной армии сосредоточить на поддержку сухопутных войск на направлении главного удара 2-го УФ.

Борьбу за господство в воздухе вести непрерывно, главным образом, путем уничтожения вражеских самолетов в воздухе на подступах к полю боя на направлении главного удара фронта. Для ведения борьбы за господство в воздухе выделить 3-й гв. истребительный авиакорпус.

С началом и в ходе наступления с целью воспреещения взлета бомбардировочной авиации противника истребительной авиации производить блокировку его ближайших основных аэродромов Хуши, Роман, Васлуй.

В целях сохранения сил авиации для авиаподдержки войск фронта непосредственную авиационную подготовку не проводить. В связи с этим основные усилия авиации направить на поддержку общевойсковых армий 1-го эшелона при прорыве ими тактической зоны обороны противника. В этот период наносить сосредоточенные удары по артиллерии на огневых позициях, опорным пунктам, танкам и живой силе противника. В дальнейшем сосредоточенными ударами и эшелонированными действиями непрерывно поддерживать наступающие войска, нанося удары по опорным пунктам, резервам и отходящим войскам противника.

С вводом в прорыв подвижных групп поддержать каждую одной штурмовой авиадивизией и одной истребительной авиадивизией (иад).

Расчеты показали, что всего за первые 3 дня операции 5-й ВА предстояло произвести 4002 самолетовылетов (с/в).

Основные усилия авиации сосредотачивались на направлении главного удара фронта – планировались 805 самолетов, что составляло 88% общей численности 5-й ВА.

Войска 27-й и 52-й ОА в период прорыва ими обороны противника поддерживали и прикрывали 2-й шак и 3-й иак, а также 10-я гвардейская штурмовая и 279-я истребительные авиадивизии.

С вводом в прорыв подвижной группы фронта 6-й ТА на ее поддержку в соответствии с Директивой Командующего фронтом переключалась 10-я гв. шад, а 18-го тк – 7-я гв. шад.

Такое распределение сил авиации вполне соответствовало замыслу операции и сложившейся обстановке. Умелое сосредоточение крупных сил авиации на направлении главного удара фронта обеспечивало мощную поддержку сухопутных войск (СВ) при прорыве обороны противника и развитии стремительного наступления в глубине его обороны.

В отданном распоряжении Командующий 5-й ВА определил основные боевые задачи каждого авиасоединения, организацию управления, взаимодействия и мероприятия по обеспечению успешных боевых действий авиации.

Боевые действия 5-й ВА были спланированы на первые 3 дня, т.е. на период прорыва обороны противника и ввода подвижных групп, и оформлены планом боевого использования. Всего на первые 3 дня операции, исходя из отпущенного Ставкой лимита горючего в 3148 т, планировалось произвести, как уже было ранее сказано, 4002 с/в, из них 88% – на направлении главного удара фронта (из 3148 т бензина на первые 3 дня планировалось израсходовать 1691 т) [5]. По родам авиации эти самолетовылеты распределялись: штурмовая авиация (ША) – 1560 с/в, истребительная (ИА) – 1600 с/в, бомбардировочная (БА) – 380 с/в, легкомбомбардировочная (ЛБА) – 300 с/в, разведывательная (РА) и корректировочная – 162 с/в.

Количество боевых вылетов по дням операции планировалось:

- на 1-й день операции – 1856 с/в;
- на 2-й – 1336 с/в;
- на 3-й – 810 с/в.

Исходя из того, что в 5-й ВА на 19.08.44 г. было 852 боеготовых экипажа, общее напряжение на первые 3 дня операции составляло 4,4 с/в на экипаж, из них: на 1-й день операции – 2, на 2-й – 1,5 и на 3-й – 0,9.

Таким образом, наибольшее напряжение планировалось на 1-й день, а в последующие дни – соответствующее понижение, за исключением разведывательной авиации, напряжение которой возрастало.

Общее самолетонапряжение, как видно из планов командования, было задано по «верхней кромке», т.е. весьма высокое и редкое для боевой эксплуатации самолетов ВВС Красной Армии – обычное напряжение для строевых частей ВВС Красной Армии на фронте равнялось не более 1,5 [6].

Большой расход ресурсов в первый день наступления обуславливался тем, что войскам фронта предстояло прорывать глубоко эшелонированную оборону, где у противника было сосредоточено много огневых средств, в подавлении и уничтожении которых нуждались наступающие сухопутные войска.

По выполняемым боевым задачам боевые действия 5-й воздушной армии представлены в таблице [7]:

Запланированный объем боевых задач 5-й ВА

№ № пп	Виды БЗ	Количество самолетов			Итого на 3 дня операции	% -ое отноше- ние
		1-й день	2-й день	3-й день		
1	Уничтожение живой силы и техники на поле боя	970	710	400	2080	50
2	Уничтожение живой силы и техники в районах сосредоточения и в движении по дорогам	180	120	-	300	9
3	Прикрытие главных сил фронта	400	300	60	760	19
4	Разведка и корректировка арт. огня	56	56	30	162	4
5	Сопровождение нашей авиации	250	150	130	530	13
6	Резерв	-	-	170	170	5
Итого:		1856	1336	810	4002	100

Из таблицы видно, что основные усилия авиации направлялись на уничтожение и подавление огневых средств и войск противника на поле боя. Для этой цели планировалось совершить 2380 с/в, что составляет 59% от общего напряжения на первые 3 дня операции. Выполнение этой боевой задачи возлагалось, в основном, на штурмовую авиацию.

Уничтожение живой силы и техники противника в районах сосредоточения и на подходе к полю боя поручалось бомбардировочной авиации, которая на выполнение этой боевой задачи должна была затратить 300 с/в (9%).

Значительное количество самолетовылетов планировалось на прикрытие войск и обеспечение боевых действий штурмовой и бомбардировочной авиации. Для этой цели истребительной авиации предстояло совершить 1290 с/в (32%).

19.08.44 г. Военный Совет 2-го УФ утвердил план боевых действий 5-й ВА на 1-й день операции [8].

Боевые действия 5-й ВА на 1-й день операции были спланированы следующим образом: во время артподготовки с «Ч» – 1.30 и до «Ч» – 00 («Ч» в данной операции принято считать время начала атаки) истребительная авиация патрулированием прикрывает главную

группировку войск, для чего намечалось произвести 24 самолетовылета. Бомбардировочная и штурмовая авиация в это время готовились к нанесению бомбово-штурмовых ударов.

С «Ч» – 0.30 до «Ч» + 2.30 бомбардировочная авиация наносит сосредоточенный удар по артиллерийским позициям, узлам сопротивления и тактическим резервам. С этой целью планировалось произвести 90 самолетовылетов. В этот период штурмовая авиация, содействуя войскам 27-й и 52-й армий в прорыве обороны, должна была нанести ряд сосредоточенных ударов по живой силе и технике противника на 2-й и 3-й полосах его обороны. Планировалось произвести для этого 328 самолетовылетов (ША – 216, ИА – 112). Всего на поддержку атаки, сопровождение сухопутных войск и прикрытие наступающих войск планировалось произвести 440 самолетовылетов.

С «Ч» + 2.30 и до конца 1-го дня операции бомбардировочная и штурмовая авиация 5-й ВА должна была наносить эшелонированные удары по живой силе и технике противника в непосредственной близости от наступающих войск, при этом последовательно перенося удары в глубину обороны противника.

Борьбу за удержание господства в воздухе предусматривалось осуществлять силами истребительной авиации путем уничтожения вражеских самолетов в воздушных боях во время прикрытия ударной группировки войск фронта и обеспечения боевых действий других родов авиации. Прикрытие боевых порядков войск и коммуникаций фронта на Яском направлении осуществляли 110 истребителей (два авиаполка от 14-й гвардейской иад – 62 истребителя и два авиаполка от 13-й иад – 48 самолетов). Ответственным за прикрытие наступающих войск и коммуникаций на Яском направлении был назначен командир 3-го гв. истребительного авиакорпуса.

Прикрытие наступающих войск на поле боя предусматривалось осуществлять воздушными дежурными патрулями, а также направлением дежурных групп истребительной авиации на перехват самолетов противника по данным радиолокационных станций (РЛС).

Исходя из плана боевых действий авиации, 19.08.44 г. Командующим 5-й ВА был отдан боевой приказ № ОП/00422 [9], в котором ставились конкретные боевые задачи авиакорпусам и дивизиям на 1-й день операции.

Анализируя решения Командующего 5-й ВА и планирование боевых действий авиации, можно сделать некоторые выводы:

1. Исходя из сложившейся обстановки и замысла операции, Командующий ВА решил сосредоточить основные силы авиации (88%) на поддержку 27-й, 52-й ОА и 6-й ТА, действующих на главном направлении.

Благодаря мощной авиаподдержке, главная группировка фронта имела возможность успешно выполнить боевую задачу по прорыву тактической зоны обороны противника и развить наступление с целью прорыва последующих его полос.

2. Учитывая характер обороны противника и боевые задачи, поставленные перед авиацией, Командующий решил в 1-й день операции основные усилия бомбардировочной авиации (100%) и штурмовой авиации (90%) направить для нанесения сосредоточенных и эшелонированных ударов с целью разрушения 2-й и 3-й полос обороны, подавления и уничтожения находящихся там войск. В дальнейшем эшелонированными ударами мелких групп штурмовиков Ил-2 по огневым средствам и живой силе врага в непосредственной близости от наших наступающих войск содействовать продвижению наших войск. При этих способах боевых действий авиации можно было оказать наиболее эффективную поддержку наступающим войскам в условиях прорыва ими заранее подготовленной обороны врага и обеспечить непрерывное воздействие авиации на противника.

3. Опыт планирования действий 5-й ВА на период выполнения авиационной поддержки наступления, когда в ходе ее основные силы бомбардировочной и штурмовой авиации привлекались для нанесения мощных ударов в непосредственной близости от наступающих войск, является поучительным. Он не потерял своего значения и в настоящее время, особенно при осуществлении непосредственной поддержки войск, действующих в отрыве от главных сил фронта и в горно-лесистой местности.

4. Управление всей авиацией предусматривалось централизованное и сосредотачивалось в руках Командующего 5-й ВА. Частичная децентрализация, допускаемая при обеспечении подвижных соединений в глубине обороны противника, не нарушала централизованного управления воздушной армией. Необходимость централизованного управления ВА вызывалась характером обороны противника. Известно, что прорыв заранее подготовленной обороны требует максимального сосредоточения сил авиации на направлении главного удара, а это могло быть достигнуто только при централизованном управлении всеми авиасоединениями.

Вместе с тем, в решении Командующего 5-й ВА имелся ряд недостатков, которые оказали отрицательное действие на авиационное обеспечение войск 2-го УФ:

- Решение Командующего 5-й ВА с выделением 10-й гв. шад для поддержки 6-й ТА вряд ли являлось целесообразным, т.к. 10-я гв. шад в 1-й день выполняла боевую задачу по поддержке наступления 52-й ОА, в полосе которой вводился в прорыв 18-й тк, а 27-ю ОА, осуществлявшую прорыв на главном направлении и в полосе которой вводилась в прорыв 6-я ТА, поддерживал 2-й шак. В послевоенный период специалисты пришли к выводу, что было бы более целесообразным это распределение оставить и на обеспечение подвижных групп фронта;

- отсутствие в плане боевого использования авиации 5-й ВА боевой задачи уничтожения переправ через реки Прут и Серет не способствовало успешному осуществлению окружения основной группировки войск противника в районе Кишинева;

- у Командующего 5-й ВА отсутствовал резерв авиации на 1-й день операции. Это, по мнению Героя Советского Союза полковника Н. Платонова, могло иметь отрицательные последствия при необходимости срочного усиления ударов частей и соединений на том или ином направлении, или при необходимости уничтожения более важных целей, на которые планом боевых действий не предусматривалось выделения авиации [10, с. 24-25].

Анализу боевых действий ВВС РККА во время Ясско-Кишиневского наступления автор статьи планирует посвятить большую по объему отдельную работу, а пока, несколько забегаая вперед, подведем краткие итоги операции.

Менее чем за две недели войска 2-го, 3-го Украинских фронтов и Черноморский флот разгромили более чем миллионную группировку противника. При этом потери двух фронтов в ходе Ясско-Кишиневской операции составили 13197 погибших и пропавших без вести (чуть более одного процента от общей численности войск двух фронтов) и примерно 53 тысячи раненых. Ни в одной другой стратегической операции таких минимальных потерь не было. К сожалению, общие потери Красной Армии в операциях на румынской территории составили 286 тысяч человек, причем 69 тысяч из них погибли [11, с. 124].

За тот же период немецко-румынские войска лишились 22 дивизий и потеряли около 500 тысяч убитыми, ранеными и пленными [2, с.368].

На фоне таких военно-стратегических успехов еще более впечатляющими выглядят геостратегические и политические достижения СССР, ведь победа в Ясско-Кишиневской операции и занятие Румынии открыло кратчайшие пути к границам Болгарии, Югославии и Венгрии [2, с.59]. Румыния, а вслед за ней и Болгария, присоединились к антигитлеровской коалиции. 23 октября был освобожден Белград. Соединения 2-го и 3-го Украинских фронтов вышли к границам Венгрии.

Гибель Третьего рейха стала неотвратимой.

Библиографический список

1. Ясско-Кишинёвские Канны / Под ред. Р.Я. Малиновского. – М.: Наука, 1964. – 280

с.

2. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941-1945 гг. / С. Афтенюк, Д. Елин, А. Коренев, И. Левит (Институт истории партии при ЦК КП Молдавии. Институт истории АН МССР). – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1970. – 421 с.
3. ЦАМО РФ. Ф. 327. Оп. 4999. Д. 5917. ЛЛ. 41, 42.
4. ЦАМО РФ. Ф. 327. Оп. 4999. Д. 163. ЛЛ. 114-123.
5. **Платонов Н.Е.** Оперативное искусство ВВС и тактика родов авиации в Яско-Кишиневской операции и операции Советских Вооруженных Сил по освобождению Румынии и Болгарии. М.: Военно-политическая Ордена Ленина Краснознаменная академия им. В.И. Ленина, 1964. – 344 с.
6. **Гагин В.В.** Они сражались в небе Воронежа / Воздушно-Космические силы. Теория и практика. №1, март 2017. – С. 383-394.
7. ЦАМО РФ. Ф. 327. Оп. 4999. Д. 163. ЛЛ. 133-136.
8. ЦАМО РФ. Ф. 243. Оп. 332660с, ДД. 13, 14. ЛЛ. 102-105.
9. ЦАМО РФ. Ф. 243. Оп. 352660с. ДД. 13, 14. ЛЛ. 88-91.
10. **Платонов Н.Е.** Оперативное искусство ВВС и тактика родов авиации в Яско-Кишиневской операции и операции Советских Вооруженных Сил по освобождению Румынии и Болгарии. М.: Военно-политическая Ордена Ленина Краснознаменная академия им. В.И. Ленина, 1964.
11. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. Т. 5 Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М.: Кучково поле, 2013.

УДК 94(47+57)«17»

*Воронежский государственный медицинский
университет им. Н.Н. Бурденко
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
гуманитарных дисциплин
Т.В. Жиброва
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 279-30-52;
e-mail: tashazhibrova@rambler.ru.*

*Voronezh State Medical University
named after N.N. Burdenko
PhD in History, Associate Professor of Humanities
Chair
T.V. Zhibrova
Russia, Voronezh,
tel. (473) 279-30-52;
e-mail: tashazhibrova@rambler.ru.*

Т.В. Жиброва

СЧЕТНЫЕ ЗАПИСИ О ПРОДАЖЕ ТАБАКА В ВОРОНЕЖЕ И ТАВРОВЕ В НАЧАЛЕ XVIII В. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Статья посвящена некоторым страницам истории организации табачной торговли на юге России в начале XVIII столетия. Автор предпринимает попытку рассмотреть счетные записи о продаже табака в Воронеже и Таврове, сохранившиеся среди архивных материалов ГАВО (Государственного архива Воронежской области) как ценный и информативный исторический источник по истории экономики и повседневности региона.

Ключевые слова: юг России, табак, торговля, исторические источники.

T.V. Zhibrova

ACCOUNTING RECORDS OF TOBACCO SALES IN VORONEZH AND TAVROV AT THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURY AS A HISTORICAL SOURCE

The article is devoted to some pages of the history of the organization of tobacco trade in the south of Russia at the beginning of the XVIII century. The author attempts to examine the accounting records on the sale of tobacco in Voronezh and Tavrov, preserved among the archival materials of the GAVR (State Archive of the Voronezh Region) as a valuable and informative historical source on the history of the economy and everyday life of the region.

Key words: south of Russia, tobacco, trade, historical sources.

История складывания Всероссийского рынка в XVII-начале XVIII вв., становления экономических связей между регионами были бы неполными без привлечения к анализу разностороннего объемного материала, связанного не только с ведением отчетной документации на местах в виде черновых и беловых таможенных, кабацких, табачных и других книг, но и челобитными местных жителей, судебными разбирательствами, расспросными речами в Съезжей избе и т.д.

Как известно, в XVII-начале XVIII вв. алкоголь и табак были запрещены к свободной продаже и считались так называемыми «заповедными» товарами. Таможенным и кабацким служителям необходимо было помимо основной работы также собирать «явки» и вести борьбу с корчемством и контрабандой [1, 2, 3]. Вокруг таможи и кабака (кружечного двора) возникало множество конфликтов, о которых в разное время писали В.В. Глазьев [4], В.Г. Балковская [5], Д.В. Лисейцев [6] и др. Материалы же о табачных сборщиках на юге России еще недостаточно изучены.

Предпримем попытку анализа счетных записей о продаже табака в Воронеже и Таврове в начале XVIII столетия, сохранившихся среди архивных материалов ГАВО (государственного архива Воронежской области).

Как удалось установить, табачные сборщики именовались табачными головами или, как читаем в документах, *«тобашиной продажи»* головами. В мае 1713 года на этой должности находился воронежский посадский человек Иван Елисеев. Ларечным целовальником при нем состоял Иван Пажитной [7]. Судя по всему, табачным головой, как ранее и головой таможи и кабака (кружечного двора), должен был быть назначен уважаемый житель уезда. Причем, грамотность самого головы не была приоритетным условием. Всю документацию для столицы оформлял ларечный.

Так, читаем: *«ведение в приказ тобашиной продажи головы воронежского посадского человека Ивана Елисеева да лорешного Ивана Пажитного с товарищи, что какова табаку на Воронеже и в Таврове продано и то писано ниже сего»*. В приведенном в пример документе упоминаются два вида табака: немецкий табак, который продавался фунтами, и черкасский табак. Последний был листовым и пользовался, судя по всему, большей популярностью у населения. За один весенний месяц с апреля по май было *«продано на Воронеже фунтового немецкого табаку пуд с полуфунтом имано за фунт по 16 алтын по 4 деньги и того 20 рублей 8 алтын 2 деньги, продано на Воронеже попушного листового черкасского табаку 7 пуд 2 фунта имано за фунт по 8 денег и того 11 рублей 9 алтын 2 деньги»*. Предположим, что большие объемы продаж именно черкасского табака связаны с его более низкой стоимостью, а также с тем, что он был уже хорошо известен местному населению [8].

В Таврове за тот же период было продано листового черкасского табаку – один пуд, 5 фунтов по цене 8 денег. Доход составил 26 алтын, 4 деньги. Записи велись ежемесячно, структурированы по видам табака и по местам продажи, в низу обязательно подводился итог по собранной сумме.

Что интересно, в Таврове немецким табаком продажи не велись вообще, во всяком случае, записей об этом нет. В мае в Таврове удалось продать 2 пуда 5 фунтов листового табака и выручить за них 3 рубля 13 алтын 2 деньги. С 1 сентября записи велись только о продаже немецкого табака [9].

Завершает документ общий итог – за апрель *«в продаже за вышеписанный табак денег взято 33 рубля 11 алтын»*. В низу документа стоит помета: «взять», что свидетельствует о том, что представленный выше документ был подан в Москве в соответствующем учреждении.

Вокруг продажи табака и проблем с его хранением возникали периодические конфликты. Так, осенью 1713 г. И. Елисеев пытался передать оставшийся у него на реализации табак новому голове воронежскому посадскому человеку П. Кручинину. Проблемой оказалось то, 30 пуд черкасского табака оказались не проданы. В спешно составленном доношении в Москву Елисеев просил указать, по какой цене осуществлять продажу этого табака и жаловался на то, что новый табачный сборщик отказывается брать оставшийся у него табак для дальнейшей реализации (см. рисунок 1).

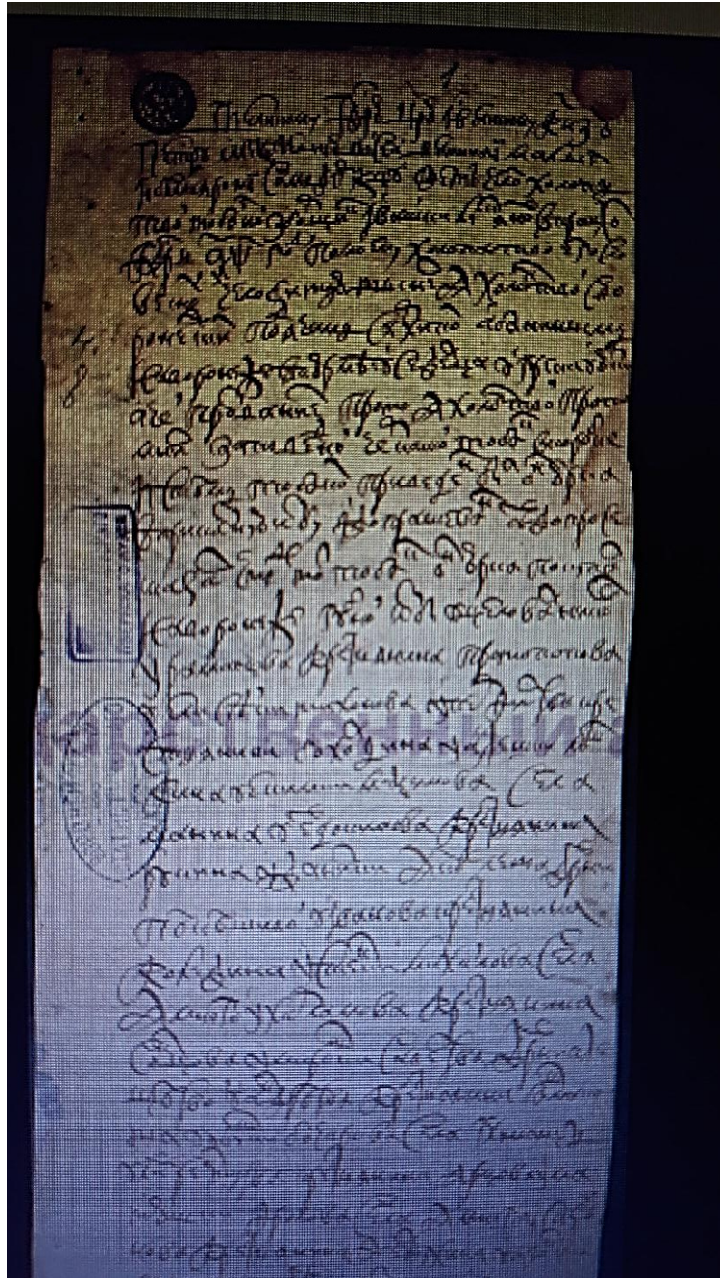


Рис. 1. Челобитная табачного сборщика И. Лукьянова в Воронежскую приказную избу

В составленном вдогонку документе новые табачные сборщики указали причину, по которой оставшиеся папуши (листы табака хранились в папушах, связках) они не хотели принимать: табак был истерт в пыль и крошку и «*тот попушой табак без указу великого государя фунты по какой цене продавать не смеем*», - писал П. Кручинин в свое оправдание.

Последовала долгая переписка более, чем на 20 листах (черновики сохранились в деле), в конечном итоге табак ненадлежащего качества был снят с продажи. Однако его дальнейшая судьба неизвестна. Не удалось установить также, последовали ли какие-либо наказания для табачных сборщиков разных лет. Интересно, что в приведенных в пример материалах дела упоминается магазин, куда должны были перенаправить испорченный табак.

Остановимся подробнее на счетных записях о продаже табака в январе-марте 1713 года [9]. Так, читаем: за один зимний месяц «*продано на Воронеже фунтового немецкого*

тобаку 5 фунтов имано за фунт по 16 алтын по 4 деньги и того 2 рубля 16 алтын 4 деньги», «продано на Воронеже попушеного листового черкасского табаку 35 фунтов имано за фунт по 8 денег и того 5 рублей», «продано в Таврове попушеного листового черкасского табаку 32 фунта имано за фунт по 8 денег и того рубль 19 алтын 2 деньги» [9] (см. рис. 2).

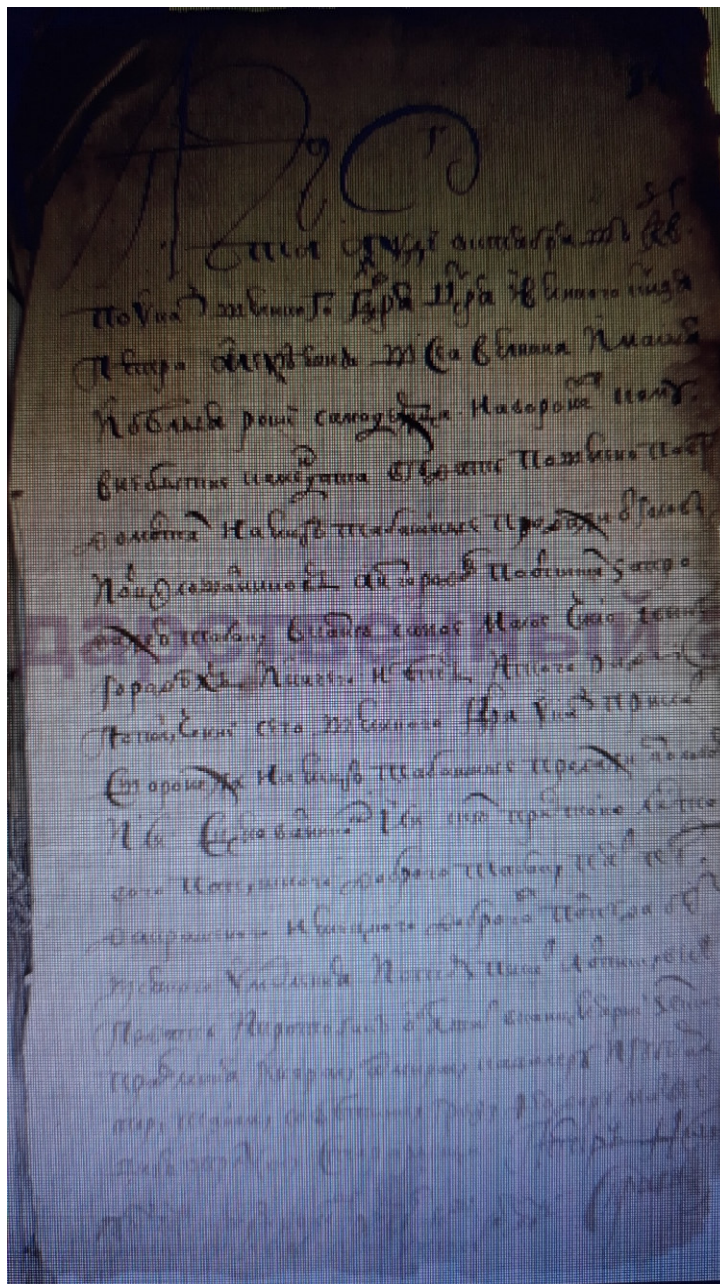


Рис. 2. Наказные памяти и счетные записи о продаже табака в г. Воронеже за 1713-1714 гг.

Записи также ведутся по месяцам, очень подробно, с указанием стоимости табака двух видов, места продажи и общей помесечной выручки. Обращает на себя внимание традиция оформления счетных записей. Как представляется, они повторяют общую структуру таможенных книг [10], однако в изученных документах нет указания, кому был продан табак и в каком объеме.

Обращает на себя внимание и тот факт, что торговля немецким табаком фиксировалась только в Воронеже, тогда как в Таврове торговали только черкасским табаком. Судя по всему, папуши нелегальным путем проникали на юг России из донских городков, с которыми велась оживленная торговля. Судя по всему, в черкасских городках, с которыми традиционно на юге России велась оживленная торговля, табак в папушах закупался большими оптовыми партиями и затем распределялся по соседним уездам.

Отъезжающие на Дон воронежцы отмечались на заставах и перевозах, находящихся у них на пути. Упоминаются в материалах дел Устенский, Девицкий, Семилукский, Губоревский и Гвоздецкий перевозы, а также перевозы во всех четырех станах, на которые делился в то время Воронежский уезд: Борщевский стан, Усманский стан, Чертовицкий стан, Карачунский стан и Борщев монастырь.

Такие заставы и перевозы могли одновременно выполнять самые разные функции: останавливать и проверять приходящих в уезд людей, опрашивать их, оберегая от угрозы распространения моровых поветрий из неблагополучных мест, осуществлять функции по поиску и поимке разбойников, противостоять незаконной торговле и др.

В ряде изученных документов упоминаются выемки табака у местных жителей, которые оправдывались тем, что хранили табак «про себя», а не на продажу. В таких случаях найденный листовой табак изымался и начиналось судебное разбирательство.

В заключение отметим, что счетные записи о продаже табака в Воронеже и Таврове начала XVIII столетия заслуживают внимания исследователя, так как данные о торговле этим товаром не находят отражения в известных нам таможенных книгах того же хронологического периода. Табачные сборщики, или головы, как их именуют в источниках, выполняли свои обязанности, по всей видимости, на тех же основаниях, что и прежде таможенные и кабацкие служители, пополнив собой ряды должностных лиц, чьей прерогативой становятся реализация хранения, передачи, торговли одним из запрещенных к свободной продаже товаром – табаком. Приведенные в пример счетные записи – достаточно информативный, и, что также немаловажно, достоверный исторический источник по экономической жизни южнорусских регионов России и истории их повседневности.

Библиографический список

1. **Седов В.П.** Контрабандная торговля табаком в порубежных территориях Новгородской земли во второй половине XVII в. / В.П. Седов // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2012. № 4. С. 85-92.
2. **Зайцев И.В.** Табак и курение в Крыму (XVII-XVIII) / И.В. Зайцев // История и современность. – 2011. – « 2 (14). – С. 13-33.
3. **Жиброва Т.В.** Будни Воронежского таможенного целовальника (по ценовым росписям XVII в. как источникам изучения повседневности) / Т.В. Жиброва // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность, материалы международной научной конференции. - Ответственные редакторы В.А. Верemenko, В.Н. Шайдуров. - 2020. - С. 15-19.
4. **Глазьев В.Н.** Откупщик против мира: конфликт вокруг таможни и кабака в Воронеже в 1668-1671 гг. / В.Н. Глазьев // Из истории Воронежского края. - Сборник статей. - Воронеж, 1998. - С. 22-33.
5. **Балковская В.Г.** Откупной способ укомплектования таможенных учреждений России (XV-XVIII века) / В.Г. Балковская // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. - 2010. - № 2 (10). - С. 11-15.
6. **Лисейцев Д.В.** «А им де от тех кабацких откупщиков обида и насильство великое...»: борьба за кабацкие откупа в Нижегородском уезде на исходе Смутного времени / Д.В. Лисейцев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2017. - № 1. - С. 76-83.

7. Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО) Ф. И-182. Оп. 6. Д. 173. Л. 2.
8. **Жиброва Т.В.** Организация торговли табаком в Воронежском уезде в конце XVII – начале XVIII вв. / Т.В. Жиброва, Д.А. Ляпин // Вестник государственного и муниципального управления. – 2020. – Т. 9. - № 3. – С. 120-130.
9. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 6. Д. 175.
10. **Жиброва Т.В.** «Дело табак»: материалы Воронежских табачных сборщиков первой половины XVIII в. как источники изучения повседневности / Т.В. Жиброва // Будущее нашего прошлого-6: история повседневности и повседневность историка. Материалы международной научной конференции. – М., 2021. – С. 177-182.

УДК 94(4)“5/9”

*Воронежский государственный технический
университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
философии, социологии и истории
А.Ю. Золотарев
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 246-22-91;
e-mail: aurelianus@yandex.ru*

*Voronezh State Technical
University
PhD in History, Associate Professor of Philosophy,
Sociology and History Chair
A.Y. Zolotarev
Russia, Voronezh,
tel. (473) 246-22-91;
e-mail: aurelianus@yandex.ru*

А.Ю. Золотарев

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ УТИЛИТАРНОСТИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПИСАНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматриваются историография вопроса о практическом использовании законодательства в раннесредневековой Западной Европе. Автор статьи прослеживает формирование постановки научной проблемы, аргументации в пользу преимущественно неутилитарного характера раннесредневекового законодательства, а так же объяснительной модели этого его качества. Главным фактором в этой модели является социальная среда, в которой законодательные тексты возникали и функционировали, которая благоприятствовала или препятствовала распространению воли законодателя посредством письменных документов. Это качество социальной среды в свою очередь определялась наличием или отсутствием римского наследия.

Ключевые слова: раннее средневековье, Западная Европа, историография, законодательство, варварские правды, капитулярии.

A.Y. Zolotarev

SOLVING THE PROBLEM OF PRACTICALITY OF THE EARLY MEDIEVAL WRITTEN LAW IN MODERN FOREIGN SCHOLARSHIP

The article deals with ideas of the modern European scholarship on practical use of legislation in the Early Medieval Europe. The author depicts a formation of the problem of its practicality and usability, collection of arguments in favor of its predominant inapplicability in legal practice and a creation of an explanatory model of this feature. Its main element is social environment where legal texts emerged and worked. It could promote or impede a distribution of law-maker's will by means of the written word. This feature of the social environment depended on presence or absence of the Roman heritage.

Key words: Early Middle Ages, Western Europe, historiography, legislation, leges barbarorum, capitularies.

Салическая правда, наряду с капитуляриями франкских королей, а также судебниками Этельберта и Альфреда Великого, является хрестоматийным текстом, на основе знакомства с которым вот уже второе столетие происходит обучение студентов истории средних веков. Надо отметить, что законодательство вообще излюбленный вид хрестоматийных текстов. Вспомним в связи с этим законы Хаммурапи, законы XII таблиц, законы Ману, Русскую правду, Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение, Артикул воинский и многие другие. Методологический прием работы с этими текстами, который является общим как для учебных, так и для научных эссе прост: в законах мы видим волю законодателя, который что-то предписывает, разрешает или запрещает, и на основе этого делаем вывод о политике государственной власти в соответствующий период времени и тенденциях общественного развития, которые она хочет поощрить или пресечь.

В основе этого приема лежит презумпция, что характер этих текстов, которые мы понимаем как законодательство, один и тот же на протяжении многих веков: они инструмент управления обществом со стороны государства и господствующих социальных сил, и Салическая правда точно так же регулировала и охраняла общественные отношения, как это в древности делали законы XII таблиц, а в эпоху раннего нового времени - Соборное уложение. Или, если быть точным, этим занимались вооруженные ее кодексами франкские графы и посланцы франкских королей.

Однако уже довольно давно перенесение реалий нового времени на средневековые юридические тексты вызывало сомнения у исследователей. Их суммировал в несколько провокативной манере в конце 1940-х гг. французский историк С. Стейн в большой статье в известном медиевистическом журнале "Speculum" [1, p.113-134, 395-418], запустив таким образом дискуссию, жар которой несколько угас только в 2000-х гг. [2, с.36-82] В своей статье Стейн пришел к выводу, что Салическая правда сфабрикованный законодательный акт, ибо она «никогда не играла роли имеющего силу кодекса законов и не предназначалась для того своими составителями» [1, p.415]. По мнению С. Стейна, не существует ни одной редакции и рукописи Салической правды, которую можно было бы признать официальной или которая была бы копией таковой. Все они были составлены частным образом «с целью прославления дел давно минувших дней (*temporis acti*)» [1, p.415], а ее фабрикация произошла в правление Карла Лысого (840-877). При этом исследователь подчеркнул, что он считает Салическую правду поддельной лишь «как целое», отдельные же содержащиеся в ней нормы действительно имели силу, но этому своему качеству они были обязаны вовсе не тому, что были записаны в Салической правде, а, скорее, попали в ее текст в силу своей значимости для современников [1, p.415].

Ответом Стейну стал масштабный труд Карла-Августа Экхардта, которому удалось подготовить первое соответствующее всем критериям научности издание Салической правды (1953-1957 гг.) и доказать существование нескольких ее редакций, древнейшая из которых восходила ко временам короля франков Хлодвиг (481-511) [2, с.38-39]. Но не успела просохнуть типографская краска на последнем томе этой серии, как вышла большая статья бельгийского историка Франсуа Луи Гансхофа, которая поставила под сомнение использование на практике другого типа франкских законодательных актов - капитуляриев. Проанализировав рукописи, которые содержали капитулярии, он пришел к выводу, что использование письменности в законодательной, судебной и административной деятельности было «маргинальным» [3, p.201]. Не сохранилось ни одной рукописи капитулярия, которую можно было бы признать официальной. Это не означало, что их не было изначально. Но об их сохранении более заботились аббаты и епископы, чем королевская канцелярия и должностные лица. Причем первые не придавали большого значения их аутентичности, переписывая их в манускрипты-коллекции. Еще в IX в. наиболее полные собрания капитуляриев находились в распоряжении не короля и его *missi dominici*, на которых была возложена обязанность надзора за правосудием, а духовных лиц (аббата Анзегиза, аббата Люпа, епископа Гинкмара), причем коллекции эти были далеко не полными. Например, аббат Анзегиз, составивший по своей инициативе в 827 г. коллекцию капитуляриев, даже в королевском архиве не смог найти более, чем 29 из них, хотя их было, по меньшей мере, 90 [3, p.206-210]. Такое пренебрежение к письменным документам в повседневной административной практике навело Ф. Гансхофа на мысль, что оно осуществлялось преимущественно с использованием устных методов (*verbum regis*) [3, p.50-61, 69-87, 196-206].

Спустя двадцать лет немецкому медиевисту Херманну Нельзену удалось кратко и емко сформулировать вытекавшую из работ Стейна и Гансхофа, научную проблему: «Можно ли представить себе франкского судью VI или VIII веков, рассматривающего дело с рукописью Салической или Рипуарской правды в руках?» [4, S.451]. И на этот вопрос Нельзен дает отрицательный ответ, исходя из следующих соображений:

- франкские источники на протяжении всего раннего средневековья не содержат ни одной цитаты из Салической правды, ни одной точной и недвусмысленной ссылки на нее;
- франкские судьи в силу своей неграмотности и незнания латинского языка, на котором была записана Салическая правда, вряд ли могли ее прочесть, не говоря уже о том, чтобы понять ее содержание;
- Салическая правда не содержит указания на решение целого ряда вопросов, которые, безусловно, возникали в повседневной юридической и судебной практике;
- текст Салической правды зачастую передан в дошедших до нас рукописях настолько небрежно, с такими ошибками и описками, которые исключают их (т.е. данных рукописей) практическое использование;
- противоречия внутри отдельных редакций Салической правды, противоречия между ее редакциями, рукописи которых были в ходу одновременно, также делают весьма сомнительной реальность ситуации, когда франкский судья вел дело, полагаясь на писаное право.

В заключительной части статьи Х. Нельзен для сравнения приводит данные, которые предоставляют источники о практическом использовании Вестготской правды. Результаты являются прямо противоположными тем, которые были получены относительно практического применения законодательства у франков [4, S.491-498], а именно:

- вестготская *Liber Iudiciorum* недвусмысленно запрещает использовать при судопроизводстве какие-либо иные законы, кроме самой *Liber Iudiciorum*; в том числе она предписывает уничтожить все предыдущие кодексы законов. То, что это был не пустой звук, доказывает тот факт, что от первой редакции *Liber Iudiciorum*, составленной при короле Леувигильде (568-586) до нас не дошло ни одной рукописи, от Кодекса Эвриха (468-484) – только один фрагмент палимпсеста, также как и от *Lex Romana Visigothorum* короля Алариха II (484-507) [4, S.483-484].
- судьям запрещалось опираться на свое мнение и в тех случаях, когда *Liber Iudiciorum* не содержала соответствующей клаузулы; в таких ситуациях судья и тяжущиеся должны были обратиться к верховному судье и законодателю – королю [4, S.485-486];
- вестготские короли предпринимали меры для распространения удостоверенных и аутентичных законодательных кодексов [4, S.486-487]; дошедшие до нас рукописи *Liber Iudiciorum* содержат соответствующие пометы и свободны от фатальных для их практического применения ошибок и описок переписчиков [4, S.489];
- формулы и грамоты вестготского времени и периода IX-XI вв. содержат многочисленные цитаты и точные (книга, титул, глава) ссылки на *Liber Iudiciorum* [4, S.491-497].

Причины таких различий Х. Нельзен видел в следующем:

- идеологические, но не утилитарные причины создания Салической правды. По мнению ученого, она возникла в период острого соперничества между вестготским королем Аларихом II, остготским – Теодорихом Великим, бургундским – Гундобадом и франкским королем Хлодвигом. Все четыре монарха издали примерно в одно и то же время своды законов, стараясь не отстать друг от друга и от римских императоров, чьим неперменным атрибутом было издание законов и чьим главным преемником мыслил себя каждый из перечисленных выше королей. «Ввиду этой цели, которая должна была быть достигнута как можно скорее, вопросы практичности и эффективности *liber legis*, которую необходимо было составить, отходили на задний план» [4, S.468]. Как считает Х. Нельзен, в этом отношении сильно выиграло законодательство лангобардов, не ставших торопиться с его изданием, которое было осуществлено лишь через 75 лет после их поселения в Италии [4, S.468].
- отказ франков от сотрудничества с римлянами, которые обладали навыками утилитарного отношения к законодательству. В момент написания Салической правды, по его мнению, в окружении Хлодвига возобладала «франкская партия» [4, S.468-469].

Нетрудно заметить, что многие факты остаются необъясненными. Например, почему при преемниках Хлодвига, которые, как нам точно известно, прибегали к помощи римских юристов, Салическая правда не была переделана в соответствии с практическими потребностями? Или почему меровингские и каролингские правители, несмотря на все свое желание установить господство *lex scripta*, так в этом и не преуспели?

Ответы на эти вопросы отчасти дал британский исследователь Патрик Уормальд, разрабатывавший тему практического использования раннесредневекового законодательства, в частности в англосаксонских королевствах, с конца 1970-х по конец 1990-х гг.

Он выдвинул гипотезу, что «цели издания варварского законодательства могли быть иными, нежели осуществление его предписаний в судах» [5, p.105]. Если исходить из того, что правители варварских государств действительно сделали в области законодательства, то с точки зрения возможного практического применения продуктов этой деятельности, она является бессмысленной. Не было проведено ни полной кодификации обычного права, ни обновления этого права. По мнению английского историка, общепринятое в историко-правовой науке деление варварского законодательства на обычное, народное право (*Volksrecht*), существовавшее в виде варварских правд, и исправлявшее и развивавшее его королевское право (*Königsrecht*), существовавшее в виде капитуляриев, иллюзорно. Оно имеет некоторый смысл для франкского законодательства, бывшего моделью для историков права XIX – первой половины XX вв., но мало пригодно при обращении к англосаксонскому, лангобардскому или вестготскому материалу. Если считать Эдикт Ротари (основу Лангобардских законов) или Судебник Альфреда Великого относящимися к разряду правд, то следует признать, что значительная их часть – это королевское право. С другой стороны, право капитуляриев редко затрагивало те вопросы, которые были содержанием правд [5, p.109-111]. Как замечает ученый, различие нового и старого в раннесредневековом законодательстве осложняется также тем, что сами законодатели редко (исключение – короли вестготов, лангобардов и бургундов) указывали, что в законах является обычаем, а что нововведением, что утратило силу, а что является действующим правом [5, p.113-114].

Как многие исследователи до него, Уормальд подчеркивает, что варварские правды фиксируют отнюдь не все правовые обычаи соответствующих народов (здесь исключение также составляют вестготские и лангобардские законы). Причем не записанными остались крайне важные для судебной практики вопросы. Так, Салическая правда много говорит о посягательствах на честь женщин и вторичном замужестве вдовы, но не дает никакого руководства относительно разрешения споров, связанных с первым браком, например, по поводу приданого. Англосаксонские законы часто ссылаются на родню (*maegð*), но ничего не говорят о ее структуре и правилах наследования внутри нее. Значительная часть дошедших до нас англосаксонских казусов посвящена тяжбам о земельной собственности. Но этот вопрос тоже крайне скудно освещен законодательством [6, p.160].

Как и Нельзен, П. Уормальд отмечает ряд черт дошедших до нас юридических текстов раннего средневековья, которые едва ли совместимы с их утилитарностью:

Во-первых, это использование латинского языка для записи обычного права германцев: романскому населению оно не было нужно, германцы же не понимали латыни [7, p.95-114];

Во-вторых, масса ошибок и описок, часто искажающих смысл содержащихся в них предписаний, а также неудобная для практического использования структура (исключение: вестготские законы, а также отчасти баварские и алеманнские) [6, p.34-36]. Сюда же следует добавить отсутствие оглавления, которое облегчило бы жизнь судье. Правда, такое оглавление есть в Судебнике Альфреда Великого, но оно практически никак не соотносится с содержанием кодекса. Не в пользу практичности Салической правды говорит, например, сосуществование нескольких ее редакций и то, что наиболее поздняя из них – *Karolīna* – в некоторых отношениях выглядела архаичнее более ранних. Аналогичная ситуация сложилась в Англии, где законы Инэ были соединены в одном законодательном кодексе с

законами Альфреда, хотя между ними были серьезные расхождения по многим вопросам [6, р.46-47, 265-270];

В-третьих, отсутствие у большей части варварского законодательства (полным исключением здесь являются только лангобардские и вестготские законы) регулярной формы, т.е. указаний на имя издавшего его монарха, дату издания, имя чиновника канцелярии, ответственного за удостоверение текста, отсутствие предписаний по распространению и аутентификации списков законодательных кодексов [5, р.117-118];

В-четвертых, рукописный контекст, в котором дошли до нас законодательные тексты, не соответствует их утилитарному назначению. Законы германцев, живших к востоку и северу от франков (фризов, саксов, тюрингов, англосаксов), дошли до нас в считанном количестве экземпляров [5, р.120-121]. Многие из тех, что сохранились, соседствуют в рукописях с неюридическими, например, историческими или религиозными текстами [6, р.162-181]. С трудом можно представить себе судью, который шел на судебное заседание с летописью или сборником проповедей, приложением к которым был королевский судебник;

В-пятых, прямые ссылки на законы и цитаты законов в ряде регионов (Англия, Центральная и Северная Германия) в документах, отражающих реальные судебные казусы, отсутствуют напрочь, а в других (Нейстрия, Австразия, Южная Германия) встречаются крайне редко [5, р.122; 6, р.148-150].

Следующий вывод, к которому пришел П. Уормальд был Нельзеном только намечен, но не артикулирован. По мнению английского исследователя, раннесредневековую Европу можно разделить на две основные правовые зоны:

1) Италия, Испания, Аквитания, Септимания, Прованс, к которым примыкали также Бургундия и Южная Германия;

2) германские земли к востоку от Рейна и к северу от Дуная, Бретань и Англия.

Ядро Франкской державы – Нейстрия и Австразия – занимали промежуточное положение между первыми двумя [6, р.479-480].

Характеризуя первую область, П. Уормальд пишет: «Вестготский, лангобардский, бургундский и даже баварский материал в большей мере похож на законодательство в нашем его понимании (в большей степени в первых двух случаях); и мы имеем гораздо больше доказательств его применения в суде. Вне всякого сомнения, что причина того, что римское наследие было в этих южных областях более живым, чем севернее. В Италии, Испании и Южной Галлии письменный акт оставался центральным в юридических процедурах... Римская культура выжила здесь в форме, например, более развитой образованности среди мирян. Таким образом, среда была тем, что сделало возможным тот масштаб, то качество законодательства, которые были характерны для южных королевств германцев» [5, р.124].

Для второй характерна неразвитость письменной правовой культуры. Это выразилось в отсутствии привычки цитировать и ссылаться за законодательство, небрежное отношение к переписыванию его манускриптов и их хранению [6, р.69], невнимание к распространению и сохранению аутентичности законодательных кодексов. Опираясь на Ф. Гансхофа, который, как было показано выше, исследовал франкский материал, П. Уормальд утверждает, что в странах второй зоны король управлял посредством *verbum regis*, устного слова, которое лишь потом облекалось в форму писаного права, причем чаще частными лицами, чем королевской канцелярией. На это, по мнению П. Уормальда, указывают выражения из англосаксонских законов «*we swaедon*» или «*сyng swaедб*» [7, р.112]. «Устное слово [курсив автора] было тем, что превалировало в распространении и приведении в исполнение права, было ли это слово короля, его советников, судей или местных знатоков права. Использование письменного слова, которое завоеватели [германцы] унаследовали от своих жертв [римлян], продолжало оставаться на обочине административной и юридической деятельности... Предположив, что, как и обычная судебная процедура, формальный процесс создания законов королем и его советниками был устным, и что для отправления правосудия факт их записи был делом второстепенным, мы в состоянии объяснить наличие во многих

законодательных текстах неточностей, ошибок и противоречий, за которые ответственны как переписчики, так и официальные лица, и заметный недостаток внимания к распространению и сохранению законодательства; это также объясняет, почему только часть законов содержит требование своего применения в судебной практике. Все это также значит, что было бы заблуждением критиковать королей варваров за бессилие их власти, если их законодательство оставляет желать лучшего; или предполагать, что отсутствие законодательства означает отсутствие сильного государства» [5, p.124].

Главной причиной указанных различий П. Уормальд считает наличие в странах юга Западной Европы, а также в Южной Германии значительного романского населения, в т.ч. сенаторского сословия, епископата и римского нотариата, которое было носителем римского отношения к писаному праву. Его почти не было в государстве франков к северу от Луары, не говоря уже о странах второй зоны, где романизация даже во времена Римской империи была почти не заметна [6, p.480-482].

П. Уормальд, в отличие от Х. Нельзена, прослеживает определенную динамику в процессе функционирования законодательных актов в социальной среде раннесредневековых государств. Так в IX в. во Франкской империи и в X в. в Англии существенно возросла роль письменного слова в судебной процедуре, равно как количество и качество писаного права. Однако кардинально ситуация с использованием письменных инструментов в управлении и правосудии не изменилась. «Кроме того, и во Франкии (Francia), и в Англии традиция издавать законы выдохлась по прошествии шести поколений. Здесь стандарты [писаного права] не были укоренены в соответствующем уровне грамотности и образованности, а были установлены сверху монархиями, чьи завоевательные успехи вызвали у их правителей убеждение, что они должны претендовать на роль империй». Отсюда то явление, что «из районов, из которых нет доказательств использования писаного права, и есть доказательства обратного, происходит столь много законодательных текстов». Здесь появление писаного законодательства «вполне могло быть вызвано в большей степени идеологическими, чем практическими потребностями» [5, p.125]. Среди первых исследователь выделяет потребность в законодательстве как символе этнической идентичности, если не для всех членов соответствующего племени, то, по крайней мере, для его знати [6, p.48-49, 91-92, 480-482]. Законодательство и хроники, которые часто соседствовали в дошедших до нас рукописях, связывали воедино правящего монарха и его династию с правом и историей соответствующего племени: «племенной закон мог иметь символическое значение даже для тех, кто не мог его прочесть; его изданием короли варваров обеспечивали потомству память о себе и, возможно, лояльность себе и своей династии. В любом случае, исторический контекст и то, как большая часть варварского законодательства представлена в виде текстов, предполагают, что его значение могло быть как политическим, так и идеологическим» [5, p.134-135]. Поэтому «большая часть варварского законодательства производит впечатление, что его целью было просто записать нечто, что могло бы *выглядеть* [курсив автора] как закон, безотносительно (в большей или меньшей степени) его ценности для судебной практики» [5, p.115].

Таким образом, исходя из научной проблемы, намеченной в работах С. Стейна и Ф. Гансхофа, Х. Нельзен и П. Уормальд сформулировали набор аргументов в пользу того, что раннесредневековое законодательство, как правило, не использовалось утилитарно и даже не было для этого изначально предназначено, будучи созданным из политических и идеологических соображений. П. Уормальд кроме того построил объяснительную модель этого явления, которая заключалась в специфике взаимодействия законодательного текста с той социальной средой, в которой он формировался и функционировал. Главным свойством этой среды является отсутствие или неразвитость социального слоя юридически грамотных и образованных, которые могли бы составлять, хранить, переписывать законодательные тексты в соответствии с определенными стандартами и использовать их в повседневной юридической практике, которая в реальности имела дело не с документами, а устным словом.

В заключение необходимо отметить, что изложенные выше идеи не сформировались в интеллектуальном вакууме, а возникли в русле такого явления как «новая (материальная) филология» (хотя сами рассмотренные авторы на теоретические работы в этой области не ссылались) [8, p.13-24], где тексты рассматриваются как единое целое с материальным носителем, который их содержит и в контексте той социальной среды, которая их порождает и в которой они функционируют. Если быть точным, то носитель текста выступает в роли археологического артефакта (ведь он обладает такой же материальностью), следы на котором, помимо самого текста источника, и сообщают нам сведения об этой среде и о своем использовании в ней.

Библиографический список

1. **Stein S.** Lex Salica / S. Stein // Speculum. – Vol.22. – 1947. – P.113-134, 395-418.
2. **Золотарев А.Ю.** Государство и суд в раннесредневековой Англии (VII-XI вв.). Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. / Антон Юрьевич Золотарев. – Воронеж, 2006. – 264 с.
3. **Ganshof F.L.** Recherches sur les capitulaires / F.L. Ganshof // Revue historique de droit français et étranger. Ser. IV. – Vol.35. – 1957. – P.33-87, 196-246.
4. **Nehlsen H.** Zur Aktualität und Effektivität germanischer Rechtsaufzeichnungen / H. Nehlsen // Recht und Schrift im Mittelalter / Hg. von P. Classen. – Sigmaringen, 1977. – S.449-502.
5. **Wormald P.** Lex scripta and verbum regis: legislation and Germanic kingship, from Euric to Cnut / P. Wormald // Early medieval kingship / Ed. by P.H. Sawyer and I.N. Wood. – Leeds, 1977. – P.105-138.
6. **Wormald P.** The making of English law: king Alfred to the twelfth century. – Vol.1. / P. Wormald. – Oxford: Blackwell, 1999. – XVIII, 574 p.
7. **Wormald P.** The uses of literacy in Anglo-Saxon England and its neighbors / P. Wormald. // Transactions of the Royal historical society. 5th series. – Vol.27. – 1977. – P.95-114.
8. **Westra H.J.** What's in a name: old, new, and material philology, textual scholarship, and ideology / H.J. Westra // Neo-Latin philology: old tradition, new approaches / Ed. by M. van der Poel. – Leuven: Leuven university press, 2014. – P.13-24.

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник 14 ОНИ НИЦ (ППО и УА ВВС)

А. М. Ипатов

*Россия, г. Воронеж,
тел. 8 (920) 466- 81-70*

e-mail: molot.tora@mail.ru

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Н. А. Зуева

*Россия, г. Воронеж,
тел. 8 (952) 107- 92-62*

e-mail: zuevan2010@yandex.ru

Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh),

*PhD in History,
Senior Researcher*

A. M. Ipatov

*Russia, Voronezh,
tel. 8 (920) 466- 81-70*

e-mail: molot.tora@mail.ru

Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh),
PhD in Philosophy, Associate Professor, assistant professor of humanities and social and economic disciplines

N. A. Zueva

*Russia, Voronezh,
tel. 8 (952) 107- 92-62*

e-mail: zuevan2010@yandex.ru

А.М. Ипатов, Н.А. Зуева

ПРИЧИНЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ

В статье предпринята попытка исследования проблемы оценок Февральской революции 1917 года представителями русской военной эмиграции. Оказавшись разбросаны вследствие различных причин по разным уголкам земли, через некоторое время они в своем творчестве отразили отношение к революционным событиям февраля-марта 1917 года, к отречению императора Николая II, к кризисным явлениям в войсках.

Ключевые слова: Февральская революция, причины, Временное правительство, императорская армия, русская военная эмиграция.

A.M. Ipatov, N.A. Zueva

THE REASONS OF THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917 IN ESTIMATES OF REPRESENTATIVES OF THE RUSSIAN MILITARY EMIGRATION

The article attempts to study the problem of assessments of the February revolution of 1917 by representatives of the Russian military emigration. Having been scattered for various reasons in different parts of the world, after a while they reflected in their work the attitude to the revolutionary events of February-March 1917, to the abdication of Emperor Nicholas II, to the crisis in the troops.

Key words: February revolution, reasons, The Provisional Government of Russia, the Imperial Army of Russia, Russian military emigration.

Революционные события, стремительно произошедшие в феврале 1917 года, привели к коренной ломке общественных отношений и смене формы правления. Монархический строй, веками господствовавший в России, был заменен демократической республикой.

Последней, однако, не суждено было долгое существование и через несколько месяцев, вновь революционным путем, к власти в Петрограде пришли большевики во главе с В. И. Лениным. Описываемые события детально и многосторонне исследованы, как в отечественной, так и в зарубежной историографии, поэтому мы не будем останавливаться на них подробно. Последовавшая за Октябрьской революцией Гражданская война усугубила социально-экономический кризис, вызванный участием Российской империи в Первой мировой войне. Помимо многочисленных людских потерь существенный урон военному, научному и культурному потенциалу страны нанесла эмиграция. Составители сборника «Военная мысль в изгнании», отмечая, что около 1000 специалистов генерального штаба в силу различных обстоятельств вынуждены были покинуть родину, выразили мнение, что «именно офицеры и генералы этой когорты по праву считались интеллектом армии» [1, с. 452].

Долгие годы их обширное теоретическое наследие оставалось практически недоступным для заинтересованного российского читателя, однако в последние десятилетия, благодаря усилиям исследователей, отечественная наука обогатилась уже давно известными за границей военно-теоретическими трудами и материалами эпистолярного наследия офицеров Николаевской военной (Генерального штаба), Михайловской артиллерийской, Николаевской инженерной и Николаевской морской академий, военачальников, военнанаучных деятелей и публицистов. Бывший участник Белого движения, известный в эмигрантских кругах военный писатель Е. В. Тарусский, рассуждая о неизвестности, которую таила чужбина, писал: «Офицер-эмигрант не мог, конечно, по мановению жезла переделать свою офицерскую душу. В той новой жизни, которая ему предстояла и являлась для него, можно сказать решением со многими неизвестными – он уже предрешено должен был быть: честным, правдивым, верным долгу и т. д. и т. д.» [2, с. 21].

Одной из наиболее часто упоминаемых и болезненных проблем, которые в своих трудах затрагивали представители военной эмиграции, являлась проблема оценки революционных событий февраля 1917 года, главным образом причин, которые обусловили падение монархии в России. Среди тех, кто дал собственную интерпретацию происходившим тогда событиям, оказались такие влиятельные фигуры, как бывший командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант А. И. Деникин, атаман Всевеликого Войска Донского генерал-майор П. Н. Краснов, профессор Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Н. Головин, военный писатель полковник А. Л. Мариюшкин, полковник Генерального штаба Е. Э. Месснер, Главнокомандующий Русской армией в Крыму генерал-лейтенант П. Н. Врангель и многие другие. Отдельно стоит выделить военного писателя А. А. Керсновского, который в подростковом возрасте вступил в ряды Добровольческой армии, а в эмиграции написал фундаментальный четырехтомный труд «История русской армии», который получил признание, в том числе профессиональных военных, в силу «великолепного ума, аналитических способностей, знаний, порядочности и патриотизма» [3] автора.

На основе анализа произведений представителей русской военной эмиграции можно выделить несколько групп причин, приведших, по их мнению, к началу Февральской революции 1917 года. Остановимся подробнее на каждой из них.

Значительную долю вины в складывании революционной ситуации военные теоретики и писатели возлагали на последнего правителя Российской империи Николая II. При этом можно проследить определенную противоречивость оценок. С одной стороны, с точки зрения человеческих качеств самодержец не вызывал ни у кого отрицательных эмоций, а даже, напротив, некоторую симпатию, но как правитель он оценивался довольно жестко. Акцент делался на том, что сын Александра III не подходил для той роли, которая была уготована ему системой наследования престола, так как он не обладал необходимыми для успешного управления государства качествами. В частности, Е. Э. Месснер констатировал: «Когда император Николай Александрович усомнился в своей державности,

не стало ни Царя, ни Державы» [4, с. 310]. Схожие мысли можно встретить в трудах А. И. Деникина [5], П. Н. Врангеля [6], Н. Н. Головина [7] и А. А. Керсновского [8].

Противоречивые оценки были высказаны в адрес Александры Федоровны: для одних (Деникин, Краснов, Головин) она была проводницей немецкого влияния при дворе, высказывались даже идеи о ее предательстве, для других (Керсновский, Врангель) последняя императрица стала невинной жертвой фобий, которые господствовали в обществе в период Первой мировой войны. Особое недовольство у военных эмигрантов вызывала особа Григория Распутина, хотя А. А. Керсновский, например, писал, что старец стал жертвой развращенного петроградского общества, и в целом «значение этого человека было чрезмерно преувеличено современниками» [8, с. 236]. Абсолютно противоположное мнение высказывал А. И. Деникин, с презрением писавший о «грязном» и «циничном» «возжигателе лампад» «который «доспевал» министров, правителей и владык» [5, с. 17]. Среди обвинений неоднократно встречается и «немецкое засилье» в высших правительственных и армейских кругах.

Рассматривая причины Февральской революции, представители военной эмиграции не могли обойти вниманием ту обстановку, которая сложилась в армейских кругах. Отмечался серьезный ущерб, который нанес войскам приказ № 804 от 19 декабря 1905 года, согласно которому армия должна была носить внепартийный характер и не выражать симпатий и поддержки даже лояльным императору политическим движениям. На сегодняшний день подобную точку зрения разделяют многие ученые, занимающиеся различными аспектами функционирования Русской Армии в начале XX века [1; 9]. Военный писатель А. А. Керсновский доказывал, что оппозиции удалось привлечь на свою сторону молодых и напористых офицеров, целью которых было давление на командный состав армии, «используя их политическую неграмотность и играя на их патриотических чувствах» [8, с. 239]. Здесь неизбежно возникает вопрос: была ли политическая безграмотность виной вождей армии, или их бедой? Деникин, Мариюшкин, Краснов и полковник Н. В. Пятницкий настаивали на версии, что армейское руководство стало заложником действующего законодательства. В противоположность им, П. Н. Врангель констатировал, что «среди старшего командного состава было не малое число и «приемлющих революцию» в чаянии найти в ней удовлетворение для своего честолюбия или свести счеты с тем или другим неугодным начальником» [6]. Е. Э. Месснер, рассуждая о распространении на фронте и в тылу пацифистских идей, доказывал, что первоначально это было прекраснотушной фантазией, однако стало «реальным предательством, когда начался поход коммунизма ко Всемирной Революции» [10, с. 99].

Этот мотив – разложение дисциплины в армии вследствие революционной пропаганды – прослеживается в работах большинства представителей русской военной эмиграции. Акцент делался на том, что подрывная работа с рядовыми и низшими офицерскими чинами приводила к утрате взаимопонимания внутри армейского коллектива. Ярko и образно об этом писали А. И. Деникин, Н. Н. Головин и А. Л. Мариюшкин. Последний отмечал, что революционеры, прежде всего, стремились «внести раскол между народом и солдатом, с одной стороны, и офицером – с другой и подорвать его авторитет», а главной «целью ставили неистовое уничтожение старого командного состава, выросшего на традициях государственности, усматривая в нем опасную силу» [11, с. 219]. П. Н. Врангель акцентировал внимание на другом аспекте данной проблемы – новые офицерские кадры, пополнявшие состав армии, не обладали достаточным боевым опытом, тяготились войной, поэтому становились «легкой мишенью») для революционной пропаганды. Несмотря на существенные разногласия Петра Николаевича с А. И. Деникиным в эмиграции, оба они приходили к выводу, что назначение на высшие должности не по способностям, а по происхождению, рутинность и шаблонность управления военным организмом государства приводили к углублению непонимания между солдатами и офицерами, что вызывало рост социальной напряженности. Его итогом стало массовое неповиновение приказам и

несоблюдение субординации в феврале 1917 года. Аргументы генералов подтверждают и современные исследователи [12].

Свою роль в революционизировании солдат и низших чинов в армии сыграли, по мнению представителей русской военной эмиграции, недостаток патриотизма и снижение уровня религиозности. О первой проблеме довольно подробно писал Н. Н. Головин, доказывая, будто «русский патриотизм был значительно более примитивен, он был – если можно так выразиться – лишь сырой материал», что наблюдалось «не только в малокультурных слоях народа, но и в более просвещенных кругах» [7, с. 125]. Схожие мысли высказывал и А. И. Деникин, доказывавший, что народ не понимал насущной необходимости национальной самозащиты, и, напротив, слепо доверял революционным призывам к «самостийности». Кроме того, бывший командующий Вооруженными Силами Юга России с горечью писал о кризисе духовности: «Как народ-богоносец, народ вселенского душевного склада, великий в своей простоте, правде, смирении, всепрощении – народ поистине христианский терял свой облик, подпадая под власть утробных, материальных интересов, в которых сам ли научался, его ли научали видеть единственную цель и смысл жизни» [5, с. 8].

Значительная вина в триумфе революционных сил в феврале 1917 года лежала, как отмечали военные эмигранты, на политической элите Российской империи, прежде всего, на Государственной Думе. Критику в ее адрес высказывали и редактор эмигрантской газеты «Сигнал» полковник Н. В. Пятницкий, и П. Н. Врангель, и А. А. Керсновский, писавший, что удачный исход войны укрепил бы власть императора Николая II, а это не входило в планы многих членов российского парламента, мечтавших самостоятельно управлять страной. Полковник Генерального штаба А. А. Зайцов подчеркивал, что представители полубразованных классов, незадолго до революции пополнившие правящий слой, стремились всеми способами достичь политической власти в стране, в том числе с помощью революционеров [13, с. 195]. В свою очередь Е. Э. Месснер высказывал довольно спорную мысль о том, что лидерам революции, ее вожакам необязательно обладать выдающимися умственными способностями, что психологические факторы играют в ней большую роль, нежели умственные [14, с. 104].

Анализ творческого наследия А. А. Керсновского и П. Н. Краснова демонстрирует существенные различия в понимании ими причин революции. Если первый считал события Февраля 1917 года поздним отголоском революций XIX века и никак не связывает их с участием России в Первой мировой войне, то второй утверждал, что «нас источила война» [15]. К тому же бывший атаман Всевеликого Войска Донского отмечал заинтересованность в революционном процессе в России как Германии, так и союзников по Антанте – Великобритании и Франции, опасавшихся укрепления позиций империи Романовых.

Обобщая различные причины Февральской смуты, как чаще всего называли рассматриваемые события представители военной эмиграции, Н. Н. Головин резюмировал: «Дезорганизация, наблюдаемая в тылу, недостаток в снабжении, расстройство транспорта, озлобленная критика правительства во всех слоях интеллигенции, с другой стороны – отталкивание общественных сил самим правительством, министерская чехарда и самое ничтожество выдвигаемых на эти посты лиц – все это широко проникало в гущу солдатской массы и атрофировало в ней всякое чувство доверия и уважения к правительственной власти» [7, с. 180-181]. Самое удивительное заключается в том, что воспитанные в традициях благоговения перед личностью императора, твердого следования долгу, многие офицеры, в том числе самые высокопоставленные в ходе развернувшихся в феврале 1917 года события заняли пассивную, выжидательную позицию, либо даже поддержали недовольных, взявшихся за оружие. Отечественный исследователь А. В. Ганин, не утверждая, что изначально существовали планы насильственного отречения Николая II от престола, в то же время, приходит к выводу: заговор высшего офицерского состава и части генералитета, безусловно, имел место, причем существенная роль в описываемых событиях принадлежала сотрудникам Генерального штаба [16, с. 263].

Таким образом, анализ оценок причин Февральской революции 1917 года в творческом наследии представителей русской военной эмиграции убедительно демонстрирует отсутствие единого подхода к ним. Значительное влияние на отношение того, или иного полковника, генерала или военного писателя оказывали его политические предпочтения и та роль, которую сами они играли в рассматриваемый период. Можно вполне согласиться со словами уже упоминавшегося военного писателя Е. В. Тарусского, что «наши генералы-изгнанники за малыми и печальными исключениями являли для нас примеры... преданности Отечеству и Армии и непоколебимой веры в конечное торжество нашего правого дела» [2, с. 20].

Библиографический список

1. **Кознова И. Е.** Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. – 2003. – № 2. – С. 23–34.
1. **Домнин И.** Краткий очерк военной мысли русского зарубежья / Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. – М.: Русский путь, 1999. – С. 448–526.
2. **Тарусский Е. В.** Беседы на бивуаках // Часовой. – 1938. – № 206. – С.20–21.
3. **Храмчихин А.** «Генерал» Керсновский: изучая врагов России [Электронный ресурс] // Информационный портал фонда «Русский мир». – URL: <http://ruskiymir.ru/>.
4. **Месснер Е. Э.** Царь и офицер / Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. – М.: Военный университет, Русский путь, 2005. – С. 302–311.
5. **Деникин А. И.** Очерки русской смуты: В 5 т. Т. 1. – Париж: Издательство Поволоцкого, 1921. – 184 с.
6. **Врангель П. Н.** Записки [Электронный ресурс] // Военная литература (Милитера). – URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/vrangel1/01.html>.
7. **Головин Н. Н.** Военные усилия России в Мировой войне: В 2 т. Т. 2. – Париж: Товарищество объединенных издателей, 1939. – 242 с.
8. **Керсновский А. А.** История русской армии в 4-х томах. Т. 4. – М: Голос, 1994. – 368 с.
9. **Суряев В. Н.** Отношение офицерства русской императорской армии к Февральской революции 1917 года [Электронный ресурс] // Военно-исторический журнал. – URL: <http://history.milportal.ru/>.
10. **Месснер Е. Э.** Лик современной войны / Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. – М.: Военный университет, Русский путь, 2005. – С. 61–100.
11. **Мариюшкин А. Л.** Трагедия русского офицерства / Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. – М.: Военный университет, Русский путь, 2000. – С. 217–222.
12. **Гребенкин И. Н.** Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новейшая история России. – 2014. – № 3. – С. 145–161.
13. **Зайцов А. А.** Характер нашей Гражданской войны / Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. – М.: Русский путь, 1999. – С. 192–203.
14. **Месснер Е. Э.** Мятеж – имя Третьей Всемирной / Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. – М.: Военный университет, Русский путь, 2005. – С. 101–141.
15. **Краснов П. Н.** Единая-неделимая [Электронный ресурс] // Lib.ru/ Классика. – URL: http://az.lib.ru/k/krasnow_p_n/text_0230.shtml.
16. **Ганин А. В.** Генштабисты и Февральская революция / Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии: сб. докл. международной науч. конф. – СПб: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. – С. 208–264.

УДК 291.6+811.18

*Воронежский государственный университет
Доктор исторических наук, доцент, кафедра
регионоведения и экономики зарубежных стран,
кафедра истории зарубежных стран и
востоковедения М.В. Кирчанов
Россия, г. Воронеж,
тел. 89805447525
e-mail: maksymkyrchchanoff@gmail.com*

*Voronezh State University
DrSci in History, Associate Professor, Chair of Regional
Studies and Foreign Countries Economies, Chair of
Foreign History and Oriental Studies
M.V. Kirchanov
Russia, Voronezh,
tel. 89805447525
e-mail: maksymkyrchchanoff@gmail.com*

М.В. Кирчанов

ТЕОРИЯ БАЛТО-ФРАКИЙСКОГО ЕДИНСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ВООБРАЖЕНИИ ЛИТОВСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ БАЛТИСТИКИ

Автор анализирует концепцию балто-фракийского этнического и лингвистического родства. Предполагается, что Йонас Басанавичюс стал автором неакадемической теории балто-балканского этнического родства, приписывая проявления литовской идентичности древним балканским группам. Автор анализирует попытки академической ревизии и критики теории Й. Басанавичюса в литовской историографии. Автор полагает, что во второй половине 20 века идеи Й. Басанавичюса были частично академизированы в работах Ивана Дуриданова, а также интегрированы в этнический дискурс литовского национализма в текстах Ю. Статкуте де Росалес. В статье показано, что некоторые идеи Й. Басанавичюса, с одной стороны, были ассимилированы в балтистике, что привело к появлению компромиссного канона, основанного на проведении сравнительных балто-балканских исследований в работах Вяч.Вс. Иванова, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева. С другой стороны, автор полагает, что некоторые авторы (Х. Майер) инициировали ревизию компромиссного канона, что привело к ревитализации теории Й. Басанавичюса в теории «балтоидных» языков.

Ключевые слова: Йонас Басанавичюс, балтистика, индоевропеистика, балты, фракийцы, балтийские языки, палеобалканские языки, сравнительные исследования, балто-балканские параллели

M.V. Kirchanov

THE THEORY OF BALTIC-THRACIAN UNITY IN THE POLITICAL IMAGINATION OF LITHUANIAN NATIONALISM AND THE INTELLECTUAL HISTORY OF BALTIC STUDIES

The author analyzes the concept of Balto-Thracian ethnic and linguistic kinship. It is assumed that Jonas Basanavičius became the author of the non-academic theory of the Baltic-Balkan ethnic kinship, attributing Lithuanian identity to the ancient Balkan groups. The author analyzes the attempts of academic revision and criticism of the theory of J. Basanavičius in Lithuanian historiography. The author believes that in the second half of the 20th century, the ideas of J. Basanavičius were partially academized by the works of Ivan Duridanov, and integrated into the ethnic discourse of Lithuanian nationalism also in the texts of J. Statkute de Rosales. The article shows that some of the ideas of J. Basanavičius, on the one hand, were assimilated into Baltic studies, which led to the emergence of a compromise canon based on comparative Baltic-Balkan studies in the works of Vyacheslav Ivanov, V.N. Toporov, O.N. Trubachev. On the other hand, the author believes that some authors (H. Mayer) initiated a revision of the compromise canon, which led to the revitalization of J. Basanavičius' ideas in "Baltoid languages" theory

Key words: Jonas Basanavičius, Baltic studies, Indo-European studies, Balts, Thracians, Baltic languages, Paleobalkan languages, comparative studies, Baltic-Balkan parallels

Введение. Особое место в истории лингвистики на современном этапе принадлежит междисциплинарным подходам, которые актуализируют и интегрируют успехи и достижения смежных наук, включая историю идей, интеллектуальную историю и археологию идей, которые сфокусированы на изучении, в том числе, и различных лингвистических учений, включая те, которые оказались не подтверждёнными, оставшись на уровне теорий и гипотез.

История развития индоевропеистики стала, в том числе, и историей идей, приведя к появлению ряда как национальных исторических, так и международных междисциплинарных школ, связанных с изучением истории индоевропейских языков, их историческим развитием, типологией, классификацией и принадлежностью тех или иных языков к отдельным группам индоевропейской языковой семьи. Современная типология индоевропейских языков, с одной стороны, является следствием развития индоевропеистики в XIX–XX вв., а, с другой, результатом компромисса, который был достигнут как между национальными школами, так и отдельными направлениями в лингвистике, включая историческое языкознание и индоевропеистику, которая в данном контексте может быть определена как частный случай первого.

Одной из групп современных индоевропейских языков, существование которой в научной литературе не вызывает сомнений, являются балтийские языки, представленные на современном этапе латышским и литовским языками. Что касается родственных и исторических отношений балтийских языков с другими индоевропейскими языками, то большинство исследований, как правило, сфокусированы на их контактах со славянскими или германскими языками, хотя в прошлом диапазон интерпретаций истории балтийских языков был более широк и включал в себя концепции, которые со временем были существенно пересмотрены исследовательским сообществом в направлении как признания сходств, так и проведения сравнительных штудий индоевропейских языков. Поэтому, ряд теорий, которые предлагались интеллектуалами в 19 и 20 веках, стали частью интеллектуальной истории и археологии идей индоевропеистики в целом и балтистики в частности. Среди «исторических» теорий истории балтийских языков особое место занимали попытки связать литовский и латышский языки с древними языками, в первую очередь – с фракийским и скифским, что нашло свое отражение в текстах ряда литовских (Йонас Басанавичюс) и латышских (Каспарс Биезбардис) интеллектуалов, внесших значительный вклад в формирование идентичности тех групп, к которым они принадлежали, на том этапе когда ни литовцы, ни латыши не имели сложившейся идентичности и не обладали признаками политической нации. Поэтому, различные исторические теории в истории изучения балтийских языков, которые не выдержали проверки временем, в большей степени могут быть локализованы в культурной или интеллектуальной истории литовского или латышского национализма.

Методологически данная статья позиционируется как междисциплинарная, написанная на стыке как штудий национализма, так и интеллектуальной истории. В рамках современной историографии национализма сложилось два подхода – модернистский и примордиалистский. Если сторонники первого полагают, что нации являются результатами и последствиями сознательных интеллектуальных практик [33; 40; 41; 101; 102], определяемых как воображение сообществ [30] и изобретений традиций [59] и поэтому возникли не ранее конца 18 – начала 19 века, то приверженцы примордиалистского подхода [90; 92; 93] склонны проецировать современные категории «национализм», «нации», «этничность», «идентичность» как на процессы, имевшие место в отдаленном прошлом, так и на различные этнические группы, которые, с точки зрения современной историографии, вряд ли могут быть определены как «нации».

С точки зрения современной модернистской историографии, большинство теоретиков того или иного национализма могут быть отнесены к примордиалистам, так как в их текстах фактически отсутствовали четкие критерии верификации и определения тех процессов и групп, о которых они писали, в большей степени руководствуясь принципами лояльности к

той или иной формирующейся нации, нежели нормами академической этики. В этом контексте Й. Басанавичюс – не только литовский националист, но и интеллектуал, который фактически использовал примордиалистский методологический инструментарий (некритическое отношение к используемым источникам, политически и идеологически мотивированная интерпретация фактов, отождествление идентичностей фактически различных сообществ, трансплантация современных идентичностей или ее отдельных характеристик в отношении групп, которые таковой идентичностью не обладали) в своих текстах, вероятно, не отдавая себе отчета в этом. История европейских национализмов свидетельствует о том, что все эти «родовые» признаки примордиалистской интерпретации этничности могли активно использоваться националистами в случае проведения ими языковых исследований, что и подтверждают изыскания Й. Басанавичюса в области балто-балканских параллелей.

В этом контексте автор статьи следует, с одной стороны, за теми историографическими трендами, которые сложились в современных междисциплинарных исследованиях национализма, сфокусированных на анализе лингвистических штудий националистов прошлого в контекстах культурной и интеллектуальной истории, истории и археологии идей национализма [57; 69; 100], как форм и тактик воображения сообществ и / или изобретения традиций, а, с другой, за конструктивистскими прочтениями истории литовского национализма и предложенных им идентичностей [31; 67; 97]. На перспективность, важность и необходимость комплексного изучения национализма, актуализируя как политические компоненты националистических проектов, так и роль националистов не только в становлении национальных языков, но и их роль в лингвистике (хотя бы на уровне ее интеллектуальной истории и истории идей) указывали авторы классических текстов о национализме [38; 58; 60; 85]. Кроме этого во внимание следует принимать и постепенный рост числа конструктивистских интерпретаций национализма и изобретенных / воображенных им идентичностей как литовскими [62; 95] так и зарубежными авторами [56; 83] в контекстах социальной и культурной истории или истории идей [51; 52; 74], которые становятся более заметными в историографии современной Литвы, несмотря на несомненную роль национализма и исторической памяти о потере государственности. В этой ситуации логично предположит, что наметилась тенденция к отходу от этноцентристской интерпретации в пользу множественных объяснений истории литовского национализма в рамках модернистской парадигмы, что придает актуальность междисциплинарным штудиям.

Поэтому в центре авторского внимания в данной статье, написанной в рамках парадигмы интеллектуальной истории или историй идей [10; 11], будет анализ предположений ряда интеллектуалов, которые настаивали на тесном родстве между балтийскими и палеобалканскими языками, интерпретируя их как балтийские или балтоидные языки. Несмотря на то, что история балканских языков стала предметом пристального внимания как историков, так и лингвистов [53] некоторые аспекты этой проблемы изучены в меньшей степени, хотя в прошлом они пребывали в центре интеллектуальных и академических дискуссий, а также и политических дебатов (так как вопрос обладания историческими предками или родственниками с развитой политической традицией и героической историей имеет принципиальное значение для националистов, особенно в тех случаях, если нация не сформирована в полной мере и не получив собственной государственности, только ведет борьбу за политическую правосубъектность), нередко используя для идеологических мобилизаций в рамках национальных движений, когда их идеологи были активны в своих попытках найти или великих предков, или престижных родственников среди исторических народов для собственной нации, которая переживала процессы национального возрождения. В рамках литовского национализма как идеологии интеллектуального плана, которая обосновывала претензии активистов национального движения на достижение равноправия с другими этническими группами империи (поляками и русскими), в качестве одного из аргументов использовалась идея

языковой и культурной близости литовцев с историческими этническими группами. Поэтому, на статус таких родственных групп претендовали балканские народы – даки и фракийцы.

Интерпретации последних как родственных балтам групп и трансплантация политики в изучение лингвистических проблем к середине XX в. сменились академическими штудиями в сфере балто-балканских параллелей. Российский филолог Вяч.Вс. Иванов в связи с попытками ряда авторов проводить сравнительные балто-фракийские исследования, указывал, что в науке был фактически поставлен вопрос «о реальности балто-фракийских связей», что потребовало выработки со стороны научного сообщества их «вероятного исторического истолкования» [9, с. 7]. Поэтому задачами статьи являются анализ восприятия фракийского и дакийского как балтийских языков в историческом воображении литовского национализма, изучение аргументов сторонников подобного подхода и выяснение роли, места и значения этой концепции как в рамках индоевропеистики и балтистики, так и в контекстах интеллектуальной истории и развития национального и исторического самосознания отдельных европейских наций, интеллектуалы которых выдвигали подобные идеи на волне национального подъема.

Приписывание литовской этничности древним балканским народам: Йонас Басанавичюс. Концепция принадлежности фракийского и дакийского языков к балтийским была впервые предложена одним из лидеров литовского национализма, «отцом нации», врачом и интеллектуалом Йонасом Басанавичюсом (1851 – 1927), который опубликовал 600 слов из фракийского и балтийских языков, включая литовский и латышский [54; 55; 77], которые, по его мнению, указывали на особую близость между языками [66], интерес к которой у него зародился в период проживания в Болгарии, где он осознал необходимость «исследовать родство литовцев с древними фракийцами, на землях которых живут нынешние болгары» [36], что в его ситуации вынужденного политического эмигранта было вполне обосновано, если принять во внимание то, что Й. Басанавичюс не был профессиональным лингвистом, а преимущественно политический характер его деятельности снимал те ограничения, с которыми сталкивались академические исследователи. Эта «близость» в значительной степени была воображаемой, а этимологии, предложенные литовским автором, были спорны. Йонас Басанавичюс, который несколько лет прожил в Болгарии, на территории которой ранее располагалась Фракия, также констатировал фонетические сходства между литовским и болгарским языком, хотя последний принадлежит к славянским. Йонас Басанавичюс, вдохновленный работами романтиков-националистов и неакадемических историков [68; 89], в своих исследованиях следовал ценностям литовского национализма, представленным преимущественно попытками продвижения этничности, так как националисты опасались угрозы ассимиляции в форме полонизации, что в целом актуализирует особую роль интеллектуалов в развитии национализма. Поэтому, идеи Й. Басанавичюса, которые в контекстах современной историографии выглядят как неакадемические попытки экспорта литовской этничности на те сообщества, которые таковой не обладали, для своего времени вполне соотносились с уровнем развития языкознания, которое реагировало не только на академические открытия, но и на политические процессы, что превратило лингвистические исследования в Европе 19 века в инструмент в руках националистически ориентированных интеллектуалов, который использовали язык, точнее – лозунг борьбы за языковые права неравноправных групп, в инструмент политической мобилизации.

Построения и изыскания как самого Й. Басанавичюса, так и некоторых его современников, например, Майрониса в сфере изучения литовской истории фактически не имели академического обоснования в его современном постмодернистском понимании, хотя были вполне сопоставимы с уровнем развития академического языкознания 19 века, преследуя при этом, с одной стороны, преимущественно политические цели, и, с другой, имея утилитарное значение для активно развивавшегося литовского национализма. Утилитарность построений Й. Басанавичюса была, правда, весьма ограниченной, проявляясь

в использовании балканской тематики для укрепления в первую очередь литовской этничности по принципу поиска великих исторических предков, что в принципе универсально для логики развития большинства националистических движений на этапе, предшествующем институционализации политической нации в форме государства. В этом контексте попытки Й. Басанавичюса актуализировать балкано-литовское родство в значительной степени оказались маргинальны, так как большинство теоретиков литовского национализма сделали ставку на продвижение концептов политической нации, актуализируя государственное наследие Великого Княжества Литовского, что оказалась более целесообразным в борьбе за политическое представительство, чем пространные размышления Й. Басанавичюса о балто-балканском родстве.

Методологическая позиция литовских авторов, которые были склонны проводить балто-фракийские параллели достаточно четко отражена в словах Майрониса (Йонас Мачюлис, 1862 – 1932), который свои «лингвистические» изыскания в целом интегрировал в религиозный контекст, полагая, что «любовь к Родине не может быть без любви к Богу, не говоря уже о человеке, чей разум не затронут сверхъестественными чувствами, и поэтому он неспособен искренне и мудро любить землю своих родителей. Следовательно, не правы очень горячие молодые головы, которые говорят, что литовцам достаточно одного научного просвещения. Оно необходимо, но наука без религии сама по себе не возвышает человека, не вдохновляет праведных и высоких чувств, не укрепляет и не поднимает падшего духа, не согревает застывшее сердце» [68]. Поэтому факты языковой истории литовские интеллектуалами конца XIX – XX вв. нередко интерпретировались исходя из потребностей политического национализма или политического католицизма, что существенно влияло и на интерпретации балто-балканских параллелей, которые новому поколению литовских националистов казались не совсем академическими идеями романтического национализма и воспринимались как малопригодные для борьбы националистов за создание литовского государства, которая стала более актуальной в 1910-е гг. Что касается самого Й. Басанавичюса, то он в своих построениях шел на трансплантацию современной для него литовской этничности на древних балканские народы, утверждая, что «фракийцы, этот великий древний народ, были такими же, как литовцы, и поэтому сегодня мы – лишь небольшой остаток, живой зеленый росток из доисторического ствола фракийцев» [36]. В этом контексте Й. Басанавичюс развивал преимущественно этнические нарративы в рамках литовского националистического движения: если такие идеи воспринимались литовскими националистами 19 века вполне благожелательно, что в целом соотносилось с попытками продвижения литовской идентичности путем ее «изобретения» в формах, предоставляемым универсальным романтическим канонам, то в начале 20 столетия балканские нарративы выглядели все более архаичными, так как литовские националисты сосредотачивались на решении политических задач.

Комментируя эту ситуацию, британский историк Э. Смит, ведущий представитель примордиалистского восприятия нации и национализма, подчеркивает, что «историки внесли весомый вклад в развитие национализма... они заложили моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах... историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили рациональные основания и хартии наций своей мечты» [91]. Более того, Йонас Басанавичюс шел дальше в своих построениях и включал латышский и литовский, с одной стороны, и фракийский, и дакийский, с другой, в одну группу в рамках индоевропейской семьи. Идеи Й. Басанавичюса, основанные на некритическом сближении балтов и фракийцев, представлены в трех его сочинениях – «Литовско-фракийские изыскания», «О народности фракийцев и фригийцев и их возвышении в Литве» и «Детали фракийской и литовской мифологии» [34; 35; 36; 37]. Изыскания Й. Басанавичюса, который интересовался древней историей, признавая, прогресс в антиковедении, стимулировал его обращение к проблеме родства между балтами и фракийцами [54; 55], были в значительной степени далеки от академической науки, так как его идеи были гораздо ближе ценностям

литовского этнического и романтического национализма, что свидетельствует о том, что «во все эпохи и в каждом обществе историография подчиняется политике» [12, с. 21], а в случае отсутствия собственной государственности интеллектуалы, занимающиеся изучение прошлого той или иной неравноправной миноритарной группы обречены воспроизводить в своих текстах нарративы того или иного национализма, а для Й. Басанавичюса таким национализмом был литовский. Ряд современных литовских авторов также склонны воспринимать воззрения Й. Басанавичюса как явление двойственного плана – с одной стороны, часть большого националистического дискурса, а, с другой, один из эпизодов культурной и интеллектуальной истории литовского лингвистики. В частности, Альгирдас Григаравичюс, не только указывает на то, что «у нас нет достаточных оснований утверждать, что фракология повлияла на литовскую идентичность», но, с другой, подчеркивает и то, что «ошибки и домыслы - неизбежные спутники научного прогресса. Творчество без идеализма бессмысленно. Желание доказать литовское происхождение от фракийцев вдохновило Йонаса Басанавичюса, и он сделал гораздо больше, чем мог бы сделать без этого романтического порыва» [55].

Изыскания Й. Басанавичюса имели преимущественно прикладное политическое (мобилизационное в контексте привлечения новых сторонников), а не академическое значение, что и стало, с одной стороны, причиной критики идей балто-дакийской общности в более поздней научной литературе. По мнению современного литовского историка Альгирдаса Григоравичюса, интерес Й. Басанавичюса к древней балканской истории в значительной степени стимулировался спецификой развития литовского национализма, который в отличие от национализмов Германии и Скандинавии также воображал и конструировал свои собственные версии национального мифа, в котором «литовские призраки не воюют друг с другом, поэтому героический эпос не имеет отношения к феминности и не знает образов героических воинов», что вынудило националистов конструировать нацию на этнических основаниях, уделяя особое внимание языку и этногенезу и в этой ситуации модерновая «литовская идентичность традиционно утверждалась и действовала как живая история происхождения» [54], что и стимулировало значительный интерес как к вопросам этничности, так и к поиску этнически близких групп в отдаленном прошлом с целью повышения авторитета современных на тот момент литовцев и наделения их славной и древней историей.

Ревизия наследия Й. Басанавичюса и академизация лингвистики в Первой Республике. Уже в 1920-е гг. литовские интеллектуалы крайне скептически оценивали лингвистические изыскания одного из отцов-основателей литовского национализма, полагая, что они не соответствовали нормам научного исследования. Несмотря на столь скептическое восприятие наследия Й. Басанавичюса на родине, некоторые его идеи стали стимулом для балканских интеллектуалов. Самым последовательным критиком идеи балто-фракийского единства в Литве был Казимерас Буга, полагавший, что «исследование Басанавичюса сегодня не имеет ценности. Вся эта работа, на которую были затрачены долгие годы и забравшая здоровье ее автора, ни к чему не привела... сначала могло казаться, что данные Басанавичюса могут кому-то пригодиться, но потом выяснилось, что его глоссарии не только неполные, но и полны ошибок... его исследование показывает ту чушь, к которой можно прийти, решив определять национальность древних народов на основании языковых данных, когда сам автор не является лингвистом и игнорирует законы лингвистики» [42, р. 668].

В качестве критика Й. Басанавичюса выступил и другой активист литовского националистического движения Юозас Тумас (Вайжгантас), который обвинил его в некритическом отношении к источникам [98; 99]. Йонас Балис в середине 1920-х гг., признавая оригинальность идей Й. Басанавичюса, все же указывал на их спорность и неоднозначность, полагая, что концепт балто-фракийского единства в значительной степени основан на некритическом отношении к источникам [32]. Йонас Пузинас во второй половине 1930-х гг. указывал на фактические ошибки Й. Басанавичюса в проведении балто-фракийских параллелей [79], позднее подчеркивая и то, если бы Й. Басанавичюс не бы столь

активен в продвижении своих спорных гипотез [80], отношение к ним в академическом сообществе было бы более умеренным [81]. Во второй половине 1930-х гг. секретарь Антанаса Сметоны, Александрас Меркелис, указывал на то, что идеи Й. Басанавичюса применимы только для патриотического воспитания, не обладая академической ценностью (Merkelis 1937).

Наследие Й. Басанавичюса: между попытками академизации (И. Дуриданов) и этническим национализмом (Статкуте де Росалес). Если литовские интеллектуалы восприняли идеи Й. Басанавичюса более чем скептически, они нашли своих сторонников в других странах Европы, хотя непрофессиональные лингвисты в Литве и в литовской эмиграции продолжали некритические попытки изучения балканских языков, намеренно сближая их в своих «исследованиях» с балтийскими [87; 88], указывая на лексические параллели и сходства в названиях гидронимов в балтийских и балканских языках. Их невольными союзниками оказались и некоторые болгарские и румынские авторы, хотя последние в большей степени ориентировались на тексты Й. Басанавичюса. Иван Дуриданов (1920 – 2005), болгарский лингвист, считал возможным, с одной стороны, писать о том, что «фракийский язык образует близкую группу с балтским, дакийским и “пеластийским” языками» [46], но эта близость описывалась в категориях индоевропейского родства [13], а некоторые румынские авторы полагали, что дако-мезийский и фракийский языки были близки к балтийским языкам [82; 84].

С другой стороны, И. Дуриданов, который так и не был в должной степени оценен академическим сообществом [70], в некоторой степени продолжал изыскания Й. Басанавичюса и констатировал 138 лексических совпадений между фракийским и литовским языками, полагая также возможным проводить параллели между балтскими и фракийскими топонимами [48; 49; 50], что, скорее, свидетельствовало о наличии общих предков, а не о принадлежности языков к одной группе. Кроме этого, И. Дуриданов вынужденно признавал, что большинство балто-фракийских параллелей проявлялось в суффиксальном словообразовании [6], что актуализировало их принадлежность к индоевропейской семье в целом. Более поздние параллели между балтскими и палеобалканскими также в определенной степени носили односторонний характер, сводясь преимущественно к антропонимии и гидронимии [1; 2; 3; 4; 17].

Представители неакадемической лингвистики [96] достижения балтистики игнорировали, решая преимущественно политические задачи. Поэтому они взяли идеи Й. Басанавичюса на вооружение, что позволило им «переносить» некую балтскую этничность на фракийцев, используя при этом преимущественно политические аргументы, хотя другие интеллектуалы признавали, например, важность литовского языка, но исключительно для сравнительных академических исследований [63], хотя и не привлекали при этом фракийский материал [64]. В целом же, идеи Й. Басанавичюса, который «принял во внимание мифологическую традицию развить ее современными научными методами и поверив, что в конечном итоге он сможет открыть миру истоки литовской цивилизации» [54], были в значительной степени пересмотрены и подвергнуты ревизии со стороны академических ученых [20], которые, признавая определенные лексические параллели между балтийскими [5] и палеобалканскими языками [7; 61] объясняли их наличием общего языка-предка [14], но не принадлежностью к одной группе, хотя идеи Й. Басанавичюса нашли и своих сторонников. Что касается его более радикальных сторонников [96], то их взгляды идентифицируются как лженаучные.

Скепсис относительно лингвистического наследия Й. Басанавичюса не распространяется на его вклад в восстановление литовской государственности. В современном интеллектуальном сообществе Литве существует консенсус относительно Й. Басанавичюса как политической фигуры, внесшей несомненный вклад в развитие литовского национализма. В частности, Витаутас Синица выражает общепринятую точку зрения, согласно которой «Литва – современное национальное государство... созданное и

восстановленное никем, кроме националистов, на основе национального идеала и общепризнанного права наций на самоопределение. Нет другого принципа, который узаконивает Литву, оправдывая право нашего государства быть на карте мира... мы продолжаем жить в Литве 16 февраля [2018 г.]. В Литве, идеологические основы и саму перспективу ее создания заложил и развил Йонас Басанавичюс... Человек, который с самого начала участвовал не только в культурном возрождении страны... но также и в политическом национальном движении для создания независимого национального государства. Он поддерживал литовский проект от начала до конца... это Литва Ю. Басанавичюса... Мы живем в Литве Я. Басанавичюса и являемся одновременно представителями литовской политической (неэтнической) нации и патриотами, поскольку мы поддерживаем литовский проект Я. Басанавичюса» [86].

Ассимиляция идей Й. Басанавичюса в балтистике. Несмотря на подобное восприятие политического вклада Й. Басанавичюса, судьба его лингвистических штудий была менее удачной. Сторонники локализации фракийского и родственных ему языков среди балтийских апеллируют к известному нам словарю фракийских слов [94; 103], составленного на основе корпусу фракийских текстов [65; 75], указывая не некоторые, правда спорные и принимаемые не всеми представителями академического сообщества [43], лексические параллели между фракийским [45], с одной стороны, и балтийскими, представленными литовским, латышским и вымершим прусским, с другой. Российский лингвист О.Н. Трубачев, комментируя перспективность изучения балто-фракийских параллелей полагал, что «балтийско-фракийские соответствия могут быть умножены» [25].

Возможны и гипотетические параллели между фракийскими и балтскими топонимами [44] и гидронимами [29], хотя и они в большей степени склонны интегрироваться в широкие индо-европейские контексты [76], даже теми авторами [48], которые допускали в своих исследованиях чрезвычайно смелые и широкие параллели между фракийским и балтийскими языками. В частности, в индо-европейской компаративной перспективе анализирует такие параллели и П.У. Дини [5, с. 180 – 182]. В конечном результате никто из исследователей, проводивших фракийско-балтийские параллели, не позиционировал фракийский язык среди индоевропейских как балтийский [50]. Комментируя особенности балтийских языков В.Н. Топоров подчеркивал, что «в основе выделения балтийских языков в особую группу лежит принцип генеалогической классификации. Все известные балтийские языки генетически выводятся из одной и той же группы говоров древнего индоевропейского диалектного континуума... и объединяются между собой в некое относительное единство» [24], включать в которое фракийский язык излишне, так как его параллели с балтийскими вполне вписываются их общее индоевропейское происхождение. По мнению Ю. Откупщикова, «большое количество балто-фракийских ономастических изоглосс... позволяет этимологизировать фракийские имена собственные, опираясь на балтийскую апеллятивную лексику... Наличие значительного числа балто-фракийских изоглосс в области ономастической лексики, а также огромного балтийского апеллятивного материала позволяет пролить достаточно надежный свет на этимологию многих фракийских ономастических образований» [16], что крайне полезно для проведения параллелей в индоевропеистике, но не позволяет локализовать фракийский язык среди балтийских.

Российский лингвист Ю.В. Откупщиков, комментируя место балтийских языков среди индоевропейских, подчеркивает, что «поскольку балтийские языки сохранили значительно более архаичную структуру сравнительно с языками славянскими, теоретически – именно в структурном отношении – славянские формы во многих случаях можно "вывести" из форм балтийских, но, обычно, не наоборот» [24, с. 114]. Трансплантируя это предположение в контексты изучения балто-фракийских параллелей, вероятно, логично предположить, что и балтский и фракийский могут быть выведены их индоевропейского контекста. Подобное предположение свидетельствовало об ассимиляции наследия Й. Басанавичюса в академической балтистике, которая не восприняла его радикальную идею

общности балтов с балканскими историческими народами, сделав выбор в пользу сравнительных исследований.

Компромиссный канон: балто-балканские параллели (В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев). Поэтому В.Н. Топоров указывал на возможность «открытия многочисленных следов балтийской гидронимии» [18; 20], но никак не на необходимость пересмотра типологии индоевропейских языков и определения дакийского как балтийского. Более того, по мнению В.Н. Топорова, имело смысл анализировать такие отношения в более широком ракурсе, то есть в «контексте отношений индоевропейских диалектов между юго-восточной Прибалтикой и Балканами», полагая возможным со временем перейти и к анализу более узких сюжетов, связанных, например, с «специфическими балто-балканскими связями» [22].

Суммируя подобные предположения, В.Н. Топоров указывал, что «число лексических совпадений, относящихся к обозначению ландшафта, хозяйства архаичного типа, правовой, ритуально-мифологической терминологии» значительно между балтийскими и балканскими языками. Поэтому им подчеркивалось и то, что «отношения балтов с южными соседями – фракийцами и иллирийцами – носили несколько иной характер. свидетельство их можно видеть в большом количестве (несколько сотен) топонимических соответствий между балтийскими и балканскими ареалами, причем несколько десятков параллелей претендует на практически абсолютную точность исходных форм» [24, с. 17].

Поэтому, анализируя подобные лексические параллели во внимание следует принимать ряд факторов, которые не позволяют определять фракийский в качестве балтского языка. Эти факторы следующие: во-первых, число известных нам фракийских надписей незначительно, что усложняет их сопоставление с балтийскими языками, которые имеют развитые литературные традиции; во-вторых, этимология и значение фракийских слов, которые нам известны, не всегда определяется однозначно достоверно и точно; в-третьих, лексические параллели между фракийским и балтийскими языками могут быть объяснения не принадлежностью фракийского к балтской группе, но принадлежностью этих языков к индоевропейской семье и наличием общего языка-предка. В этой ситуации в российской историографии [7] сложилась традиция проведения широких сравнительных исследований, где балтийско-фракийские параллели интегрированы в индоевропейские контексты, что, правда, игнорируется сторонниками фольк-лингвистических и фольк-исторических «исследований» [96].

Не представляется возможным определить фракийский язык как балтский и в силу того, что в известной нам фракийской лексике просматриваются параллели не только с балтскими, но и с другими индоевропейскими языками, что указывает на целесообразность и большую рациональность изучения фракийских параллелей в более широком индоевропейском контексте. Кроме этого во внимание следует принимать и предположение О.Н. Трубачева о «ранней близости ареала балтов к Балканам» [25, с. 21]. Поэтому не представляется возможным исключать этнические контакты между балтскими и фракийскими племенами, так как балтский ареал был более широким и носители балтских диалектов могли контактировать с носителями фракийских.

Ревизия канона: Харви Майер от «балтизации» балканских языков к «балтоидным» языкам. Во второй половине 20 века идеи Й. Басанавичюса и построения И. Дуриданова были признаны слишком радикальными, а балтисты ограничивались преимущественно проведением лексических параллелей между балтийскими и палеобалканскими языками [18; 22; 23], не ставя под сомнения сложившиеся принципы типологии индоевропейских языков. В рамках советских гуманитарных наук была создана «достаточно эффективная система контроля над исторической продукцией» [28], что автоматически маргинализировало неакадемические версии, в том числе – и в лингвистике, даже в тех случаях, когда заключения сторонников альтернативных интерпретаций «не могли поколебать силу официального дискурса» [27].

По мнению ряда авторов, параллели между балтийскими и палеобалканскими языками имели место [39; 78], но стали следствием «близости между балтийскими и западнобалканскими языками в контексте индоевропейских диалектов», что признается, например, итальянским балтистом П. Дини, который при этом определяет идеи других авторов о «балтоидном характере» палеобалканских языков как «фантастические», подвергая критике и саму дефиницию «балтоидный» [47]. Некоторые авторы стремились расширить число лингвистических аргументов за счет исторических, что, например, делал американский исследователь Харви Майер [70], указывающий на то, что в прошлом ареал распространения балтских диалектов был гораздо шире. Х. Майер описывал некоторые палеобалканские языки как «восточные балтские» или «подобные балтским», проводя параллели преимущественно с литовским как более архаичным в сравнении с латышским. Кроме этого, Х. Майер определял литовский как «восточный балтский», латышский – «западный балтский», а фракийский и дакийский языки включались им в число «южных балтских» [71].

Правда позднее Х. Майер внес определенные коррективы в свою концепцию. Признавая, что балтийские и фракийские языки имели общий язык-предок уже выделившийся из индоевропейской семьи [70], Х. Майер несколько иначе расставил акценты, определив «фракийский и дакийский как восточно-балтские» или «балтоидные» [72], хотя предки даков и фракийцев позиционируются им как «южные балтоиды». По мнению Х. Майера среди балтийских языков следовало выделять восточные (литовский), западный (пруссский и латышский) и южные, представленные фракийскими языками [72]. Комментируя и развивая это предположение, американский лингвист указывал на следующее: «подгоняя особые дакские и фракийские черты (которые я выявил из списков Дуриданова) к балтским образцам изоглосс, я определил дакский и фракийский как Юго-Восточную ветвь балтского. Южная, потому что, как и старый прусский, они не изменяют дифтонгов *ei*, *ai*, *en*, *an* в то время, как северные балтские, литовский и латышский, показывают различные проценты *ei*, *ai* -> *ie* и *en*, *an* -> *ę*, *a* (-> *ē*, *ā*) в литовском языке, и *ie*, *uo* в латышском языке. Восточные, потому что дакское слово *žuvete* (в румынском написании *juvete*) имеет *ž*, а не *z*, как в западных балтских, и фракийское слово *pušis* (латинско-греческая транскрипция показывает *pousis*, который, я считаю, отражает -š-) с нулевой степенью *puš-*, как в литовском *pušis*, а не с е-степенью **reuš-*, как в прусском *reusē*. Нулевой класс в этом слове – восточный балтский, е-класс здесь – западный балтский, в то время, как другое слово для “сосны” – *preidē* (пруссский и дасианский), *priede* (латышский), является маргинальным в литовском языке, совпадая с отсутствием **reus-* в латышском» [71]. Более того, по мнению Х. Майера, даки не только говорили на «балтоидном» языке, но и «были древними южными балтоидами, которые, скорее всего, время от времени совершали миграции обратно на территорию более раннего распространения балтийских языков, то есть на север» [71].

Развивая подобные предположения, умеренные критики самой идеи гипотетической принадлежности литовского, латышского, фракийского и дакийского к одной группе указывали на отсутствие подобных параллелей между этими четырьмя языками и славянскими языками, что, с одной стороны, позволяло ставить под сомнение балто-славянскую теорию, но, с другой, формально разрешало предполагать наличие общего языка-предка как для литовского, так и для фракийского в то время как балтийские и славянские языки имели различных предков в рамках индоевропейской семьи. В свою очередь критики неакадемических теорий в историографии, основанных на намеренном сближении балтийских и палеобалканских языков, указывают на различия сравниваемых языков: если латышский и литовский являются функционирующими языками, то палеобалканские – вымершими, что не позволяет в полной мере изучить последние и «определить» их в качестве балтийских.

Поэтому академическая критика концептов балто-фракийского единства основана в сравнительных исследованиях. В частности, российский лингвист О.Н. Трубачев списывал

балто-фракийские параллели на период индоевропейской общности, когда предки балтов контактировали с предками фракийцев [26]. Российский лингвист Ю.В. Откупщиков подчеркивал, что палеобалканские языки нередко известны преимущественно по именам собственным: «большое количество балто-фракийских ономастических изоглосс... позволяет этимологизировать фракийские имена собственные, опираясь на балтийскую апеллятивную лексику... фракийский язык относится к числу так называемых “ономастических” языков, то есть нам известно большое количество фракийских имен собственных, но фракийская апеллятивная лексика практически нам почти совсем неизвестна» [15; 16], что автоматически делает локализации литовского и латышского, с одной стороны, и палеобалканских языков, с другой, в рамках одной группы гипотетическими.

Предварительные выводы. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов.

Концепция, основанная на идее принадлежности балтийских и палеобалканских языков к одной группе в рамках индоевропейской семьи, во-первых, стала частью интеллектуальной и культурной истории как индоевропеистики в целом и балтистики в частности. Во-вторых, анализируя идеи сторонников этой точки зрения во внимание следует принимать во внимание, что они были крайне избирательны в своей аргументации, сознательно подбирая доказательства генетической связи между литовским и латышским, с одной стороны, и фракийского, с другой, игнорируя те факты, которые не вписывались в их концепцию. В-третьих, концепция принадлежности балтийских и палеобалканских языков к одной группе основана преимущественно на изучении лексики литовского, частично латышского и фракийского языков, что ведет к игнорированию других факторов – в целом, аргументы сторонников этого подхода представляются уязвимыми в силу несопоставимости используемых источников – латышский и литовский язык являются живыми в то время, как наши сведения о палеобалканских языках нередко фрагментарны.

В-четвертых, в значительной степени избирательный подход в подборе источниковой базы, характерный для анализируемой теории, актуализирует преимущественно ее политический характер в силу того, что идеи принадлежности балтских и палеобалканских языков к одной группе индоевропейских языков стали следствием роста национального самосознания и укрепления идентичностей балтийских наций, так как местные интеллектуалы были чрезвычайно озабочены поиском великих исторических предков, так как их история их собственных обществ обеспечивала их примерами политических провалов и отсутствия собственной государственности.

В-пятых, концепция принадлежности литовского, латышского и фракийского к одной группе строится на использовании почти исключительно лингвистической аргументации, что не во всем и не совсем подтверждается историческими фактами, которые подтверждают контакты между балтами и фракийцами только на гипотетическом уровне. В целом, концепция принадлежности балтских языков и фракийского к одной группе в рамках индоевропейской семьи стала важным этапом в развитии индоевропеистики и балтистики, отражая развитие как исторической лингвистики, так и актуализируя рост национального самосознания и идентичности европейских периферийных наций.

В целом, концепция, которая описывала палеобалканские языки как балтийские, возникла в рамках литовского национализма в первой четверти 20 века и на данном этапе ее предназначение ограничивалось решением утилитарных задач, связанных с легитимацией литовского националистического движения, хотя в этом процессе роль идей Й. Басанавичюса была минимальна, так как его идеи практически не коррелировались с программой воссоздания литовской государственности в 1918 году. Попытки трансплантации элементов литовской этничности на историю балканских исторических народов не получили развития в литовском националистическом воображении, так как официальный канон исторического и политического национализма в большей степени базировался на примате государственности и этничности, а Великое Княжество Литовское обеспечивало новую

литовскую государственность достаточным уровнем легитимности. В этой ситуации неакадемические концепции, основанные на балтизации балканских языков, не были интегрированы ни в компромиссный канон националистического воображения, ни в академическое гуманитарное знание, что и предопределило маргинализацию подобных идей и их постепенную миграцию в направлении неакадемической фольк-лингвистики, что в наибольшей степени проявилось в радикальных версиях теории, основанной на экспорте современной литовской идентичности и этничности на самосознание тех групп, которые таковой явной не обладали. При этом следует помнить, что фактически националистическая, но архаичная и устаревшая концепция Й. Басанавичюса для начала 20 века, когда политические ценности государства и социальные интересы класса, были более важны, чем его романтические нарративы об этническом родстве, все же оказала и определенное позитивное действие. Поэтому, ее можно воспринимать в качестве одного из интеллектуальных стимулов для сравнительных исследований в рамках индоевропеистики, что позволило выявить значительное число балто-балканских параллелей, которые существенно дополняют наши представления о прошлом балтийских языков и народов и истории их контактов с другими индоевропейскими группами.

Таким образом, идея поиска великих предков или этнически престижных родственников, которая волновала литовских националистов в первой половине 20 века, привела к появлению неакадемической концепции, основанной на экспорте литовской идентичности и ее навязывании балканским историческим нациям. Поэтому подобные настроения следует интерпретировать как в рамках культурной истории литовского национализма, его истории и археологии идей, так и интеллектуальной истории и истории идей балтистики: возникнув как политический концепт, став основой для неакадемических теорий, попытки «балтизации» балканских языков не найдя понимания среди большинства представителей академического сообщества, стимулировали проведение широких сравнительных исследований, что выразилось в прогрессе балто-балканских компаративных штудий.

Библиографический список

1. Влахов К. Към въпроса за трако-дако-балтийските езикови отношения // Годишник на Софийския Университет. Филологически факултет. 1971. Т. 64. № 1. С. 57 – 109.
2. Влахов К. Тракийски лични имена. Фонетико-морфологични проучвания. София: Издателство на БАН, 1976. 136 с.
3. Гиндин Л. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М.: Наука, 1967. 207 с.
4. Гиндин Л. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София: Издательство БАН, 1981.
5. Дини П.У. Балтийские языки / ред. В. Н. Топоров. М.: ОГИ, 2002. 544 с.
6. Дуриданов И. Езикът на траките. София: Наука и изкуство, 1976. 167 с.
7. Иванов Вяч.Вс. К балкано-балто-славянским-кавказским параллелям // Балканский лингвистический сборник. М.: Наука, 1977. С. 143 – 164.
8. Иванов Вяч.Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М.: Наука, 1981. 271 с.
9. Иванов Вяч.Вс. Владимир Николаевич Топоров (1928 – 2005) и балто-славянские исследования // Балто-славянские исследования XVII. Сборник научных трудов. М.: Индрик, 2006. С. 7 – 14.
10. Кирчанов М.В. Кирчанов. Проблемы восприятия протославянского как "поздней филиации" балтских диалектов: классика, современность и перспективы развития // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 106 – 108.

11. Кирчанов М.В. Кирчанов. «Северо-западные» деконструктивистские интерпретации «восточнославянских» языков // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 4 (35). С. 10 – 17.
12. Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Кантакты і дыялогі. 1996. №3. С. 20–25.
13. Нерознак В.П. Палеобалканские языки. М.: Наука, 1978. 231 с.
14. Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Л.: Издательство ЛГУ, 1988. 263 с.
15. Откупщиков Ю.В. Балто-балканские ономастические изоглоссы // Ю.В. Откупщиков. Opera philologica minora. СПб.: Наука, 2001. С. 366 – 368.
16. Откупщиков Ю.В. Балтийские языки и индоевропейские реконструкции // Балто-славянские исследования. М.: Индрик, 2006. Вып. XVII. С. 110 – 115.
17. Славаова М. <I> диграфите в тракийските имена. София: Св. Климент Охридски, 2007. 138 с.
18. Топоров В.Н. Несколько иллирийско-балтийских параллелей из области топониматики // Проблемы индоевропейского языкознания / ред. В.Н. Топоров. М.: Наука, 1964. С. 52 – 58.
19. Топоров В.Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям // Балканское языкознание. М.: Наука, 1973. С. 30 – 63.
20. Топоров В.Н. К древнебалканским связям в области языка и мифологии // Балканский лингвистический сборник. М.: Издательство «Наука», 1977. С. 40 – 58.
21. Топоров В.Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям II // Балканский лингвистический сборник. М.: Наука, 1977. С. 59 – 116.
22. Топоров В.Н. Еще раз о древних западнобалканско-балтийских связях в ареальном аспекте // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте / ред. Е.И. Зеленина, В.В. Усачева, Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1984. С. 10 – 25.
23. Топоров В.Н. Balto-Albanica // Acta Baltico-Slavica. 1987. Vol. 17. С. 275 – 293.
24. Топоров В.Н. Балтийские языки // Языки мира. Балтийские языки / ред. В.Н. Топоров. М.: Academia, 2006. С. 10 – 49.
25. Трубаев О.Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема // Этимология. 1988 – 1990. М.: Наука, 1992. - С. 12 – 28.
26. Трубаев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М.: Академический проект, 2017. 540 с.
27. Цвиклински С. Татаризм vs булгаризм: «первый спор» в татарской историографии // Ab Imperio. 2003. No 2. С. 361 – 390.
28. Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 592 с.
29. Янакиева С. Тракийската хидронимия. София: АИ "Проф. Марин Дринов", 2009. 232 с.
30. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L. – NY: Verso, 1983.
31. Balkelis T. The Making of Modern Lithuania. L. – NY.: Routledge, 2009.
32. Balys J. Basanavičiaus tautosakos darbai // Akademikas. 1937. No 3. P. 59 – 61.
33. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Oslo: Universitetsforlaget, 1969.
34. Basanavičius J. Lietuviškai-trakiszkos studijos. Shenandoah, 1898.
35. Basanavičius J. Apie trakų prygų tautystę ir jų atsikėlimą Lietuvon. Vilnius: “Žaibo” spaustuvėje, 1921. 168 p.
36. Basanavičius J. Mano gyvenimo kronika ir nervų ligos istorija: 1851 – 1922 m. Vilnius: Baltos lankos, 1997.

37. Basanavičius J. Trakų ir lietuvių mitologijos smulkmenos // Basanavičius J. Raštai. Vol. XIV. Straipsniai ir studijos. Vilnius: Vaga, 2003. P. 100 – 165.
38. Billig M. Banal nationalism. L.: Sage Publications, 1995.
39. Breidaks A. Par baltu un seno Balkānu valodu paralēlēm // LZA Vēstis. 1977. No 3. 88. – 96. lpp.
40. Brubaker R. Ethnicity without Groups. – Harvard: Harvard University Press, 2004.
41. Brubaker R. Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town. – Princeton: Princeton University Press. 2006.
42. Būga K. Rinktiniai raštai. Vol. III. Vilnius: Valstybinė mokslinės ir politinės literatūros leidykla, 1961. P. 870.
43. Dana D. Sur quelques noms fantômes thraces et daces // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2005. No 154. P. 293 – 298.
44. Dana D. Onomasticon Thracicum (Onom Thrac). Répertoire des noms indigènes de Thrace, Macédoine Orientale, Mésies, Dacie et Bithynie // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2011. Vol. 17. No 1. P. 25 – 45.
45. Dana D. Un lexique des noms thraces : prolégomènes critiques // Dans Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. 2012. Vol. LXXXVI. No 1. P. 17 – 42.
46. Dimitrov P. The Ancient Balkan Languages: The Problems of the Structure of the Root // Thracia. 1995. No 11. P. 157 – 162.
47. Dini P.U. Le lingue baltiche. Firenze: La Nuova Italia, 1997. 532 p.
48. Duridanov I. Etymologisches aus dem Bereiche des Thrakischen und Dakischen // Известия на Института за български език. 1968. Т. 16. С. 65 – 74.
49. Duridanov I. Die Thrakisch- und Dakisch-Baltischen Sprachbeziehungen. Sofia: Verlag der Bulgarischen Akademie der Wissenschaften, 1969. 104 s.
50. Duridanov I. Die Stellung des Thrakischen im Kreise der indoeuropäischen Sprachen // Thracia I. Primus congressus studiorum thraciorum. Sofia, 1972. S. 231 – 244.
51. Ėmužis M. "Išrasti šviesų rytojų": išradimai komunizmo išradėjų žemėje (1940–1990) // Išrasta Lietuvoje: daiktai, idėjos, žmonės. Vilnius: Kaišiadorys, 2019. P. 111 – 138.
52. Ėmužis M. Inovatyvioji Lietuva (nuo 1990 m.) // Išrasta Lietuvoje: daiktai, idėjos, žmonės. Vilnius: Kaišiadorys, 2019. P. 163 – 184.
53. Georgiev V. The Genesis of the Balkan Peoples // The Slavonic and East European Review. 1966. Vol. 44. No 103. P. 285 – 297.
54. Grigaravičius A. J. Basanavičiaus trakologija: impulsai ir kontekstai // Kultūros barai. 2011. No 3. URL.: <https://kultura.lrytas.lt/istorija/2011/04/09/news/j-basanaviciaus-trakologija-impulsai-ir-kontekstai-5564365/>
55. Grigaravičius A. Apie Jono Basanavičiaus trakologiją // Krantai. 2014. No 1. P. 54 – 57.
56. Grygianiec M. Socialinis konstruktyvizmas – intelektualinė išdaiga. Kelios pastabos Piotro Rudkouskio straipsniui // Lietuvos kultūros tyrimai. 2021. No 5. P. 106 – 109.
57. Hakala W. Negotiating Languages: Urdu, Hindi, and the Definition of Modern South Asia. Columbia University Press, 2016.
58. Hobsbawm E. Are all tongues equal? Language, culture and national identity // Living as Equals / ed. P. Barker. Oxford: OUP, 1997. P. 85 – 98.
59. The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
60. Joseph J. Language and Identity: national, ethnic, religious. NY.: Palgrave Macmillan, 2004.
61. Katicic R. Ancient Languages of the Balkans. Berlin: Walter de Gruyter, 2012. 215 p.
62. Kavolis V. Modernizacija, globalumas ir nacionalizmas kultūriniai siekiniai // Kultūros barai. 2006. No 3. P. 2 – 9.
63. Klimas A. The importance of Lithuanian for Indo-European linguistics // Litanus. Lithuanian quarterly journal of arts and sciences. 1969. Vol. 15. No 3. URL.: http://www.litanus.org/1969/69_3_02.htm

64. Klimas A. Some unsolved riddles of Lithuanian linguistics // *Lituanus. Lithuanian quarterly journal of arts and sciences*. 1984. Vol. 30. No 1. URL.: http://www.lituanus.org/1984_1/84_1_04.htm
65. Kretschmer P. Die Erste Thrakische Inschrift // *Glotta*. 1914. Bd. 6. No 1. S. 74 – 79.
66. Krikštaponis V. Jonas Basanavičius – lietuvių tautos patriarchas // *XXI amžius. Krikščioniškos minties, kultūros ir visuomenės laikraštis*. 2012 m. No 8 (1983). vasario 24 d. URL.: http://www.xxiamzius.lt/numeriai/2012/02/24/atmi_02.html
67. Mačiulis D., Staliūnas D.. *Lithuanian nationalism and the Vilnius question, 1883-1940*. Marburg: Verlag Herder-Institut, 2015
68. Maironis. Apsakymai apie lietuvių praeigą / paraszė S. Znavykas. Tilžė: Kauno Lietuvos milėtojų spausdinta pas Otto von Mauderodės, 1903 (Maironis, Raštai / parengė Irena Slavinskaitė. Vilnius: Vaga, 1992. T. 3. P. 437 – 578).
69. Maxwell A. Choosing Slovakia: Slavic Hungary, the Czechoslovak Language and Accidental Nationalism. L.: I.B. Tauris, 2009.
70. Mayer H.E. Dacian and Thracian as Southern Baltoidic // *Lituanus. Lithuanian quarterly journal of arts and sciences*. 1992. Vol. 38. No 2. URL.: http://www.lituanus.org/1992_2/92_2_02.htm
71. Mayer H.E. South Baltic // *Lituanus. Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences*. 1996. Vol. 42. No 2. URL.: http://www.lituanus.org/1996/96_2_06.htm
72. Mayer H.E. Balts and Carpathians // *Lituanus. Lithuanian quarterly journal of arts and sciences*. 1997. Vol. 43. No 2. URL.: http://www.lituanus.org/1997/97_2_03.htm
73. Merkelis A. Jonas Basanavičius // *Mūsų Vilnius*. 1937. Vasario 15. Nr. 4 – 5. P. 58.
74. Milerytė-Japertienė G. Nuo žemės gelmių iki kosmoso: išradėjai ir išradimai išeivijoje // *Išrasta Lietuvoje: daiktai, idėjos, žmonės*. Vilnius: Kaišiadorys, 2019. P. 139 – 162.
75. Orel V.E. The Inscription from Kjolmen // *Mediterranean Language Review*. 1997. No 9. P. 77 – 82.
76. Paliga S. Thracian Terms for 'Township' and 'Fortress', and Related Place-Names // *World Archaeology*. 1987. Vol. 19. No 1. P. 23 – 29.
77. Piročkinas A. Basanavičiaus teorija – didelės problemos nuojauta // *Mokslas ir gyvenimas*. 2002. No 2. P. 5 – 6.
78. Podhirc C. Les rapports entre le thraco-dace et le balto-slave // *Actes du X Congres des Linguists*. Bucurest: Editions de ARSR, 1970. P. 755 – 771.
79. Puzinas J. Basanavičius lietuvių prosenovės tyrinėtojas // *Akademikas*. 1937. No 3. P. 64-65.
80. Puzinas J. Lietuvių prosenovė ir kalba // *Akademikas*. 1937. No 8. P. 185 – 187.
81. Puzinas J. Rinkiniai raštai. Vol. II. Kultūros ir politikos istorija. Chicago: Lituanistikos institutas, 1982. P. 336.
82. Rădulescu M.-M. The Indo-European position of Illyrian, Daco-Mysian and Thracian: a historico-methodological approach // *Journal of Indo-European Studies*. 1987. Vol. 15. No 3 – 4. P. 239 – 271.
83. Rudkouski P. Socialinis konstruktyvizmas – priemonė tautinės tapatybės problemoms? // *Lietuvos kultūros tyrimai*. 2021. No 5. P. 97 – 104.
84. Russu I.I. *Limba Traco-Dacilor*. București, 1967. 252 p.
85. Silverstein M. Whorfianism and the linguistic imaginations of nationality // *Regimes of Language: ideology, politics and identities* / ed. P. Kroskrity. Santa Fe: SAPR Publisher, 2000. P. 85 – 138.
86. Sinica V. Jono Basanavičiaus Lietuva // *Tėviškės alkas*. 2014. rugpjūčio 3 d.
87. Širvydas V. Kaip mūsų pavardės pateko į Graikiją // *Lietuva (Niujorkas)*. 1940. No 8. P. 17 – 18.
88. Širvydas V. Mūsų pavardės ir senovės trakai // *Lietuva (Niujorkas)*. 1940. No 6. P. 24 – 25.
89. Skirmuntt K. *Z najstarshych czasow plemienia litewskiego*. Krakow, 1892.

90. Smith A. *The Ethnic Origins of Nations*. L. – NY.: Wiley – Blackwell, 1991.
91. Smith A.D. Nationalism and the Historians // *International Journal of Comparative Sociology*. 1992. Vol. 33. No 1 – 2. P. 58 – 80.
92. Smith A. *Nationalism and Modernism*. L. – NY.: Routledge, 1998.
93. Smith A. *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. L. – NY.: Routledge, 2009.
94. Sotiroff G. A tentative glossary of Thracian words // *Canadian Journal of Linguistics / Revue Canadienne de Linguistique*. 1963. Vol. 8. No 2. P. 97 – 110.
95. Staliūnas D. Lietuvių nacionalizmas ir sostinės problema (XIX a. pabaiga – XX a. pradžia) // *Lietuvos istorijos metraštis 2013 metai*. Vilnius: Lietuvos Istorijos Institutas, 2014. P. 85 – 99.
96. Statkutė de Rosales J. *Europos šaknys ir mes, lietuviai*. Vilnius: Versmė, 2013. 280 p.
97. Stukas J.J. *Awakening Lithuania: A Study on the Rise of Modern Lithuania*. NY.: The Florham Park Press, Inc., 1966.
98. Tumas J. Lietuviškos pasakos įvairios // *Židinys*. 1929. No 1. P. 100 – 101.
99. Vaižgantas. Lietuvių meno kūrėjų draugijos plastikos sekcijos meno paroda // *Krašto balsas*. 1923. Vasario 18. No 39. P. 3.
100. Williams C. *Called unto Liberty: On Language and Nationalism*. NY.: Multilingual Matters, 1996.
101. Wimmer A. *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. NY. – Oxford: Oxford University Press, 2013.
102. Wimmer A. *Nation Building: Why Some Countries Come Together While Others Fall Apart*. Lawrenceville: Princeton University Press, 2017.
103. Witczak K. Studies in Thracian vocabulary (I-VII) // *Studia Indogermanica Lodziensia*. 2012. Vol. VII. P. 153 – 168.

УДК 929

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
Студент бакалавриата факультета политологии
А.А. Климов
Россия, г. Москва,
тел. 89996720824
e-mail: ander.klimov@yandex.ru
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
Студент магистратуры факультета политологии
В.А. Шашков.
РФ, г. Москва,
тел. 89873993649
e-mail: vlad-shashkov@mail.ru*

*Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
Undergraduate student of the Faculty of Political Science
A.A. Klimov
Russia, Moscow,
tel. 89996720824
e-mail: ander.klimov@yandex.ru
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
Master student of the Faculty of Political Science
V.A. Shashkov
Russia, Moscow,
tel. 89873993649
e-mail: vlad-shashkov@mail.ru*

А.А. Климов, В.А. Шашков

**Д.И. ПИСАРЕВ И НИГИЛИЗМ: К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ БИОГРАФИИ
НА ВЗГЛЯДЫ ДЕЯТЕЛЯ**

В статье делается попытка установления связи между влиянием жизненных обстоятельств и имеющими нигилистическую природу социально-политическими взглядами Д.И. Писарева. С помощью анализа биографических материалов и сведений специальной литературы удалось установить детерминирующее воздействие периодов детства и студенчества на мировоззрение деятеля. По мнению авторов, ключевым мотивом политической социализации Д.И. Писарева стала обусловленная родительской гиперопекой радикализация усвоенных в студенческие годы прогрессивных общественно-политических установок, которые он впоследствии рассматривал с позиций нигилизма.

Ключевые слова: нигилизм, разночинная интеллигенция, разночинство, коновод нигилистов.

A.A. Klimov, V.A. Shashkov

**D.I. PISAREV AND NIHILISM: ON THE QUESTION OF THE INFLUENCE OF
BIOGRAPHY ON THE VIEWS OF THE FIGURE**

The article attempts to establish a connection between the influence of life circumstances and the socio-political views of D.I. Pisarev, which have a nihilistic nature. With the help of the analysis of biographical materials and information from special literature, it was possible to establish the determinative effect of the periods of childhood and student life on the worldview of the figure. According to the authors, the key motive of political socialization is D.I. Pisarev became radicalized by parental overprotection of progressive socio-political attitudes acquired during his student years, which he later considered from the standpoint of nihilism.

Key words: nihilism, raznochinnaya intelligentsia, raznochinstvo, konovod nihilists.

60-е гг. XIX в. – один из ключевых периодов русской истории. Это время, во многом определившее последующее развитие российского общества. С отменой крепостного права в 1861 г. и последовавшей аграрной реформой крестьяне получили личную свободу и были наделены основными правами, что не улучшило их положения ввиду нерешенности земельного вопроса.

Однако с этой датой связан новый этап русской истории, характеризующийся кардинальным пересмотром наследия российского самодержавия и становлением новых общественно-политических реалий, показателем которых являлось пробуждение самосознания прежде бесправных слоев населения. Падение крепостного права пробудило народ ото сна, научило его вести борьбу за гражданское самоопределение.

В этих условиях в среде интеллигенции, и особенно остро в кругу радикально настроенной, демократически ориентированной молодежи, актуализируется вопрос становления «нового человека» – представителя нового социального типа людей, которому предстоит определять будущее общества, свободного от некогда обуславливавших его феодальных и крепостнических отношений. Данный комплекс воззрений предусматривал слом существующих устоев, что выразилось в распространении нигилистических ценностей, имевших в своей природе такой основополагающий элемент как отрицание. Оно было направлено на те социально-экономические, общественно-политические, культурные и иные институты и практики, которые поддерживали существующий самодержавный характер власти, ассоциировавшийся в сознании нигилистов с острыми и глубокими проблемами в обществе. Историк М.А. Ицкович писал, что «атмосфера переломной эпохи рождала убеждение в исторически преходящем характере ценностей, которые принято было считать абсолютными и вечными – религия, семья, мораль, социальный уклад, государство. Отсюда логически следовало и отрицание нигилистами всех «суеверий, предрассудков, привычек и обычаев», которые не согласуются с разумом и с естественными потребностями человека, стремление создавать свой новый стиль жизни, свои принципы взаимоотношений, поскольку старые в их глазах утратили жизненность и актуальность» [1, с. 62].

Подобные умозрения были наиболее характерны для особой социальной категории русского общества второй половины XIX в. – разночинной интеллигенции, положение которой в сословной системе Российской империи отличалось «подвешенностью», обусловленной исключением разночинцев из податного сословия, наличием образования и двойственным юридическим статусом [2, с. 356].

Необходимо отметить, что среди адептов нигилизма было и немало представителей привилегированных сословий, в том числе и дворянства. Одним из наиболее ярких представителей дворян-нигилистов был видный публицист и критик 60-х гг. XIX в. Дмитрий Иванович Писарев, которого в охранительной печати прозвали «коноводою нигилистов». Несмотря на благородное происхождение, Д.И. Писарев не стал следовать привычному образу жизни дворянина, выбрав для себя поприще свободного интеллектуального труда, тем самым причислив себя к рядам разночинной интеллигенции. В связи с этим возникает вопрос о возможных причинах такого выбора «коновода нигилистов». На наш взгляд, кроме изменившегося климата эпохи, могли сыграть свою роль особенности биографии деятеля, а именно начальный период жизни, заложивший основу своеобразия профессиональной деятельности Д.И. Писарева в качестве одного из ведущих публицистов Российской империи во второй половине XIX в. Данный подход позволит установить связь между социально-политическими взглядами Д.И. Писарева и влиянием жизненных обстоятельств.

Д.И. Писарев родился 2 октября 1840 г. в родовом селе Знаменское (Орловская губерния). Отец – драгунский офицер Иван Иванович Писарев, мать – дочь елецкого помещика Данилова Варвара Дмитриевна, стремившаяся дать первенцу хорошее образование: Любящая мать начала обучать ребенка едва ли не с того момента, как отняла его от груди. Она спешила передать ему все, что знала сама. И мальчик быстро все усваивал – у него были замечательные способности и удивительная память» [3, с. 11]. Находясь под строгим надзором мамы, он учился каждый день, и в итоге быстро стал центром внимания всего Знаменского уезда. Посетивший в это время имение иностранец полковник так описывает свои впечатления о четырехлетнем Мите: «Не то удивило меня, что ребенок прекрасно болтает по-французски, – я в Петербурге видел много попугаев, – но весь вид его, вся его маленькая фигурка, то достоинство и выражение в лице и глазах, с которыми он вел со мной беседу, – та непринужденность и тот смысл, который он влагал в свою детскую

речь: вот что меня в ребенке этом изумляло и поражало и чего я никогда и нигде в жизни не встречал» [3,с.12]. Цена за поразительные интеллектуальные способности, однако, была высока: мальчик, находясь в центре внимания, рос капризным и плаксивым, а атмосфера надзора, запретов и наказаний, оторванности от сверстников и окружающего мира сформировала в мальчике излишнюю строгость к себе, чрезвычайную послушность к взрослым, доходящие до абсурда честность и откровенность во всем. В итоге Дмитрий в кругу домочадцев получил прозвище «хрустальная коробочка», а младший брат матери, Андрей Дмитриевич Данилов, в своих воспоминаниях характеризовал маленького племянника как «выдрессированного ребенка» [3,с.15].

Д.И. Писарев получал домашнее образование до 11 лет, затем, в период с 1852 по 1856 гг. обучался в 3-й Петербургской гимназии. С точки зрения формирования взглядов будущего критика это был важный жизненный этап. Вырвавшись из семейного круга, Дмитрий получил возможность переосмыслить (насколько это позволяет подростковый ум) прошлый опыт и начать самостоятельно формировать картину мира. Он продолжал удивлять окружающих умственными способностями и проявлять в учебе прилежание, однако теперь его наблюдательность подкреплялась независимостью суждений, что прослеживалось даже в его школьных сочинениях и литературных эссеисах – очерках и анализах литературных произведений. Психологический очерк «Скука» противопоставляет низшие классы народа (им «некогда скучать; они заняты, а в немногие часы отдыха они веселятся в самом деле, от души» [4,с.124]) пустому светскому обществу («все светские приличия, этикет, все это выдуманно против скуки» [4,с.124], «все эти светские глупости, в которых мыслящий человек... не найдет никакого смысла» [4,с.124]). Соображения, положенные в основание этого очерка, а также рассыпанные в других сочинениях («природа искажена искусством человека» [5; С. 112], «учить ребенка силой невозможно» [6,с.120], оправдание обмана, если он ведет к пользе, и т. д.), предвосхищают те мысли, которые Писарев будет проповедовать со страниц журналов. Его мировоззрение подготавливалось уже на гимназической скамье [3, с. 31]. В 1856 г. он оканчивает гимназию с серебряной медалью («преуспевающий» студент в седьмом классе получил «неполные баллы за прилежание и поведение» [3,с.37]) и становится студентом историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета.

Со смертью императора Николая I и воцарением его сына Александра II связывают наступление новой эпохи. «Систему, патриархальную и суровую, основанную на крепостном праве и подчинении отдельного человека – личности, строгому режиму – как семейной, так и государственной жизни» [7,с.39-40] сменило время либерализации общества. «Обычные будни уступили тогда место исканию и брожению. От высших до низших волновались все и беспокойно искали новых форм жизни, новых идей, новых кумиров [7,с.39]. Это коснулось и университетов, в том числе и Императорского Санкт-Петербургского. «С молодежью заговорили другим языком; лекции профессоров оживились <...> студентам были разрешены сходки» [7,с.43]. В университете Писарев сталкивается с проявлениями вольнодумия, либеральными лозунгами, исходившими как от коллег-студентов, так и от прогрессивных преподавателей. Писарев втягивается в забурлившую студенческую жизнь. «На сходках он говорил больше всех, кричал громче всех, и все это с таким жаром и увлечением, что, казалось, готов был душу положить за дорогое товарищество» [7,с.43]. В то же время он, оставаясь способным и прилежным студентом, желая посвятить себя науке и при этом сталкиваясь с заскорузлыми образовательными практиками и некомпетентностью преподавателей с их устаревшими методами и подходом к образованию (особенно примечателен в этом плане профессор Телицын, поручавший студентам переводы зарубежных исследований и рассуждений «для пользы науки и назидания студентов» [7, с. 32], а Писареву поручивший перевод биографии немецкого философа В. Гумбольдта, на который у него ушло около полутора лет) укрепляется в своих критических настроениях. Это вызывает разлад в отношениях с родственниками, привыкших к послушному и безропотному

мальчику, а предложение о замужестве, выдвинутое Дмитрием (под влиянием усвоенных им новых идей о праве личности на счастье) своей кузине Раисе Кореновой вопреки воле семьи, усиливает разлад в некогда спокойной семье Писаревых. Е.А. Соловьев так комментирует значение этих событий на формирование взглядов будущего «коновода» нигилистов: «Любовь к Раисе и противодействие этой любви и дали, по моему мнению, плоть и кровь тем отвлеченным, теоретическим воззрениям, которые усвоил он себе за это время, подчиняясь общему настроению» [7,с.45]. Жизненные разочарования тонкая и восприимчивая натура Писарева принимала близко к сердцу, заставляя его искать способы сделать их менее болезненными. В одном из писем матери он заявляет, что «решил сосредоточить в себе самом все источники моего счастья, с этого времени я начал строить себе целую теорию эгоизма...» [8,с.203], основным положением которой стало бы обоснование эмансипации личности, понимаемой Писаревым как право индивида на личное счастье («...Любить свою личность и наслаждаться уважением к самому себе – это самый чистый, самый законный и самый высокий источник радости <...> Разве эта любовь к себе, дающая возможность переносить весело то, что обыкновенно считается несчастьем, разве эта любовь заставляет меня засыпать на лаврах, разве она мешает моему дальнейшему развитию?» [9,с. 212-213]). Тогда же прослеживаются истоки характерного как для Писарева, так и для всего нигилистического движения «обоожествления» труда, и прежде всего интеллектуального: «Остается умственная деятельность, наука, труд – вот чему надо отдаться, вот средство вылечить от горя» [7, с. 45].

В 1859 г. параллельно с учебой в университете он стал сотрудником журнала для девиц «Рассвет», специализировавшемся на популяризации прогрессивных идей эмансипации женщин. Писарев заведовал отделом библиографии, и эта должность требовала от него прочтения множества разнообразных книг. От массы книг исходило «обаятельное веяние души», чтение пробудило пылкий ум молодого человека» [3,с.31]. Писарев быстро стал ведущим сотрудником, а журналистика стала для него благодатной сферой применения природных данных. «Он горячо увлекается новым знанием, инстинктивно предчувствуя в нем дело всей своей жизни» [7,с.50]. Деятельность в журнале «Рассвет» определила призвание Писарева как журналиста и публициста. Однако работа не могла отвлечь его от грустных мыслей и душевной тоски, и в 1860 г. он попадает в психиатрическую лечебницу, где находился четыре месяца. В 1861 г. Д.И. Писарев по выздоровлении оканчивает Императорский Санкт-Петербургский университет с серебряной медалью. В том же году становится сотрудником петербургского журнала «Русское слово», возглавляемого Г.Е. Благовосветловым, политикой которого в качестве главного редактора журнала являлся «демократический принцип с социальным отрицанием существующего» [3,с.110]. К тому моменту взгляды Писарева, составившие костяк его нигилистического мировоззрения, уже были сформированы, и, попав в соответствующую атмосферу и рабочий коллектив, они получают четкое обрамление, и публицист сосредотачивается на радикальной критике и отрицании существующих «дряхлах» порядков. Статья «Схоластика XIX века», опубликованная в «Русском слове» в марте 1861 г., в которой Писарев впервые суммирует идеи отрицания всего отжившего в ставшем хрестоматийным нигилистическом послые «что можно разбить, то и нужно разбивать» [10,с.284], приносит Писареву славу в кругах не только демократически ориентированной разночинной интеллигенции, но и всей образованной части российского общества в целом. Данная статья не только вызвала резонанс в обществе, но и играла большую роль и для самого Писарева, ведь, как отмечает Е.А. Соловьев, «...в «Схолистике» - зародыш его будущих «Реалистов» и вообще самых ярких его статей» [7,с.88]. Пафос отрицания в еще более радикальной форме был развит Писаревым в статье «Глупая книжонка Шедо-Ферроти...», написанной в июне 1862 г и отпечатанной на тайной типографии (в марте 1862 г. «Русское слово», как и «Современник», были временно закрыты.) В ней «коновод» нигилистов призывает свалить в могилу династию Романовых и всю петербургскую бюрократию [11,с.275]. За это Писарев был посажен в одиночную камеру Петропавловской крепости, где провел более четырех лет.

В тюрьме Писарев написал лучшие свои работы, в том числе о прогрессе человеческого общества («Очерки из истории труда», 1863; «Исторические эскизы», 1864; «Историческое развитие европейской мысли», 1864; «Перелом в умственной жизни средневековой Европы», 1865; «Исторические идеи Огюста Конта», 1866 и др.), об исключительной роли в историческом развитии естествознания («Наша университетская наука», 1863; «Прогресс в мире животных и растений», 1864; и др.). Деятельно участвовал в полемике между «Современником» и «Русским словом», приведшей к так называемому расколу в нигилистах. Предпринял «разрушение эстетики» и низвержение кумиров публики («Пушкин и Белинский», 1865; «Разрушение эстетики», 1865; и др.). Сформулировал просветительскую программу «мыслящего реализма», предназначенную тем, кто желал стать «деятелем прогресса» в России («Реалисты», 1864; «Мыслящий пролетариат», 1865, опубли. под названием «Новый тип»; «Посмотрим!», 1865; и др.) [12, с. 782].

В 1866 г. Писарев выходит на свободу, в 1868 г. по приглашению Н.А. Некрасова становится сотрудником журнала «Отечественные записки». Долгий срок заключения и напряженная работа не могли пройти бесследно. «Эти последние годы ему приходилось зачастую насиловать себя, берясь за перо, и он то и дело жалуется на какую-то апатию» [7; С. 139]. Для восстановления расшатанного здоровья он отправился на Рижское взморье, в город Дуббелън, где его жизнь трагически оборвалась: 4 июля 1868 г. Писарев утонул во время купания. Похоронен в Санкт-Петербурге, на Волковом кладбище, рядом с Белинским и Добролюбовым.

Таким образом, в биографии Д.И. Писарева, особенно в его детских и юношеских годах, можно проследить особенности формирования личности, представляющие интерес не только как материал объяснения природы мировоззрения и социально-политических взглядов Писарева как конкретного индивида, но также представляющие определенную эвристическую пользу в деле определения общих закономерностей воспитания, характерных для России середины XIX века, способных привести к формированию черт нигилистического мировоззрения у целой группы людей.

Ранние годы детства, гимназийская пора, студенчество породили в Писареве качества, впоследствии трансформировавшиеся в нигилистическое мировоззрение. Гиперопека, вызванная желанием семьи, особенно глубоко любящей матери, дать первенцу все самое лучшее, приумножить его выдающиеся интеллектуальные способности, породила в Писареве как чувство собственной значимости, так и чрезмерную податливость, послушность, робость, замкнутость в иллюзорном, отгороженном от всего внешнего мира. В то же время именно тогда в будущем критике было заложено семя «таланта правды», обусловленного искренностью и глубиной переживаемых эмоций. Годы обучения в гимназии даровали некоторую свободу от опеки самых близких родственников, что позволило юному Писареву развивать наблюдательность и на ее основе критическое мышление, однако следы детства влияли на характер вплоть до студенческой скамьи. В университете Писарев впервые сталкивается с открытыми проявлениями вольнодумия и, следуя зову эпохи, начинает сочувствовать прогрессивным идеям, а степень их радикализации в сознании Писарева оказалась обратно пропорциональна той степени семейной опеки и обусловленной этим отсутствию возможности постепенного естественного формирования мировоззрения, ведь «чем туже стянуты пеленки, тем более энергичные движения нужны, чтобы расправить члены. А пеленки, в которых обретался Писарев до восемнадцати лет, были затянуты туго, очень туго» [7, с. 44-45]. В студенческие годы под влиянием философских идей В. Гумбольдта, а также личных жизненных обстоятельств им формируются теория эгоизма и вытекающее отсюда обоснование эмансипации личности. Претерпевая некоторую эволюцию, они составят основу тех социально-политических идей, которые Писарев будет нести в массы через печать.

Являясь психологической основой нигилизма, естественная потребность человека в противодействии внешнему влиянию – навязываемым веками «отцовским» общественно-

политическим, экономическим, духовным, культурным устоям и нормам, а также паттернам поведения и коммуникации, – и следовавшее за ним разочарование и стремление к их изменению [13,с.38], выступали дополнительным фактором, стимулирующим негативистские настроения в начинавшем формироваться молодом поколении (преимущественно в разночинной среде). Подобно гиперопеке в семье Писаревых, «отжившие» устои, регулировавшие каждый шаг индивида, вызвали в российском обществе 1860-х гг. тенденции к освобождению от них.

Библиографический список

1. **Ицкович М.А.** Субкультура русского нигилизма 1860–х годов и ее социальная направленность // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 11, № 6, 2009. С. 61 – 65.
2. **Ширинянц А.А.** Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского Университета, 2011. – 568 с.
3. **Коротков Ю.Н.** Писарев. М.: «Молодая гвардия», 1976. – 368 с.
4. **Писарев Д.И.** Скука // Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем: В 12 томах / редкол.: Ф. Ф. Кузнецов (гл. ред.) и др. Т. 12: Дневники. Ранние сочинения. Деловые бумаги. Переводы. 1850-1867. М.: Наука, 2013. - С. 123 – 125.
5. **Писарев Д.И.** Летний вечер // Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем: В 12 томах / редкол.: Ф. Ф. Кузнецов (гл. ред.) и др. Т. 12: Дневники. Ранние сочинения. Деловые бумаги. Переводы. 1850-1867. М.: Наука, 2013. – С. 112 – 113.
6. **Писарев Д.И.** Первый урок за азбукой // Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем: В 12 томах / редкол.: Ф. Ф. Кузнецов (гл. ред.) и др. Т. 12: Дневники. Ранние сочинения. Деловые бумаги. Переводы. 1850-1867. М.: Наука, 2013. – С. 120 – 122.
7. **Соловьев. Е.А.** Дмитрий Писарев. Его жизнь и литературная деятельность. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлиха, 1899. – 160 с.
8. **Писарев Д.И.** Письмо 82. В.Д. Писаревой. Начало третьей декады ноября 1859. Петербург // Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем: В 12 томах / редкол.: Ф. Ф. Кузнецов (гл. ред.) и др. Т. 11: Письма, 1851-1868. М.: Наука, 2012. - С. 203-204.
9. **Писарев Д.И.** Письмо 91. В.Д. Писаревой. Осень 1861. Петербург // Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем: В 12 томах / редкол.: Ф. Ф. Кузнецов (гл. ред.) и др. Т. 11: Письма, 1851-1868. М.: Наука, 2012. - С. 212 - 213.
10. **Писарев Д.И.** Схоластика XIX века // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем: В 12 томах / редкол.: Ф. Ф. Кузнецов (гл. ред.) и др. Т. 2: Статьи и рецензии 1860-1861 (январь-май) М.: Наука, 2000. – С. 250 – 306.
11. **Писарев Д.И.** Глупая книжонка Шедо-Ферроти... // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем: В 12 томах / редкол.: Ф. Ф. Кузнецов (гл. ред.) и др. Т. 4: Статьи и рецензии 1862 (январь - июнь) / отв. ред. Л.Д. Громова. Москва: Наука, 2001. – С. 270 – 275.
12. **Ширинянц А.А.** и др. Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия / Сост.: И.Ю. Демин, А.А. Ширинянц; подг. текстов: А.В. Мырикова, А.М. Репьева; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2012. – 896 с.
13. **Ширинянц А.А.** Русское общество и политика в XIX веке: революционный нигилизм // Вестник Московского Университета. Сер. 12, Политические науки. 2012. № 1. С. 38 – 49.

УДК 821.161.1

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
Преподаватель кафедры русского языка
Н.В. Коратаева
Россия, г. Воронеж,
тел: 89092130393;
e-mail: nvkniazeva@yandex.ru*

*Military Training and Research Center of the Air Force
"Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin".
Lecturer of the Russian Language Department N.V. Korataeva
Russia, Voronezh
tel: 89092130393;
e-mail: nvkniazeva@yandex.ru*

Н.В. Коратаева

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПЕРИОДОВ ЖИЗНИ Л.Н. ТОЛСТОГО
В БИОГРАФИЧЕСКОМ ТРУДЕ А.М. ЗВЕРЕВА И В.А. ТУНИМАНОВА**

Актуальность статьи обусловлена неослабевающим интересом исследователей к изучению жизненного пути Льва Николаевича Толстого. Биографы по-разному видели и интерпретировали линию судьбы великого писателя. В статье анализируется книга А.М. Зверева и В.А. Туниманова «Лев Толстой». Предмет исследования – концептуальный подход автора книги к фигуре и биографии Л.Н. Толстого

Ключевые слова: Л.Толстой, писатель, биография, автор, произведение, жанр.

N.V. Korataeva

**INTERPRETATION OF THE ICONIC PERIODS OF L.N. TOLSTOY'S LIFE IN THE
BIOGRAPHICAL WORK OF A.M. ZVEREV AND V.A. TUNIMANOV**

The relevance of the article is due to the relentless interest of researchers in studying the life path of Leo Tolstoy. Biographers saw and interpreted the fate of the great writer in different ways. The article discusses the book by A.M. Zverev and V.A. Tunimanov "Leo Tolstoy". The subject of the study is the conceptual approach of the author of the book to the figure and biography of Leo Tolstoy.

Key words: L. Tolstoy, writer, biography, author, work, genre

Книга «Лев Толстой» – научно-художественная биография Л.Н. Толстого, написанная А.М. Зверевым и В.А. Тунимановым. Читатель сталкивается «с непривычным, нешаблонным представлением о феноменальной личности Толстого, оставленным нам в наследство двумя замечательными исследователями литературы» [1, с.782].

Работа, посвященная изучению жизни великого писателя, Льва Николаевича Толстого, была изначально задумана А.М. Зверевым, который видел идеи графа по-своему, не так, как это было принято в советском литературоведении, «в каком-то смысле по-писательски более широко и полемически в сравнении с предшественниками-исследователями творчества русского гения» [1, с.782].

К сожалению, Звереву не суждено было окончить свой труд. В 2003 году исследователь умер. Изучение биографии Л.Н. Толстого было продолжено литературоведом В.А. Тунимановым, с которым предшественника связывала творческая и личная дружба. Так, масштабная работа была дописана Тунимановым, но, к сожалению, соавтор не увидел выхода книги в свет.

Получилось, что предисловие, первая и вторая части, раздел «Драматургия» Толстого и послесловие написаны Зверевым, а третья, четвертая и пятая части – Тунимановым.

Начинается со вступительной статьи Валентина Курбатова «Тайна на краю “заказа”». В данной статье критик задается вопросом, что побудило снова, после стольких исследований жизни гения, «снова писать эту жизнь». [1,с.6] «А время и побудило. Современность и побудила. Чечня и голод, «катюши масловы» и «живые трупы» без меры, терпкие вопросы к себе после обманывающего дня и тонкий холод «арзамасского ужаса», прикрытый телевизионными «полями чудес» и встречами правителей в галстуках и без» [1,с.6-7].

Далее следует предисловие Зверева. Автор вспоминает более ранних исследователей жизни Толстого, выделяя главное, на его взгляд, в их трудах.

Биография Зверева и Туниманова состоит из пяти частей:

1 часть – «Четыре эпохи развития»

Здесь дана информация о родословной Льва Николаевича Толстого, его родителей. В значительной степени автор опирается на «Воспоминания» Толстого, написанные для биографии П.И. Бирюкова. Рассказано о детских годах графа, его юности, учебе в Казани. «В Казани Толстой впервые ощутил невозможность и дальше воспринимать религию всего лишь как ритуал, для чего-то поддерживаемый, но не налагающий моральных обязательств. Не чувствуя этих обязательств, он восстал против самого ритуала. Как сказано в той же редакции «Исповеди», он «с шестнадцати лет начал заниматься философией, и тотчас вся умственная постройка богословия разлетелась прахом» [1,с.43].

В первой части описывается и военная служба Толстого. На Кавказе «Толстому становится понятно, для чего имеет смысл писать. Разумеется, не для того, чтобы снискать известность «современными заметками», то есть фельетонной беллетристикой на злобу дня. И не с целью очутиться в той «свите талантов», которые пойдут по дороге, проложенной гениями, и будут исправно предлагать публике «литературные произведения, удовлетворяющие насущную потребность ее ежедневных досугов»» [1,с.77].

Напротив, писатель подходит к литературной работе «чрезвычайно ответственному: это либо нечто «хорошее и полезное», наподобие практической программы жизнеустройства, либо опыт самоанализа и самопознания. Не оставлена, даже не отложена на будущее задача, которая подсказала идею книги о четырех биографических эпохах; Толстому по-прежнему надо обнаружить в прошедшем и длящемся какое-то организующее «стремление». И оно уже не выглядит для него фантомом» [1,с.78].

Что касается произведений, появившихся под впечатлением военных событий в Севастополе, в которых принимал участие граф, автор отзывается о них так: «Толстой был первым писателем, показавшим войну и «в настоящем ее выражении», и одновременно – этого не было даже у Стендаля – *sub specie aeternitatis*, под знаком вечности» [1,с.113].

Рассказывая о зарубежных поездках Толстого, Зверев заостряет внимание читателя на увиденной писателем смертной казни: «В его биографии Париж важен уже потому, что установлено оно было именно там. А через двадцать пять лет в “Исповеди” Толстой написал, как, увидев казнь, “понял не умом, а всем моим существом, что никакие теории разумности существующего и прогресса не могут оправдать этого поступка”. Пусть выдвигают любые теории, доказывая, что это нужно, – “я знаю, что это ненужно, что это дурно”» [1,с.145].

Завершается первая часть книги историей знакомства и женитьбы Льва Николаевича Толстого и Софьи Андреевны Берс.

2 часть – «Ясная Поляна. Вершины»

Автор рассказывает о семейном счастье первых лет семейной жизни Толстых, об отношениях писателя с сестрами Берс, сестрой Марией Толстой и братом Сергеем Толстым.

Читателю представлено подробнейшее описание истории создания, анализ, реакция критики на знаменитейшие произведения Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина».

3 часть – «Переворот»

Третья часть биографии открывается главой об «Исповеди» Толстого. Автор отмечает, что, «возможно, правы те, кто считает “Исповедь” одним из немногих произведений Толстого, написанных после переворота, где еще ощутимо православное

“настроение”. “Исповедь”, действительно, произведение переходное, в котором критические тенденции смягчены, а лексика может считаться сравнительно умеренной, не вызывающей. Ощутима в “Исповеди” и грусть расставания со старой верой после тщетных попыток бессознательно раствориться в ней, смиренно принять то, что исповедует большинство народа. Но, если позволительно так выразиться, Толстой никакую веру не мог принять на веру, о чем и сказал с присущими ему искренностью и прямоотой, подводя предварительный итог своим религиозным поискам в той же “Исповеди”: “Я хочу понять так, чтобы всякое необъяснимое положение представлялось мне как необходимость разума же, а не как обязательство поверить”» [1,с.339].

Особое внимание отводится отношениям, перепискам Л.Н. Толстого с Ф.М. Достоевским, И.С. Тургеневым, В.Г. Чертковым.

Автор подробно описывает нарастающую напряженность в отношениях между Софьей Андреевной и Толстым. Все чаще случающиеся конфликты между супругами стали прерываться на периоды гармонии. Непонимание в семье чувствовалось все острее. «Софья Андреевна, пытаясь объяснить себе и другим нервные срывы, следовавшие один за другим в начале 1895 года, писала в “Моей жизни”: “Со временем я ясно поняла, что мое крайнее отчаяние было не что иное, как предчувствие смерти Ванечки, которая и последовала в конце феврал. Такие периоды настроения вне нашей власти”» [1,с.529].

. Безусловно, смерть младшего ребенка стала трагическим и поворотным моментом в судьбе Толстых. Биографом приводятся воспоминания Татьяны, дочери Софьи Андреевны Толстой: «Моя мать после пережитого ею большого горя не сумела найти успокоения... Ей не хватало какой-то моральной силы, которая помогла бы ей обратить на благо свои страдания» [1,с.525].

Для графа смерть Ванечки была схожа с тем горем, которое он испытал после смерти брата Николая: «нет, в гораздо большей степени, проявление Бога, привлечение к нему, – записывает он в дневнике. – И потому не только не могу сказать, чтобы это было грустное, тяжелое событие, но прямо говорю, что это... не радостное, это дурное слово, но милосердное от Бога, распутывающее ложь жизни, приближающее к нему событие» [1,с.525].

4 часть – «На рубеже веков»

Рассказом о движении духоборов и об участии в нем графа начинается четвертая часть биографии Толстого.

Большое внимание уделено отношениям Толстого с церковью. Подчеркивается, что «деятельность Толстого давно уже беспокоила церковь, побуждая искать эффективные и сильные меры для обуздания еретика» [1,с.568].

Публикация романа «Воскресенье» подтолкнула к решительным действиям: «В Определении Синода осуждались противохристианское и противоцерковное лжеучение и “новый лжеучитель”, который “проповедует с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской”» [1,с.568].

Однако отмечается, что «ни слова “отлучение”, ни тем более “анафема” в Определении (довольно осторожном и дипломатичном) нет. Говорится об отторжении (“явно пред всеми, сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью Православною”) и “отпадении”». Биограф в свою очередь подчеркивает, что «принципиальной разницы между словами, пожалуй, не было: определение Синода, в сущности, мягко сформулированное отлучение, и священники вполне могли по своему усмотрению возглашать анафему “лжеучителю” Толстому» [1,с.569].

Также биограф рассказывает о тяжелом физическом состоянии графа в 1901-1902 годах. В 1901 году в Крыму он «постоянно находился на очень близком расстоянии от смерти. Ему действительно время от времени нездоровилось, но хворь быстро проходила, возвращалась бодрость и возобновлялись прогулки» [1,с.591].

1902 год стал еще более тяжелым для писателя. Чехов написал о его состоянии в тот период следующие строки: «Толстой очень плох... Вероятно, о смерти его услышишь раньше, чем получишь это письмо. Грустно, на душе пасмурно» [1,с.591].

Также встревоженным после встречи с графом остался и Горький, который обращаясь к Поссе, писал: «Возможно, что когда ты получишь это письмо, Льва Толстого уже не будет в живых... Положение его... безнадежно» [1,с.591].

В книге подробно описаны отношения Л.Н. Толстого с детьми.

5 часть – «Уход»

Подробно, детально описан последний этап жизни великого мыслителя. Биограф отражает состояние всемирно известного писателя и то, каким образом «уход» из Ясной Поляны состоялся: «Силы Толстого таяли. Будь уход спланирован и обдуман, таких неудобств и сложностей, конечно, не было бы. Импровизация предполагает любые неожиданности и непредвиденные повороты. Но другим уход Толстого и не мог быть, как стремительным и импульсивным порывом» [1,с.705].

Туниманов, рассказывая об «уходе» писателя, дает оценку этого поступка со стороны современников графа: «Уход – яркая заключительная страница жизни Толстого, прекрасная и загадочная, захватывающая и будоражащая умы и сердца, – неизбежно воспринимался современниками в легендарном свете: преображение, освобождение, чудо, желание завершить жизнь иноческим подвигом, религиозное просветление, мистический акт великого богоискателя, высшее торжество духа» [1,с.719].

Так оценивает биограф важность события для Л.Н. Толстого, его жизни: «осуществляя такую давнюю свою мечту, уходит в тот широкий и бесконечный мир, который всегда его манил, уходит навсегда, единым усилием разрывая путы, в последнее странствие, без подготовки, не определив ни дороги, ни места назначения. Уходит и всё тут, не заботясь о том, что напишут, скажут, подумают о его поступке. Все детали этого фантастического последнего странствия Толстого современники переживали как событие мировой важности, как, может быть, самое значительное, чему им довелось быть свидетелями» [1,с.719].

Глава «Драматургия Толстого»

Л.Н. Толстого как создателя драматургических произведений не принято относить «к плеяде выдающихся отечественных драматургов» [1,с.722].

Однако нельзя не сказать, что его драматургическое наследие «вошло в историю мирового театра фактически одной пьесой – “Живой труп”, а в историю театра отечественного театра – “Живой труп”, “Власть тьмы” и “Плоды просвещения”» [1,с.723].

Как отмечает Е.И. Полякова в исследовании «Театр Льва Толстого»: «Убежденный, что создает религиозный театр, Толстой создал этический театр, театр огромной нравственной и социальной значимости, обращенный не к ограниченному „верхнему“ слою общества, но ко всему народу» [1,с.723].

«Послесловие»

«Послесловие» рассказывает читателю о памяти идей, мировоззрения, творений Л.Н. Толстого после его смерти. Описано, как переживали уход из жизни великого писателя последователи, ученики, его жена. Показана работа над девяностотомным изданием сочинений Толстого. И, что важно, биограф оценил то влияние, которое было оказано на творчество не только современников великого мыслителя, но и на всю русскую и зарубежную литературу вплоть до XXI века.

Как отмечает Курбанов во вступительной статье, «самое дорогое в книге, что авторы заключают это не только из анализа дневников и писем, не только из богословских исканий своего героя, но и из его великих книг – из «Казаков» (где он проговаривается, что он всю жизнь какой-то «нелюбимый»), из «Анны Карениной» (с левинским восхищением православной твердостью А.С. Хомякова), из «Войны и мира» (с бессмертным «аустерлицким небом» и безуховским «все это во мне и всё это я»). Словно они читают не книги, а жизнь» [1,с.2].

Новое в книге «Лев Толстой» – это «новое именно в самой личностности чтения, в спокойной страстности (если возможно такое сочетание), с которой авторы “освобождают” в Толстом человека из-под завала “внешней” жизни, из-под бремени толкований, чтобы увидеть за чужими и его собственными жестокими вопросами к себе, за непрерывной его пыткой наше земное, общее, что могло бы укрепить нас в верном самопонимании» [1,с.7].

Библиографический список

1. **Зверев А. М., Туманов В.А.** Лев Толстой / Вступ. статья В.Я. Курбатова. — М.: Молодая гвардия, 2006 .— 782 с.: ил. — (Жизнь замеч. людей: Серб. биогр.; Вып. 1016).

*Воронежский государственный университет
магистрант исторического факультета
В.Д. Кукоба
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 223-69-67
e-mail: vaas.777@mail.ru*

*Voronezh State University
Master student of the history faculty
V.D. Kukoba
Russia, Voronezh,
tel. (473) 223-69-67
e-mail: vaas.777@mail.ru*

В.Д. Кукоба

РУССКО-ЛИВОНСКИЕ КОНФЛИКТЫ В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются учебники, как каналы распространения исторической информации о русско-ливонских конфликтах.

Ключевые слова: С. Н. Глинка, князь Александр Невский, Ревель, князь Довмонт, М. П. Погодина, Н. Г. Устрялов, Иван III, ландмагистр ливонского ордена Вальтер фон Плеттенберг.

V.D. Kukoba

RUSSIAN-LIVONIAN CONFLICTS IN THE EDUCATIONAL LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

The article discusses textbooks as channels for the dissemination of historical information about the Russian-Livonian conflicts.

Key words: S. N. Glinka, Prince Alexander Nevsky, Revel, Prince Dovmont, M. P. Pogodina, N. G. Ustryalov, Ivan III, Landmagister of the Livonian Order Walter von Plettenberg.

В хронологической последовательности мы сначала затронем учебник С. Н. Глинки «Русская история в пользу воспитания» [5]. С. Н. Глинка – это писатель, публицист, историк, мемуарист. Борец с галлофильством, рупор национального консерватизма. Критики Глинки считали его историческую работу слишком не компетентной и эмоциональной и с точки зрения науки, это компиляция. Автор сначала планировал писать историю для всех образцов, однако власти не хотели принимать его книгу и С. Н. Глинка добавил в пользу воспитания [4, с. 147-161].

Затем мы разберем «Начертание русской истории для гимназии профессора Погодина» [7] 1837 года издания. Хотя этот учебник не был одобрен для преподавания, информация в нем интересна для реконструкции взглядов автора на события русско-ливонских конфликтов и состояния исторических знаний в эпоху Николая I. Другой учебник того времени оказался более успешен.

Это учебник еще одного основоположника теории официальной народности Устрялова Н. Г. «Начертание русской истории для учебных заведений» [8]. Учебники Устрялова Н. Г. были единственными, по которым училось русское юношество до 60-х годов [2, с. 50].

Мы начнем с исследования С. Н. Глинки. «Книга его должна быть не столько учебною, классическою, сколько семейственною. «Ее долженъ употреблять не профессоръ, преподающій съ кафедры Історію Рускую, а отецъ семейства, проводящій часы вечерняго отдохновенія въ кругу дѣтей своихъ, въ чтеніи книгъ, занимающихъ съ пользою умъ и воображеніе юношества., влагающихъ въ юныя сердца правила нравственности, благочестія и любви къ отечеству» [6, с. 65]. Его работа не обошла критику. Н. А. Полевой обвинял автора в том, что он не исправляет ошибок [4, с. 158], а Войсков называл ее скучной [3, с. 150].

События он начинает с рассказа о походе в 1222 году князя Ярослава Всеволодовича на Колывань (Ревель) «1222 Года Князь Ярославъ Всеволодович, отецъ Александра Невскаго, вмѣстѣ съ Новгородцами и Псковитянами воевалъ въ Нѣмецкой области Колывани, или въ нынѣшней Ревельской страна, за то, что жители оной уговорили Литовцевъ не платить дани Новгородцамъ и выгнали сборщиковъ ихъ. Опустоша Колывань» и заканчивает повествования на конфликте его со псковитянами 1228 года, по поводу того, что псковичи отказались идти в поход с Ярославом, при этом подозревая его в стремлении поработить Псков «По обычаю того времени следовало сперва извѣстить; что Новгородскіи Князь желаетъ посетить Псковъ; Ярославъ сего не сделалъ; Вольный народъ, всегда склонный къ подозрѣнію, повѣрилъ клеветѣ Псковитяне; затворясь въ городе, не пустили Князя. Оскорбленный симъ отказомъ Ярославъ возвратился въ Новгородъ, и собравъ Вече жаловался, что Псковитяне за пріязнь его и доброжелательство оказали ему презрѣніе и ненависть; «Я везъ къ нимъ подарки, сказалъ онъ: а не оковы»; злобные наушники меня оклеветали». Автор тем самым дает понять причины конфликта и его завершения «Ярославъ возвратился съ богатою корыстью, изъ которой ничего не удѣлилъ Псковитянамъ до 1228 года. Не расплатясь съ ними, вознамѣрился онъ въ сей годъ вознаградить ихъ дарами, и вместе съ Новгородскимъ Посадникомъ Иваномъ отправился во Псковъ. Хотя кроме провожатыхъ не было съ Княземъ никакого войска, но одинъ изъ клеветниковъ, привыкшихъ выслуживаться ложными вѣстями, разгласилъ, будто бы Ярославъ, посягая на свободу Псковитянъ, везетъ съ собою оковы для заключенія въ оныя первостепенныхъ чиновниковъ» [5, с. 16-20]. В этом нарративе отсутствует эмоциональная оценка поступков псковичей, которые при этом заключили союз с Ригой, городом, куда стремился отправиться в поход князь. Таким образом, автор хотел показать пример раздоров и то, чтобы люди не допускали такого.

При этом Глинка С. Н. без особых подробностей описывает события побед Александра Невского, а заканчивает фразой «Нѣмцы вторгаются въ пределы Пскова и въ область Новгородскую; Новгородцы призываютъ Александра; онъ спѣшитъ на помощь неблагодарныхъ: съ приходомъ его возвращается победа. Отъ нашесшвѣя Нѣмцовъ освобождаетъ онъ Новгород и Псковъ 1243 года» [5, с. 36-37]. **В конце он просто дает характеристику Александру Невскому. Таким образом, автор больше обращает внимание на характеристику Александра Невского и русско-ливонские конфликты описывает кратко.**

Глинка С. Н. также обращает внимание на другой подвиг Александра Ярославича. Именно то, что князь Александр отправил в поход своего сына князя Дмитрия, зятя Константина и Товтивила Полоцкого на Дерпт, потому что хотел сберечь дружину от ханской мобилизации и рискуя собственной жизнью сберег Русь от окончательного порабощения «Александръ предвидѣлъ, что Ханъ для обезсилѣнія Руской земли отзываетъ Княжескія дружины; онъ зналъ также, что отъ смѣшенія Рускихъ съ иноплеменниками произойдешъ смѣшеніе вѣръ, нравовъ, словомъ, потрясеніе всего того, что составляешъ коренное основаніе обществъ и Державъ. Немедленно отправляетъ онъ сына своего Димитрія и зятя своего Константина Полоцкаго Князя Товтилу противъ Лифляндскихъ рыцарей меча, а самъ поспешаетъ въ Орду съ извиненіемъ, что не могъ отпустить войска. Есть ли бы Ханъ проникъ истинную, причину похода Рускихъ къ Юрьеву или къ Дерпту,

Князь бы Александръ погибъ. Герой Невскій помышлялъ не о жизни, но о томъ, чтобы спасти душу Руской земли: Вѣру и нравы». [5, с. 44-45] *Таким образом, в случаях взаимоотношения с Ордой и победой над немцами, автор представляет Александра Невского, как князя патриота, который, как воин, политик и дипломат готов защищать отечество ценой своей жизни.*

Он также упомянул другого знаменитого борца с ливонцами псковского князя Довмонта, в крещении Тимофея «1299 Года скончался знаменитый Псковскій Князь Домантъ. Сей Князь, находясь еще въ Литвѣ, гдѣ родился, взялъ въ супружество одну изъ дочерей Князя Дмитрія Александровича, сына Александра Невского». Сначала он сообщает о дате смерти этого князя и затем рассказывает кто он, однако о борьбе с ливонцами он упоминает лишь Раковорскую битву «Вмѣстѣ съ тестемъ своими княземъ Дмитріемъ одержали новую победу подъ Роковоромъ, въ чистомъ поле, где Рускіе могли дѣйствовать открытою грудью и явнымъ мужествомъ Домантъ малочисленность войска замѣняли искусствомъ и жизнь свою озарили делами Славы и мужества». [5, с. 50-51] Автор тем самым, повествует с одной стороны о известном историческом персонаже, защитником и борце с немцами, который при этом принимал участие в таком известном событии, как Ледовое побоище. Таким образом, Глинка С. Н. стремился показать примеры самопожертвования, мужества и патриотизма.

Далее следует учебник Погодина М. П. Это пособие не был одобрен цензурой и считался довольно сложным для восприятия учениками гимназии. Вот, что писал Погодину об этом Гоголь «Исторія твоя составляетъ замечательное явленіе, но въ ней есть слѣдующій недостатокъ: она больше похожа на сочиненіе, назначенное быть темою для профессора университета, а не для гимназическаго курса. Въ ней слишкомъ сжато, даже можетъ быть много уложено въ тѣсныя рамки; притомъ въ ней, мнѣ кажется, необходимо было бы тебѣ именно развить тотъ эскизъ (*Очерка Русской Исторіи*), который ты помѣстилъ въ Наблюдатели. Онъ мнѣ очень нравится: это до самаго Петра чрезвычайно полное изложеніе, ясное и исполненное дальновиднаго. вѣрнаго вывода. Вѣрно ты эскизъ свой писалъ уже послѣ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, твоя Исторія останется лучшею, и я буду очень радъ, если она введется во всеобщее употребленіе и изгонитъ безпрестанно перевирающіяся записки, составленныя въ началѣ Богъ знаетъ кѣмъ, непровѣренныя умомъ и наблюдательностью. Жаль очень, что я не могу тебя видѣть. Мнѣ бы хотѣлось потолковать съ тобой о весьма многомъ. Да, кстати объ Исторіи! Мнѣ наговорили, что дѣтская Исторія Полевого хорошее сочиненіе. Я взялъ ее въ руки, но увидѣлъ, что яблоко отъ яблони недалеко падаетъ. Къ счастью, я получилъ твою и отвелъ немного души». [1, с. 282]

У Погодина М. П. нарратив начинается с похода князя Мстислава Удатного в Прибалтику, где называется причина «Мстиславъ съ 15000 войска хотѣлъ наказать Ливонскихъ Рыцарей, незадолго предъ тѣмъ поселившихся въ Ливоніи и желавшихъ покорить северную часть ея». [7, с. 52-53] Хотя не о каком столкновении Мстислава с рыцарями не говорится. Указывается, что он с местных жителей князь взял дань и поделил ее между участниками похода.

Чтобы объяснить ситуацию автор делает примечание по поводу того, с чего началось Ливонское завоевание. Он повествует про проповедника Мейнгарда. О том, как его преемники начали крестовые походы и обращает внимание на епископа Альберта, его деятельность по созданию нового государства, при этом, частично, за счет русских земель. [7, с. 52-53]

Также при описании битвы на Калке в скобках мы увидим добавление «Новгородцы въ отсутствие сражались съ Ливонскими Рыцарями» [7, с. 55]. Еще Погодин М. П. добавляет поход князя Ярослава Всеволодовича 1222 года, когда он вторгнулся в датские и ливонские земли. По поводу вооружения русских воинов, автор писал, что «Нѣмецкій Лѣтописецъ, хваля мѣткость нашихъ стрѣлковъ, говорить, что Россіяне могли учиться у Ливонскихъ Рыцарей искусству оборонять города; но стѣнобитныя орудія или пороки уже давно были у насъ известны» [7, с. 56-57]. Таким образом, Погодин М. П. затрагивает сюжеты походов

князей Мстислава Удатного и Ярослава Всеволодовича, и лишь в примечании кратко пишет о завоевании Прибалтики крестоносцами. У Погодина М. П. информация носило фрагментарный характер. Они также имеют патриотический характер.

Правда, Погодин М. П. об этом событии писал мало *«Княжение Новгородское»*. Монголы не были въ Новгородъ, Ливонскіе Рыцари, Финны и Шведы, а потомъ Литовцы, были непріятелями Новагорода, и раздоры, войны съ ними не прерывались. Первые сделались тогда гораздо сильнее и опаснее для Россіянъ, соединясь съ Нѣмецкимъ орденомъ Св. Маріи, господствовавшимъ, въ Пруссіи. — Король Шведскій, досадуя на Россіянъ за частыя опустошенія Финляндіи, послалъ зятя своего, Биргера, на ладіяхъ въ Неву, къ устью Ижеры, съ великимъ числомъ Шведовъ, Норвежцевъ, Финновъ. — Александръ, сынъ Ярослава, сразился съ Биргеромъ, и побѣдилъ его (1240). — Рыцарей также онъ разбивалъ часто, и Рига трепетала его» [7, с. 94]. У Погодина М. П. опять это событие идет раздроблено, например, о захвате Пскова крестоносцами написано в другом пункте *«Псковское княжение»*. Псковъ былъ еще отдѣльнее Новагорода отъ прочихъ Княженій Русских. Иногда не завися от Новгорода, онъ управлялся самъ собою: иногда соединялся съ нимъ, и подчинялся его князьямъ, иногда выбиралъ, себѣ собственныхъ князей. Главные враги Пскова были Рыцари Ливонскаго ордена, желавшіе покоришь сей городъ, и приходившіе часто осаждать оный, за что Псковитяне, сами собою, иногда при помощи Новгородцевъ, отмщали имъ набегами на та собственные области. Въ 1240 г. Нѣмцы овладѣли было самимъ Псковомъ, и владели имъ два года, пока Новгородскій Князь Александръ Ярославичъ не освободилъ его» [7, с. 96-7]. Таким образом, Погодин М. П. вновь сделал повествования об этих событиях в рамках разных пунктов, не описывая подробно эти события.

Следующий эпизод касался князя Довмонта. Упоминания о нем, мы встречаем у Погодина М. П. в том же пункте, о Псковском княжении. Говорится, что «Въ 1266 г. Псковитяне приняли къ себѣ Литовскаго Князя Довмонта, родственника Миндовгова, которой, принявъ Св. крещеніе, управлялъ ими, и защищалъ ихъ до самой смерти своей въ 1299 г. пользуясь ихъ особенною любовью» [7, с. 97]. Также упоминается то, что в Пскове построил каменную крепость и о вступлении в Ганзейский союз в 1290 г.

Кроме того, есть упоминание о Раковорской битве под командованием Дмитрия Александровича, сына Александра Невского новгородцы победили датчан и немцев и то, что скрываясь от ордынского хана Дмитрий Александрович обосновался в Копорье, построенной против немцев и шведов [7, с. 95]. На этот раз с Раковорской битвой связано князя Дмитрия Александровича, тем самым автор прославлял его подвиги.

Последнее упоминание о русско-ливонских конфликтах XIII-начала XVI, мы находим в разделах об правлении Ивана III, где говорится об участие ливонцев на стороне литовцев в войне против Москвы. У Погодина М. П. это идет отдельной частью «Войны съ *Ливонскимъ Орденомъ* и *Швецією* начинались по большей части вслѣдствіе ихъ споровъ о границахъ съ Новымъ городомъ и Псковомъ, коихъ дела Московскій Князь считалъ уже собственными». О характере войны Погодин М. П. пишет «Сии войны были маловажны, прекращались и возобновлялись безпрестанно, и состояли въ разореніяхъ пограничныхъ областей, не исключая и последней, веденной славнымъ - Плеттенбергомъ, Магистромъ Ливонскаго ордена, по договору съ Александромъ» [7, с. 158]. Таким образом, мы видим, что война описывается кратко и без подробностей и есть упоминание о других войнах, которые были до борьбы с Плеттенбергом. Также мы видим у Погодина М. П. упоминание о строительстве Ивангорода, пограничной крепости против Нарвской твердыни и о политике Ивана III по отношению к пленным «принималъ въ службу и многихъ Литовскихъ, Нѣмецкихъ плѣнниковъ, волею и неволею. Сіе иноземны жили за Москвою рѣкою въ особенной слободѣ» [7, с. 161]. Это уже, как факт политике Ивана III по отношению к иностранцам.

Устрялов Н. Г. в своем учебнике начинает повествование о русско-ливонских конфликтах с князя Александра Невского, изображая его, как князя война и патриота. О его победе над немцами он пишет кратко «своими победами привелъ въ ужасъ орденъ

Ливонскій» [8, с. 52]. Таким образом, Устрялов Н. Г. больше делает акцент на Александре Невском, как на правителе и полководце. Эта тенденция была распространена и у других историков времен Александра и Николая.

Автор также добавляет, что политика монгольских ханов по стравливанию потомков Александра Невского приводила к уязвимости границ русских княжеств «раздоры внутренніе, безпрерывныя нашествія Монголовъ, приводимыхъ самими Князьями, не менѣе опустошительныя вторженія западныхъ сосѣдей, Шведовъ, Ливонскихъ рыцарей, Литовцевъ, очевидное изнеможеніе беззащитной Руси» [8, с. 53].

В одном из пунктов является описание Ливонского ордена. Автор рассказывает, какие племена жили в восточной Прибалтике и городах с православными церквями Кукейнос и Герсике и указывает другие названия этих населенных пунктов «Первые три народа со временъ Ярослава Мудраго, построившаго въ землѣ ихъ Юрьевъ (Дерптъ), зависели отъ Новгородцевъ, частно отъ Псковитянъ и Князей Полоцкихъ, имѣвшихъ въ началѣ XIII столѣтія на Двинѣ города съ православными церквями, Кокейносъ (Кокенгаузенъ) и Герсике (Крейцбургъ)». Он добавляет, что князья для обуздания местных жителей совершали походы, чтобы собирать с них дань «Упорствуя въ грубомъ язычествѣ, въ дикихъ нравахъ, Ливонцы весьма неохотно платили дань и для обузданія ихъ Князья Новгородские приходили къ нимъ съ войскомъ». Дальше Устрялов Н. Г. повествует про Мейнгарда проповедника, с разрешения полоцкого князя, и первого католического епископа, который построил ливам каменный замок Икесколе «Въ исходѣ XII вѣка явился въ Ливоніи усердный проповѣдникъ христіанства Августинскій священникъ Мейнгардъ, построившій на Двинѣ, съ согласія Великаго Князя Полоцкаго, городъ Иксуль». Далее автор рассказал о Альберте Буксгевдене, рижском епископе, который и построил Ригу и о завоеваниях крестоносцами Прибалтийских племен и созданием угрозы для русских земель, особенно после соединения ордена Меченосцев с Тевтонским орденом «По слѣдамъ его, въ самомъ началѣ XIII вѣка, прибыль съ крестоносною дружиною Албертъ Буксгевденъ, основатель военнoдуховнаго ордена Меченосцевъ, подъ названіемъ братства креста господня. Онъ построили Ригу и утвердили господство Нѣмцевъ въ Ливоніи. Покоряя дикихъ язычниковъ, Меченосцы обращали оружіе и на Русскіе предѣлы; нападенія ихъ стали особенно опасны съ тѣхъ поръ, какъ они соеди-нились съ орденомъ Тевтонскими, господствовавшими въ Пруссіи». Однако автор указывает на двух защитников русских земель Александра Невского и Довмонта. Первый освободил Псков и одержал победу на Чудском озере «сей мужественный Князь освободилъ отъ рыцарей Псковъ, коимъ они овладѣли было, и поразивъ ихъ на Чудскомъ озерѣ, привелъ орденъ въ такой ужасъ, что гермейстеръ, или начальникъ его, трепеталъ за самую Ригу и долженъ былъ смириться». Другой защищал Псков «По смерти Александра, война запылала снова: главною цѣлью Меченосцевъ былъ Псковъ, который однакожъ, одушевляемый своимъ Княземъ Довмонтомъ, съ успѣхомъ отбивался отъ непріятелей и былъ страшемъ Русскихъ предѣловъ» [8, с. 61-63]. Таким образом, автор дает информативный обзор, в рамках учебника, о тех событиях, правда с русской спецификой.

Кроме того, Устрялов Н. Г. также приводит причины снижения активности со стороны Ордена на своих русских соседей. Причина заключалась в конфликте между епископами и рыцарями «Въ концѣ XIII вѣка въ орденѣ возникли раздоры между епископами и рыцарями, за право господства надъ покоренными землями, и на время отвлекли его вниманіе отъ Руси» [8, с. 63].

Ещё Устрялов Н. Г. добавляет и магистра Плеттенберга, который воевал с Иваном III «Александрова, Ливонскій гермейстеръ Плеттенбергъ остановилъ успѣхи нашего оружія» [8, с. 120].

Устрялов Н. Г. не скрывал того, что князья совершали военные походы на прибалтийские племена, чтобы принудить их дальше платить дань «Упорствуя въ грубомъ язычествѣ, въ дикихъ нравахъ, Ливонцы весьма неохотно платили дань и для обузданія ихъ Князья Новгородские приходили къ нимъ съ войскомъ» [8, с. 61]. Можно сделать вывод, что

при Николае I это не считалось чем-то негативным, хотя потомки этих племен находились в составе Российской империи.

Таким образом, учебники первой половины XIX века отражают консервативное течение и стремятся воспитывать патриотизм у учащихся, воспевая деяния князей таких, как Александр Невский и Довмонт Псковский. Сведения о магистре Вальтере фон Плеттенберге есть только у Погодина М. П. и у Устрялова Н. Г. Походы Ярослава были упомянуты 2 раза. Глинка С. Н. упоминал о походе, чтобы читателю было понятно, почему у князя начался конфликт с псковичами, который был упомянут 1 раз. Погодин М. П. писал о князе Ярославе, чтобы воспеть его подвиги, также единственный раз, в отличие от остальных учебников, обратил внимание на поход князя Мстислава Удатного, затрагивая его подвиги. Чтобы прославить подвиг Александра Невского Глинка С. Н. называет причину похода его сына Дмитрия Александровича на Дерпт, который был упомянут 1 раз, как защиту своих дружинников от мобилизации ханской власти. Сражения Невского с немцами упоминаются 3 раза, как главные подвиги святого князя. В трех учебниках упоминался князь Довмонт, как святой православный защитник Пскова, у Глинки С. Н. как участник Раковорской битвы, которая затрагивалась 2 раза. Завоевание немцами Восточной Прибалтики упоминались 2 раза у Погодина М. П. и Устрялова Н. Г., война Ивана III с Плеттенбергом тоже дважды.

Библиографический список

1. **Барсуков Н. П.** (1838-1906). Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22-х т. / Н. П. Барсуков. – СПб., 1891. – Кн. 4 – 450 с.
2. **Василенко Н. П.** Устрялов, Николай Герасимович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1902. Т. 35. С. 50.
3. **Воейков А. И.** Смесь // Славянин. 1828. № 30. С. 145-150.
4. **Володина Т.А.** «Русская история» С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX века. / Т. А. Володина // Журнал «Вопросы истории». № 4. С. 147-161.
5. **Глинка С.Н.** Русская история, сочиненная Сергеем Глинкой. - 2-е изд. - М.: Университетской тип., 1817. – Ч. 2. – 166 с.
6. **Греч Н.И.** Современная русская библиография новые книги // Сын Отечества и Северный архив. – СПб., 1817. Ч. 42. № 47. С. 61-65.
7. **Погодин М.П.** Начертание русской истории: для гимназий. - М.: Университетская типография, 1837. - 408 с.
8. **Устрялов Н.Г.** Начертание русской истории, для средних учебных заведений - 10-е изд., доп. - СПб: типография Императорской Российской академии, 1839. - 362 с.

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин С.А. Меганов

*Россия, г. Воронеж,
тел. (473)277-51-34;
e-mail: sergmeg@rambler.ru*

Military educational scientific center of the air force Air Force Academy named after Professor N.E.

Zhukovsky and Y.A. Gagarin

Ph.D. in History, senior lecturer humanities and social and economic sciences chair

*S. A. Meganov,
Russia, Voronezh,
tel. (473) 277-51-34;
e-mail: sergmeg@rambler.ru*

С.А. Меганов

МИТРОПОЛИТ КИРИЛЛ И АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ: СОЮЗ МЕЧА И КРЕСТА

В статье проанализированы непростые отношения между великим новгородским князем Александром Невским и митрополитом Кириллом в наиболее сложный период истории, на этапе отражения Русью агрессии со стороны шведских и немецких рыцарей в начале 40-х гг. XIII в. Показана роль Русской Православной церкви в процессе формирования русских вооруженных сил для борьбы с внешним врагом на северо-западных рубежах нашей Родины в 40-е гг. XIII в.

Ключевые слова: митрополит, князь, государственная власть, церковь

S.A. Meganov

METROPOLITAN KIRILL AND ALEXANDER NEVSKY: THE UNION OF THE SWORD AND THE CROSS

The article analyzes the uneasy relationship between the Grand Duke of Novgorod Alexander Nevsky and Metropolitan Kirill in the most difficult period of history, at the stage of Russia repelling aggression from the Swedish and German knights in the early 40s. XIII century The role of the Russian Orthodox Church in the formation of the Russian armed forces for the fight against an external enemy on the northwestern borders of our Motherland in the 40s of the XIII century

Key words: metropolitan, prince, state power, church

История правления великого новгородского князя Александра Ярославича Невского представляет несомненно огромный интерес для современных исследователей. Несмотря на то, что в настоящее время написано огромное количество работ, посвященных личности и деятельности Александра Невского, до сих пор некоторые вопросы его биографии и деятельности остаются малоизученными. К таким аспектам относятся проблемы взаимоотношения князя с Русской Православной Церковью в период борьбы с угрозой внешнего нашествия со стороны шведских и немецких рыцарей в начале 40-х гг. XIII в. Целью данной статьи является анализ узловых и наиболее противоречивых проблем взаимоотношений великого русского князя Александра Ярославича Невского и митрополита Кирилла в наиболее сложный период зависимости Руси от Золотой Орды в 40-е гг. XIII в. Близость светской, государственной власти и власти церковной в начале XIII в. не подвергается сомнению, и в связи с этим роль и значение личности митрополита неумолимо возрастает. Союз Русской Православной Церкви в лице ее главы – митрополита Кирилла со светской властью в лице Александра Ярославича формировался в условиях складывания антитатарской коалиции, когда Русь, начиная с 40-х гг. XIII в. находилась под игом монголо-татарских завоевателей

О жизненном пути и формировании личности Кирилла не имеется достоверных сведений. Известно, что в период, когда Александр пользовался поддержкой и любовью и дружины, и русского народа, митрополит поддерживал политику Александра Ярославича. В 1243 г. Кирилл имел сан митрополита Киевского и делал все возможное, чтобы противопоставить православную церковь католической. Неудачная поездка Александра Ярославича в Орду в 1243 г. позволила Кириллу пересмотреть взгляды на вопросы отношения с Ордой, от политики конфронтации к политике мирного сосуществования. После того, как дружины Александра Невского отразили нашествие шведских и немецких рыцарей с Запада, стало ясно, что сил на борьбу с Ордой не остается, по совету митрополита Кирилла, Александр Невский отказывается от борьбы с Ордой и проводит политику умиротворения монгольских ханов. После 1243 г., создания государства Золотая Орда, митрополит Кирилл и Александр Невский еще более сблизились. С 1243 г. Кирилл живет в Галиче, делая все возможное для восстановления церкви после ордынского завоевания. В 1246 г. Кирилл утверждается в сане митрополита Киевского и вскоре после этого события возвращается на Русь, активно участвуя в общественной жизни страны, всячески способствуя усилению власти Александра. В 1256 г., спустя 14 лет после Ледового побоища, шведы предприняли новое вторжение в Новгородскую Русь, разорению подверглись Волховские земли, откуда сразу пришло известие об этом событии и просьба о помощи. Александр Невский откликнулся незамедлительно, собрал дружины и отправился в поход. Митрополит Кирилл с готовностью откликнулся на призыв Александра сопровождать войско в походе. Кирилл делал все возможное для убеждения ратников из дружины Александра неевского в походе. Однако, не все дружинники последовали призывам Кирилла, часть их вернулась по домам, а с остальными князь Александр совершил поход по тылам шведов на территории, оккупированной врагом. План Александра добраться до Финляндии не был реализован. Напряженной оставалась обстановка и на Востоке страны, переживавшей период монгольского ига. В течение 1257 – 1259 гг. на Руси монголы провели новую перепись населения, чтобы собирать новую дань. И Александр Невский и церковь в лице митрополита Кирилла не противодействовали каким-то образом этому событию, что отчетливо свидетельствовало о разумности проводимой Князем и митрополитом политики в отношении с Золотой Ордой, позволившей избегать новых набегов в конце 50-х гг.

Кирилл в конце 50-х гг. XIII в. отсылал в Орду представителя православной церкви. Христианство стало известно монгольским ханам, приезды представителей митрополита Кирилла в Орду не вызывали резкого отторжения монгольских ханов, что привело даже к принятию христианства представителями монгольских ханов, например, мать хана Менгу была христианкой. При поддержке Александра Ярославича митрополиту Кириллу удалось учредить в 1261 г. отдельную епархию на территории Золотой Орды для русских, находившихся в плену, а также удалось добиться от хана Менгу особой ханской грамоты – ярлыка, которым Русской Православной Церкви давались особые льготы и привилегии, одной из которых явилось то, что монастыри были избавлены от уплаты дани в Орду. В 1262 г. по Руси прокатилась волна выступлений против Орды. Восстания охватили Ростов, Владимир, Суздаль, Ярославль, Устюг. Возглавил выступления Ростов, где в 1262 г. находился Кирилл, предпринявший меры для того, чтобы восстание оказалось успешным. Кирилл накануне восстания, в 1261 г. нанес визит в Золотую Орду. За время своего посещения Орды Кирилл подробно изучал тонкости взаимоотношений Сарая-бату и центральной власти монгольской империи, позже пришел к выводу о необходимости вооруженной борьбы с захватчиками. Во время восстаний 1262 г. Кирилл активно поддерживал начало вооруженных выступлений против засилия Орды. Таким образом, высшие иерархи церкви вместе с Александром неевским способствовали организации вооруженных восстаний против Золотой Орды в 1261 – 1262 гг. В то же время есть предположение, что они могли стать сдерживающим фактором народного гнева, направленного против монгольских захватчиков. Об этом свидетельствует тот факт, что кары

за восстание 1262 г. со стороны монголо-татар не было. В целом можно судить, что Александр и высшая духовная власть организовали восстание, направленное непосредственно против сборщиков дани – басков, при этом оно не затронуло татар, которые в сборе дани и других налогов не участвовали.

В 1262 и 1263 г. Кирилл совершил поездку по северо-востоку русских земель, где в середине ноября 1263 г. узнал о смерти Александра Невского, принял участие в погребении великого русского князя. Похороны Александра Невского состоялись 23 ноября 1263 г. во Владимире, в храме Рождества Пресвятой Богородицы. Рождественский Богородицкий монастырь был основан великим князем Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо в 1191 – 1192 гг. и считался первым в церковной иерархии.

В 1262 г. по городам Руси прокатилась волна народных выступлений против откупщиков татарской дани — «бесурмен» [11, стб. 476, 524], под этим термином имеются в виду купцы-мусульмане [13, с. 206–208]. В некоторых источниках есть указания на организацию данных восстаний князьями и конкретно Александром Невским [25, с. 143; 28, с. 30]. Причинами выступлений наряду с татарскими поборами были и мотивы религиозного характера [26, с. 43–44; 13, с. 211]. Конечно, источники не оставляют сомнений относительно вечевого характера выступлений 1262 г.: «... [люди Ростовской земли] изволиша вече и выгнаша из городов [татар]» [11, стб. 476]. Но «вечевой» вовсе необязательно означает «стихийный». Нельзя пройти мимо поразительной «синхронности» народного возмущения в разных городах, для достижения которой точная координация действий. И кто же, как не князья, и прежде всего конечно, наиболее влиятельный из них — Александр Ярославич, могли лучше всего ее обеспечить.

Обратим внимание на одну любопытную деталь. В 1262 г., согласно летописным данным, против татарской власти поднялись Ростов, Владимир, Суздаль, Ярославль [11, стб. 476], Устюг [27, стб. 30, 70], т. е. земли, входившие во Владимирскую и Ростовскую епархии [28, с. 298 (карта)]. Это дает нам право предположить, что архиереи также не остались совершенно в стороне от событий, тем более, что религиозная составляющая в них, как мы видели чуть выше, была значительной. И могло ли случиться так, что духовенство не было в курсе подготовки упомянутых выступлений? На этот вопрос, скорее всего, нужно дать отрицательный ответ. Центром восстания стал Ростов [22, с. 259], и, возможно, епископ Кирилл, несмотря на тяжелую болезнь, предпринял некоторые усилия для этого, тем более, что, вероятно, рассчитывал на успех выступления. У него были основания так считать: в нашем распоряжении имеются данные о том, что за время правления Берке-хана он, по крайней мере, дважды посещал Орду [29, с. 142–143], а потому, как и Александр Невский, был в курсе противоречий Сарая и Каракорума, которые и обеспечили успех восстаний. Дело Кирилла мог продолжить и его приемник Игнатий, выбранный, кстати, не только с ведома митрополита и Ростовских князей (что вполне естественно), но и Александра Невского: «Благоверный же князь Александр... , Борисъ и Глебъ Васильковича... благословеньемъ митрополита Кирила и епископа Кирилла изведоша архимандрита святого Богоявления Игнатия и бысть причетник церкви святыя Богородица в Ростове» [11, стб. 476]. Как было сказано выше, в источниках имеется указание и на то, что за год до восстания 1262 г., в 1261 г., в Сарая побывал с визитом митрополит Кирилл. Во время этого визита первоиерарх имел особую возможность вникнуть в некоторые тонкости отношений Сарая и центральной власти монгольской империи. Кроме того, в 1261 и 1263 гг. летопись фиксирует пребывание митрополита на Северо-Востоке Руси (благословение Игнатия Ростовского, встреча и похороны умершего по пути из Орды Александра [см.: 11, стб. 476; 2, с. 84, 312]). Скорее всего, Кирилл присутствовал здесь и в 1262 г., когда разгорелся мятеж против произвола «бесурмен».

На панихиде по Александру Невскому митрополит Кирилл прочел отходную молитву, а потом — духовную грамоту. Автор Жития Александра Невского в своем произведении приводит удивительный факт, что в тот момент, когда митрополит Кирилл подошел в центр храма, где стоял гроб с усопшим, чтобы вложить в руки Александра неевского духовную

грамоту. Рука усопшего согнулась, затем распростерлась и взяла грамоту, после чего снова сжалась. В произошедшем чуде с духовной грамотой проявилась святость Александра Ярославича Невского. После этого события по инициативе митрополита Кирилла началась работа под руководством Кирилла над книгой «Житие святого Александра Невского» для почитания князей и их деятельности по организации борьбы с иноземными захватчиками. Спустя несколько десятилетий после кончины князя было составлено его Житие, которое впоследствии неоднократно подвергалось различным переделкам, переработкам и дополнениям (всего насчитывается до двадцати редакций Жития, датируемых XIII—XIX веками). Главную роль в этой работе сыграл митрополит Кирилл.

Библиографический список

1. **Бегунов Ю.К.** Выбор Александра Невского и значение выбора для судеб русской государственности и цивилизации // Святой Александр Невский: Сб. ст/ к 760-летию Невской битвы, исполняющемуся в 2000 г. Усть-Ижора: [Б. и.], 1999. С. – 6-17.
2. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. III. Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. V–XII. 720 с.
3. **Голубинский Е.Е.** История Русской Церкви. Т. II. Период второй, Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 1997. 920 с.
4. **Вернадский Г.В.** Монголы и Русь. Тверь; М.: Леан; Аграф, 1997. 480 с.
5. **Матвей Парижский.** Великая хроника // Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М.: Наука, 1979. С. 107–172.
6. **Пашуто В.Т.** Киевская летопись 1238 г. // Исторические записки. 1948. Т. XXVI. С. 273–306.
7. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
8. **Карташев А.В.** Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. М.: ТЕРРА, 1993. 686 с.
9. **Будовниц И.У.** Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М.: Издво АН СССР, 1960. 488 с.
10. **Охотина Н.А.** Русская Церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей / Отв. ред. А.И.Клибанов. М.: Наука, 1990. С. 67–84.
11. ПСРЛ. Т. I: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с. С.7.

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж),
Кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
З.Ю. Надточий.

Россия, г. Воронеж,

тел. (473) 244-78-32;

e-mail: zoya_nadtochiy@mail.ru

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж),

Курсант М.Ф. Киселев

Россия, г. Воронеж,

тел. (473) 244-78-32;

e-mail: zoya_nadtochiy@mail.ru

Military Training Research Center of the Air Force «Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu. Gagarin» (Voronezh),

PhD in Political Science, Associate Professor, assistant professor of humanities and social and economic disciplines

Z.Y. Nadtochii.

Russia, Voronezh,

tel. (473) 244-78-32;

e-mail: zoya_nadtochiy@mail.ru

Military Training Research Center of the Air Force «Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu. Gagarin» (Voronezh),

Cadet M.F. Kiselev

Russia, Voronezh,

tel. (473) 244-78-32;

e-mail: zoya_nadtochiy@mail.ru

З.Ю. Надточий, М.Ф. Киселев

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается теоретико-методологический подход к проблеме фальсификации истории. В условиях информационного противоборства прошлое становится фундаментом, на котором человечество пытается построить прагматичное будущее. Задача настоящего – оценить негативные последствия такого вмешательства не только с научной, но и с цивилизационной точки зрения. Опираясь на конкретные примеры анализа Второй мировой войны, в статье сделан вывод о политизации этого сложного исторического периода.

Ключевые слова: исторический ревизионизм, политические технологии, фальсификация, манипуляция сознанием, Вторая мировая война, патриотизм, национально-государственные интересы.

Z.Y. Nadtochii, M.F. Kiselev

AN INSTRUMENTAL APPROACH TO ASSESSING THE HISTORY OF THE SECOND WORLD WAR

The article considers a theoretical and methodological approach to the problem of falsification of history. In the context of information warfare, the past becomes the foundation on which humanity is trying to build a pragmatic future. The task of the present is to assess the negative consequences of such interference not only from a scientific, but also from a civilizational point of view. Based on concrete examples of the analysis of the World War II, the article concludes about the politicization of this complex historical period.

Key words: historical revisionism, political technologies, falsification, manipulation of consciousness, World War II, patriotism, national and state interests.

Фальсификация истории с целью получения политической выгоды апробируется со времен появления сознания у человечества. Доподлинно известно, что многие летописи, рукописи, таблички, материальные исторические объекты редактировались либо создавались под политические запросы правящей элиты. Стремление изменить или «поправить» историю особенно остро возникает в кризисные периоды развития человеческой цивилизации. Самые зрелищные масштабы фальсификация истории получила в годы подготовки и после Первой и Второй мировых войн, в период «холодного» противостояния СССР и США, на современном этапе передела сфер мирового влияния [1, 132-142].

Сегодня эта проблема приобрела катастрофические масштабы, потому что мы находимся на этапе создания унифицированных человеческих ценностей, которым неинтересна национальная самоидентичность. Сегодня история находится на первой линии борьбы за политическое, экономическое, военное и духовное превосходство.

Основой современного мировоззрения стала незыблемая истина о непоколебимости прав человека, нарушение которых карается все суровее. Человечество уже законодательно закрепило нынешние ценности за веками минувшими, то есть события, например, средневековья, оцениваются по моральным меркам общества XXI в. Такой полет фантазии открывает огромные возможности по переписыванию исторических событий, подгоняя их под политическую конъюнктуру.

Глобальный мир требует усредненного потребителя, который будет находиться в поле информационного манипулирования. А добиться тотального универсализма можно только с помощью отсутствия критического мышления. История нас учит анализировать события и их причины, давать моральную оценку и выстраивать цепочку детерминизма. Однако это не вписывается в политические интересы западного истеблишмента, оружие становится все более изощренным. Можно сказать, что человечество уже сейчас участвует в исторической гонке вооружений, где на кону существование целых государств [2, 128]. Таким образом, Россия не может стоять в стороне от происходящих процессов исторического ревизионизма. Наша страна всегда находилась на передовой исторической битвы за право продвигать свои национально-государственные интересы, за право быть включенной в международное сообщество на равных с остальными мировыми державами.

Фальсификация истории в современном мире держится не на подделке или доработке исторических источников, а на переформатировании сознания всего человечества. В этом профессионалам манипуляций помогает социальная инженерия. Самый быстро доступный и мало затратный способ – регулирование сети интернет. Всемирная паутина с огромной скоростью подменяет истинное знание ложным через систему поиска и популярных энциклопедий. Нынешнее поколение «гугл», которое ищет информацию и критически ее не отфильтровывает получает поверхностные знания о сложных событиях. Необходимо понимать, что без серьезной государственной поддержки и пропаганды национальных ценностей история будет переписана по лекалам наших врагов.

Вторая мировая война используется как полигон для апробирования результатов социальной инженерии по воспитанию универсального человека. Россия, как правопреемница Советского Союза, является получателем негативных обобщений, за которыми кроются претензии на территориальный, экономический и политический пересмотр итогов мировой войны. Основной целью кампании дискредитации исторических итогов Великой Отечественной войны становится удар по морально-нравственным скрепам нашего общества. Фальсификаторам необходимо посеять сомнения в справедливом характере той войны, уничтожении важности и глобальности победы над фашизмом. Пересмотр итогов конфликта, его причинно-следственная обусловленность призваны легитимировать политических последователей, которые создают в мире политическую нестабильность. Например, на Украине и в Прибалтике манипулятивные технологии привели к социальному и политическому кризису. Для любого россиянина история войны является трагической страницей семейной драмы, она позволяет поддерживать связь поколений и находит духовные скрепы для развития социально-экономического потенциала своей страны.

Фальсификация истории представляет собой триумф, а именно: умышленное искажение фактов, их сокрытие и обновленные теоретические подходы к известным историческим реалиям. Это же относится и к попытке пересмотра причин, событий и итогов Великой Отечественной войны.

Политическими причинами фальсификации истории Великой Отечественной войны являются:

во-первых, Великая Отечественная война как составная компонента Второй мировой войны. На восточном фронте состоялись решающие сражения, которые перекрыли путь гитлеризму к мировому господству, а освобождение Европы дало СССР шанс на полноценное существование в системе международных отношений;

во-вторых, победа в Великой Отечественной войне является исторической гордостью страны-победительницы. Многочисленные потери в этой кровавой драме XX в. Стали отправной точкой для выстраивания новых духовных скреп огромного государства;

в-третьих, победа над фашизмом позволила многонациональной стране объединиться, забыв все культурные разногласия. Такой союз стал основой политического взаимодействия, которое продолжается даже спустя столько лет;

в-четвертых, современные реалии позволяют нам, опираясь на героические события Великой Отечественной войны, выстроить новый геополитический порядок в свете глобальных перемен в политической и экономической системы страны [3]. Президент В.В. Путин неоднократно подчеркивал, что сохранение исторической памяти – важнейшая задача государства для воспитания будущих поколений, которые обеспечат прорывное развитие страны.

Фальсификация событий Великой Отечественной войны начинается немецкой пропагандистской машиной с самого начала вторжения на восток. Впервые не западные историки, а сами фашистские идеологи придумали оправдание своему вероломному нападению, ссылаясь на сфальсифицированные документы о подготовке СССР нападения на Германию (Д. Ирвинг, Б. Соколов, В. Суворов (Резун), Ф. Фабри и др.). Сегодня на радость политической конъюнктуре эту идею распространяет рупор европейской демократии Совет Европы. Так, Европейский парламент решил отмечать 23 августа (подписание Пакта Молотова-Риббентропа в 1939 г.) как «Европейский день памяти жертв сталинизма и фашизма», пытаясь уравнивать фашизм и коммунизм как обоюдоопасные идеологии. При этом о Мюнхенском сговоре европейские партнеры стараются вообще не упоминать. Сегодня в политической повестке объединенной Европы находится снижение роли советского солдата в освобождении от фашизма, принижается роль советских военачальников (даже путем физического сноса памятников), подвиг отрицается в принципе, ссылаясь на экономическую необходимость и дикарство советского человека. В мемориальном законодательстве об этом страшном периоде преобладают криминализация и виктимизация.

Примером недобросовестной истории является произведение Ф. Меллентина «Бронированный кулак вермахта», в котором автор приписывает победы войск Брянского и Центрального фронтов в июле-августе 1943 г. под Орлом действиям союзников в Италии [4, 528]. Немецкий историк К.Г. Фризер, ссылаясь на архивы вермахта, утверждает, что в танковом сражении под Прохоровкой 12 июля 1943 г. пострадало всего три немецких танка. Только вот по данным российских военных архивов фашисты потеряли от 300 до 400 танков и штурмовых орудий. Немецкий ученый явно предпочел говорить лишь о потерях 2-го танкового корпуса СС, не описывая потерь 3-го и 48-го немецких танковых корпусов, принимавших участие в бою. Советский историограф В. Замулин подробно проанализировал военных архивы советских войск и дал более достоверную картину событий Прохоровской битвы.

После разгрома фашистских войск СССР стал опасным геополитическим соперником для западной капиталистической системы. Развязанная сразу же «холодная война» была призвана втянуть израненную страну в гонку вооружений, чтобы навсегда сбросить ее с политического олимпа. Похвалы и благодарность остались в прошлом, нужна была новая историческая реальность. Сегодня в западных учебниках истории восточный фронт лишь вскользь упоминается. Молодое поколение уже не помнит, оно воспроизводит то, что ему рассказывают.

В период послевоенных лет бывшие союзники по антигитлеровской коалиции стали создавать фундамент политической дискредитации СССР. Например, военно-историческая служба армии США за 1946-1947 гг. собрала воедино огромный пласт немецких архивных

материалов, пытаясь проанализировать и оценить кампанию нацистов. Во-первых, США тесно сотрудничали с самими фашистами, построения опирались на воспоминания почти 800 человек, среди них были фельдмаршалы А. Кессельринг, Э. Клейст, Э. Манштейн, генералы Г. Блюментрит, Ф. Гальдер, Г. Гот, Г. Гудериан, К. Типпельскирх, К. Цейтцлер. Во-вторых, американцы захватили множество немецких военных архивов, которые стали выкладывать с 1948 г. Всего было подготовлено более 2500 проектов документов, общий объем которых превысил 200000 машинописных страниц, большая часть из которых освещала специфику действий вермахта на советско-германском фронте. Все это было переведено на английский язык, а к документам получили доступ историки из разных стран. Эти документы стали той теоретико-методологической базой, с помощью которой западные специалисты изучали действия немецких фашистов на восточном фронте. Многие западные историки совершенно умалчивали о битве под Москвой, Орловско-Курской битве и других сражениях, но высадку морской дивизии США на остров Гуадалканал в августе 1942 г. называли «началом контрнаступления в Тихом океане».

Задача западных историографов с момента окончания Второй мировой войны заключалась в создании информационного фона, принижающего роль СССР в победе над фашизмом. Борьба шла за мировое влияние, а это были две разные политические системы и экономические модели будущего мироустройства. Капитализм смог победить в условиях жесткой, беспринципной, нечестной, навязанной борьбы, оперируя сфальсифицированными историческими источниками. Что касается фашистской Германии, то здесь сразу же причиной поражения были объявлены природно-географические факторы и климатические условия, а не героизм советских солдат и подвиг их военачальников. В отношении капитуляции Японии добавился миф о решающей роли США, которые своевременно разработали и сбросили атомные бомбы. Парадоксально, но сейчас, когда США являются тесными союзниками Японии, западная информационная машина взяла курс на обвинение СССР в атомных бомбардировках Японии, чтобы показать агрессивность и кровожадность коммунистического режима, хотя у СССР такого оружия на тот момент просто не было.

Пересмотр итогов Второй мировой войны с удвоенной силой продолжился в современный период истории. С выходом страны из-за «железного занавеса» к зарубежным политтехнологам добавились отечественные, финансируемые из-за границы. Еще более 10 лет назад 15 мая 2009 г. президент распорядился создать комиссию «по борьбе с попытками фальсификации истории в ущерб интересам России» [5, 4664], но просуществовала она всего три года. Однако угрозы исторической фальсификации не только не исчезли, но и усилились, особенно после госпереворота на Украине. Жонглирование фактами Второй мировой войны дошло до попыток уравнивать в международном законодательстве фашизм и коммунизм, свалив на Россию весь груз неразрешенных мировых проблем. В 2014 г. с помпой в Европе отметили столетие Первой мировой войны, но в научном дискурсе в ее развязывании обвинили сербский национализм и российский империализм. Нам самим пытаются навязать мысль о кровожадности и бесконечной воинственности. Согласно западным фальсификаторам россияне – не созидаящая, а разрушающая нация.

Таким образом, фальсификация истории давно вышла за пределы субъективных научных споров, превратившись в целенаправленную государственную политику. Манипулирование историческими фактами и их оценкой стало частью информационного противоборства в средствах массовой информации. В условиях нарастания напряженности в военно-политической сфере особую актуальность приобретает решение проблемы фальсификации истории с помощью активного включения специалистов в массовое информационное пространство. Распространение фальсификации истории в социальных сетях в отсутствие контрмер приводит к необратимой деформации исторического восприятия реальности. Задача современной России – противостоять вторжению важных глобальных проблем и в то же время сохранить культурную и историческую самоидентификацию. Для этого вам нужно широко освещать события в фильмах, книгах,

онлайн-презентациях блоггеров, школьных и студенческих программах. Фундаментальные ценности представителей военной сферы, такие как патриотизм, честь, героизм, достоинство, войсковое товарищество, проявляющиеся в ходе оборонительной или справедливой войны, должны стать долгосрочной идеологией, скрепляющей общество.

Теоретические подходы к определению понятия «историческая политика» должны быть содержательно раскрыты в рамках основных направлений фальсификации истории. Для этого должны быть привлечены лучшие ученые-историки и лучшие специалисты по связям с общественностью. Процесс переоценки исторических событий имеет глобальный масштаб. Глобализму не интересна национальная история с подвигами и героями, потому что она делает народы особенными. Глобализму нужна большая серая масса одинаковых потребителей, готовых наполнять карманы транснациональных корпораций, готовых быть тенью исключительных людей, создавших универсальный мир. В таком мире отдельная роль принадлежит криминализации и жертвенности исторического процесса. Лозунг фальсификаторов состоит в том, что сегодняшнего дня человечество не смогло создать идеального миропорядка, оно должно покаяться, забыть свое прошлое и строить прекрасное будущее, опираясь на универсальные ценности нового человека. Фальсификация истории нашей страны уже давно перешла из чисто идеологической борьбы с социальной системой в СССР к борьбе с Россией как фактором геополитическим.

Современное поколение людей стоит перед сложным выбором, а именно: забыть путь становления цивилизации либо принять все исторические противоречия, на которых можно будет выстроить самоидентификацию. Мировое сообщество уже должно оставить попытки всеобщей унификации и закрепить в международном праве культурное, экономическое, политической и историческое многообразие человечества. Попытки фальсификации истории неизбежно будут встречать сопротивление со стороны национального государства.

Вторая мировая война – особая боль человечества, которая либо поможет нам преодолеть все критичные разногласия и сплотиться ради лучшего будущего, либо стать одной из идеологических причин третьей мировой войны, которая приведет к вырождению человека как вида. История войны представляет цепь причин и последующих событий, объективный анализ которых вернет международные отношения в здоровое русло. Другое дело, что в современном состоянии информационного противоборства, а может быть и войны, надеяться на объективный подход к историческим событиям и их источникам не приходится. Нынешний мир погряз в экономических, политических, идеологических, экологических и культурных противоречиях, решить которые он в состоянии лишь апробированными способами.

Библиографический список

1. **Лещев Е.Н.** Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России: политический аспект [Текст] / Е.Н. Лещев, Н.И. Харитонов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т. 11, № 6. – С. 132–142.
2. **Бжезинский З.** Великая шахматная доска [Текст] / З. Бжезинский. – М.: Межд. отн., 1998. – 128 с.
3. **Суворов В.** Ледокол: Кто начал вторую мировую войну [Текст] / В. Суворов. – М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2014. – 352 с.
4. **Меллентин Ф.** Бронированный кулак вермахта [Текст] / Ф. Меллентин. – Смоленск: «Русич», 1999. – 528 с.
5. **О Комиссии** при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России: Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 (в ред. от 8 сент. 2010 г.) [Текст] // СЗ РФ. – 2010. – № 37. – Ст. 4644.

УДК 93

Елецкий государственный университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории и историко-культурного
наследия
О.Г. Некрылова
Россия, г. Елец,
тел. 8-960-158-25-99;
e-mail: nekrylova_80@mail.ru
Елецкий государственный университет
Студент 4 курса института истории и культуры
А.Б. Малютин
Россия, г. Елец,
тел. (905) 681-52-83;
e-mail: rakxalwow@gmail.com

Yelets State University
PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the
Department of History and Historical and Cultural
Heritage
O.G. Nekrylova
Russia, Yelets,
tel. 8-915-857-98-94;
e-mail: nekrylova_80@mail.ru
Yelets State University
4th year student of the Institute of History and Culture
A.B. Malyutin
Russia, Yelets,
tel. (905) 681-52-83;
e-mail: rakxalwow@gmail.com

О.Г. Некрылова, А.Б. Малютин

ОРЛОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ В 1920-Е ГГ.: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается социально-демографическая структура населения Орловской губернии периода 1920-х гг. Проведенный анализ статистических баз данных позволил показать изменения в численности и составе населения губернии по полу и национальности, динамику рождаемости и смертности, а также влияние на изменение демографической ситуации политических и экономических последствий событий начала XX века.

Ключевые слова: История России, Орловская губерния, НЭП, всесоюзные переписи населения социально-демографическая структура, численность населения

O.G. Nekrylova, A.B. Malyutin

ORYOL PROVINCE IN THE 1920s: SOCIAL AND DEMOGRAPHIC ANALYSIS

The article examines the socio-demographic structure of the population of the Oryol province in the period of the 1920s. The analysis of statistical databases made it possible to show changes in the size and composition of the province's population by sex and nationality, the dynamics of birth and death rates, as well as the impact on the change in the demographic situation of the political and economic consequences of the events of the early XX century.

Key words: History of Russia, Oryol province, NEP, all-Union population censuses, socio-demographic structure, population

В истории России период 1920-х гг., является одним из самых сложных и дискуссионных. Демографические процессы этого периода испытывали на себе влияние нескольких важнейших факторов. С одной стороны, последствия многомиллионных людских потерь в годы Первой мировой и Гражданской войн. С другой, голод 1921 г. поставил Россию на грань демографической катастрофы. В связи с этим изучение социально-демографической структуры общества, анализ источников данного периода, исследования на региональном уровне, позволяют выделить не только общие демографические тенденции, но и характерные для определенного региона черты социально-демографического развития.

Городское население Орловской губернии в 1920-е гг. проживало в 1 губернском городе, 6 уездных городах, в 1 городе без уезда (Мценск) и в 2 поселениях городского типа [1].

Согласно переписи 1926 г. городское население вместе со слободскими жителями составляло 189175 человек. Из них 89.953 (47,5%) были представители мужского пола и 99.222 (52,5%) женского [2]. В итоге, на каждую 1000 мужчин всех возрастов в среднем приходилось 1103 женщины, к примеру, по переписи 1897 г. на 1000 мужчин - 997 женщин, что дает основание сделать вывод о сокращении численности мужского населения в результате ПМВ и Гражданской войны начала XX в.

Самым большим по численности населения являлся губернский город Орел, который занимал 43 место среди 85 городов СССР, численность которых превышала 50.000 человек. В нем проживало 41.3% городского населения всей Орловской губернии. Вторым по численности населения городом являлся Елец, насчитывающий 43.239 жителей. Таким образом, в двух крупнейших городах проживало приблизительно 2/3 (64.2%) городского населения губернии, а остальные 35,8% распределялись по 8 другим городам и поселениям городского типа Орловской губернии.

Половое распределение городского населения в 1920-е гг. варьируется по отдельным городам и поселениям городского типа. Первое место по показателю преобладания женского населения над мужским, занимал город Мценск, однако, он находился на 13 месте по данному показателю среди городов СССР с населением свыше 50.000 человек. В остальных городах также присутствовало значительное преимущество женского населения над мужским, и только в городах Новосиле и Малоархангельске наблюдалось более сбалансированное соотношение полов. Такое количественное превосходство женщин среди населения губернии сложилось, прежде всего, как результат миграционных процессов, в которых участвовали преимущественно мужчины.

Численность сельского населения согласно данным переписи 1926 г. составила 1.695.358 человек, из которых 792.141 (46.8 %) мужчины и 903.217 (53.2 %) женщины. Данный показатель свидетельствует о значительном преобладании сельского населения над городским. В своей работе «Российская деревня в годы НЭПА. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья)» С. А. Есиков, объясняя данный факт, писал: «Анализ социально-экономических причин аграрного перенаселения в период нэпа широко пропагандировался в печати в 1920-х гг. и являлся теоретической основой для практической деятельности земельных и переселенческих организаций» [3].

В плане полового распределения на каждую 1000 мужчин в сельских местностях приходилось 1138 женщин (в 1897 г. на 1000 мужчин- 1108 женщин) [2]. Итак, доля женщин в составе сельского населения губернии резко увеличилась: если в 1912г. число женщин превышало количество мужчин всего на 0,6 %, то в 1926 г. — на 12,5 %. Соотношение полов в сельской местности губернии не имеет такой резкой разницы по отдельным уездам, которую можно заметить по городам, что являлось следствием сельскохозяйственной направленности региона, создававшей более устойчивое положение для хозяйствования на всей территории губернии. Незначительное преобладание женского населения над мужским в сельских местностях Орловской губернии объясняется вынужденным уходом мужской рабочей силы на заработки в другие губернии.

Численность населения в Орловской губернии, в городах и сельской местности, по переписи 1926 г. составляла 1.884.533 души обоего пола, из которых 882.094 составляло мужское население (46,8 %), 1.002.439 женское (53,2 %). В результате на каждую 1000 мужчин приходилось 1137 женщин. Для сравнения, согласно данным переписи 1897 г. на каждую 1000 мужчин приходилось 1090 женщин, в 1920 г. на 1000 мужчин 1249 женщин. Данная тенденция характерна для всех губерний входящих в Центрально-Черноземный район, где на каждую 1000 мужчин приходилось 1112 женщин. Таким образом, Орловская губерния находилась в более сложных условиях по данному показателю, чем например соседние губернии. К примеру, на 1000 мужчин в Курской губернии приходилось 1089 женщин, в Воронежской 1108, в Тамбовской 1120 и в Пензенской 1127 [2]. Причинами данного явления могут служить – сокращение мужского населения в результате ПМВ и

Гражданской войны начала XX в., а также переселение с соседних территорий части населения, при этом количество переселившихся женщин было в 2.16 раза больше чем мужчин (6493 мужчин и 14031 женщин).

Процент, городского населения в губернии по отношению к сельскому составил 10,2 %. Таким образом, в Орловской губернии количество городского населения было выше, среднего показателя по территории Центрального Черноземья, в котором процент городского населения составлял 9,3, тогда как по всей европейской части РСФСР данный показатель достигал 18,2 %. Соотношение численности городского населения губернии по отдельным уездам находилось в зависимости от уровня развития промышленности, с одной стороны, и от величины уездов с другой. На первом месте, по наибольшему удельному весу городского населения находился Орловский уезд, в котором последнее составляло 22,1 %. Следующим шел Елецкий уезд, где данный показатель составил 11,5 %. В остальных уездах численность городского населения колеблется от 1.5 % (Новосильский уезд) до 7 % (Болховский уезд).

Количество населения в 1926 г. по отношению к 1897 году составляло 99.4%. Увеличение численности населения по сравнению с данными переписи 1897 г. можно отметить лишь в городе Орле, где прирост за прошедший период составил 11.7% и по городу Мценску - 3.3%. Особняком стоит поселок Нарышкино, который, благодаря удобному местоположению, являясь торговым пунктом, дал прирост населения 174%. Остальные города и поселки городского типа, имели тенденцию к сокращению численности населения, по сравнению с данными 1897 г. На наш, взгляд, данное положение можно объяснить процессом «замирания» городской жизни, начавшимся в революционный период. В 1920 г. наблюдалось уменьшение количества населения по сравнению с 1897 г. по всем городам Орловской губернии от 30.4% в городе Болхов до 5.5% в городе Ливны [2].

Введение политики НЭПа, приводит к оживлению городской жизни и как следствие мы наблюдаем прирост городского населения в период 1920- 1923 гг. в городах Дмитровск, Мценск, Новосиль, Малоархангельск, но уже к 1926 г. перечисленные города испытывали значительное уменьшение в количестве населения в сравнении с 1923 годом.

Е. З. Волков в своей работе «Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет», рассматривая вопрос роста городского населения отмечает: «Городское население в историческом процессе его развития растет за счет трех элементов – роста самого населения на первоначальной территории города (интенсивный рост городов), роста территории, включаемой в городскую черту (экстенсивный рост основной массы городов), а также расширения понятия города и вызываемого этим увеличения количества городов (экстенсивный рост городских поселений) в связи с процессом все большего и большего отрыва от земледельческих занятий населения и перехода его к занятиям внеземледельческого типа, не связанным с сельскохозяйственным землепользованием и производством сельскохозяйственной продукции» [4]. Таким образом, учитывая сельскохозяйственную направленность Центрально-Черноземного региона, частью которого являлась Орловская губерния, можно обозначить одной из причин малой доли урбанизации губернии её земледельческий характер.

Результатом Первой мировой и Гражданской войн стала вынужденная массовая миграция населения. Увеличение числа переселенцев из других губерний, наблюдалось почти по всем городам Орловской губернии. Действительно, если мы обратимся к анализу материалов переписи 1920 г., то увидим, что из числа не местных на территории губернии проживало 28 951 человек, за исключением людей без определенного места рождения [5]. Уроженцы иностранных государств в городах Орловской губернии представлены крайне редко, составляя в 1897 г. - 0.1 % от общего числа жителей, в 1920 г. – 0.2 %. Причина увеличения числа иностранцев заключалась в том, что 1920 г. совпадает с периодом эвакуации подданных бывшей Российской империи, уроженцев Латвии, Литвы, Польши, Эстонии и Финляндии. Из общего количества иностранцев в числе 1265 человек,

проживавших в городах Орловской губернии, на перечисленные государства приходилось 1065.

Состав городского населения в 1926 г., по показателю его принадлежности к той или иной национальности довольно однороден, при подавляющем большинстве русских, доля которого составляла 94,5 %. На втором месте можно выделить еврейскую национальность, представители которой составили во всех городах Орловской губернии 2,76 %, остальные национальности меньше 1 %. Национальный состав населения по г. Орлу несколько отличался от остальных городов губернии. В нем количество русских составляло 90,37 %, евреи - 4,61 %, белорусы - 1,61 %, украинцы - 1,02 %, поляки - 0,96 %, остальные народности представлены в доле значительно меньшей 1 % каждая [2].

Анализ состава сельского населения Орловской губернии по переписи 1897 г. и 1920 г. в распределении на местных и уроженцев других губерний представляет несколько иную картину, чем в городах. Количество уроженцев Орловской губернии составило 95 %, тогда как в городах этот показатель в 1920 г. представлен 75 %. Некоторое увеличение можно отметить, в 1921-1923 гг., главным образом за счет переселенцев из соседних Брянской, Калужской, Тульской, Воронежской и Курской губерний, численность которых составила 38.108 человек. Иностранцы подданные в числе жителей сельских местностей насчитываются единицами, составляя по итогам переписи 1926 г. на всю губернию 100 человек. Сельское население в разрезе по отдельным национальностям еще более однородно, чем в городах губернии, являясь в подавляющем большинстве русским, на долю которых приходится 99,65 %. В небольшом количестве проживали украинцы, остальные же народности насчитывали буквально единицы в составе сельского населения. Интерес представляет анализ данных, уроженцами каких губерний являлись приехавшие в Орловскую губернию и насколько прочно они оседали в ней. Наибольшее количество приезжих давала Тульская, Курская губернии, граничившие с Орловской, далее следовали Московская, Брянская и Воронежская [2].

При изучении населения, пришедшего на территорию Орловской губернии с соседних территорий, стоит обратить внимание на такой показатель, как продолжительность пребывания. В статистическом сборнике Орловской губернии 1924-1926 гг. население по данному признаку делится на 2 группы – до 6 лет (хронологические рамки - от начала ПМВ до 1920 г.) и свыше 7 лет проживания. При рассмотрении первой группы можно заметить, что в основном на территорию Орловской губернии приходило население из регионов охваченных ПМВ и территорий пострадавших от ведения военных действий. К таким территориям можно отнести: Литву, Прибалтийский край, Витебскую и Ленинградскую губернии. Население из этих регионов по прошествии 6 лет стремились вернуться на прежнее место проживания, в связи с этим количество уроженцев из приведенных выше регионов в группе свыше 7 лет было незначительным [2].

Иная ситуация наблюдается по отношению к населению, мигрировавшему на территорию Орловской губернии с соседних регионов. Так, уроженцы Тульской губернии чаще оставались на территории Орловской губернии, насчитывая 54,3 % от всего пришлого населения в группе проживания свыше 7 лет. Для Курской губернии этот показатель составил 64,6 %, а для Калужской 31,7 %. Указанное явление свидетельствует о том, что пополняющими губернию, из числа неместных уроженцев являлись жители соседних территорий, которые прочно оседали в Орловской губернии.

Прирост населения Орловской губернии в 1920-е гг. характеризуется равномерным изменением по всем уездам губернии в период от 1897 г. к 1926 г. Если в среднем по губернии прирост населения составлял 22,8 %, то наивысший показатель можно отметить в Елецком уезде (29,1 %), наименьший в Ливенском уезде (18,3 %). Необходимо отметить, что западные уезды губернии – Дмитровский, Орловский и Болховский – шли с замедленным темпом прироста населения от 1897 г. к 1920 г. Например, уменьшение количества населения, в указанный период, по Дмитровскому уезду составило 3,5 %. Восточные уезды, в особенности г. Елец, наоборот имели более высокий темп прироста населения. Объяснение

этому кроется в том, что 1920 г. был не благоприятным по урожаю для западных уездов губернии, и население было вынуждено уходить на более благоприятные с экономической точки зрения территории. К 1926 г. мы можем наблюдать картину относительного выравнивания прироста населения по всем уездам.

Общая картина рождаемости в Орловской губернии представляет собой интересную ситуацию. И в городах и в сельских местностях можно зафиксировать резкое падение этого показателя. Так, по сравнению с довоенным 1913 г. в городах показатель рождаемости упал на 23 %, а в сельских местностях на 37 %. Это объясняется последствиями войны, продовольственного кризиса и голода 1921 г., особенно в южных уездах, и, как итог, чрезвычайным распространением эпидемических заболеваний в 1921 и 1922 гг. [2].

Ещё одной отрицательной тенденцией 1920-х гг. стало увеличение количество аборт.

Статистика количества аборт за период 1924-1926 гг. [2, 46].

Годы	Искусственные аборты		Операции по проведению искусственных аборт		Всего	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	абс.	Отн.
1924	1723	100	1140	100	2863	100
1925	2940	170	1299	114	4239	148
1926	3525	204	1495	131	5020	175

Число зарегистрированных официальной медицинской статистикой искусственных прерываний зачатий в период 1924 -1926 гг. возросло на 75 % (в 2,5 раза), при этом статистика не отражает количества незаконного прерывания беременности, что напрямую сказывалось на снижении рождаемости в Орловской губернии.

В условиях стабилизации экономического положения вызванного проведением политики НЭПа, возвращением мужского населения, и увеличением количества зарегистрированных браков, показатель рождаемости увеличивается к 1925 г. в сельской местности на 10,5 %, а в городах достигает уровня 1913 г (т.е. 28,8 рождений на 100 жителей).

Те же причины, которые обусловили показатели снижения рождаемости в 1920 г., характеризуют и показатели повышения смертности, доходившей в городах до 58,7 смертей на 1000 проживающих, а в сельских местностях до 36,1. После 1920 г. ситуация улучшается и уже с 1922 г. по сельским местностям, а с 1923 г., в городах смертность становится значительно меньше даже по сравнению с довоенными показателями. Данное явление обусловлено улучшением к этим годам экономического благополучия страны, а вместе с этим и улучшением санитарно-гигиенических условий, которые играли немаловажную роль в снижении смертности [2].

Таким образом, социально-демографическая ситуация в Орловской губернии во многом схожа с соседними губерниями Центрально-Черноземного региона. Так, доля урбанизированного населения представлена в достаточно малом количестве, составляя 10,2 % от общего населения, что характерно для всего Центрального-Черноземья. Характерным для Орловской губернии периода НЭП является однородность населения со значительным преобладанием русской национальности, в то время как на нацменьшинства выпадает менее 1 % населения. Общими тенденциями в сфере демографии Орловской губернии стали снижение уровня рождаемости, а также колебания показателей смертности.

Библиографический список

1. Статистический сборник Орловской губернии 1920-1923. Первый выпуск. – Орел: Издание Орловского Губстатбюро, 1924. – 478 с.
2. Статистический сборник Орловской губернии 1924-1926. Первый выпуск. – Орел: Издание Орловского Губстатотдела. – 1927. – 394 с.
3. **Есиков С.А.** Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – 2010. – 246 с.
4. **Волков Е.З.** Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет.- М.: ГИЗ. – 1930. – 272 с.
5. Всеобщая перепись 1920 года, демографическо-профессиональная и сельскохозяйственная, с учетом промышленных предприятий / РСФСР. Центр. стат. упр. – М.: Гос. тип. – 1920. - 63 с.

УДК 355 (470)

*Воронежский государственный
педагогический университет
Аспирант 1 курса
В.С. Подберезная
Россия, г. Воронеж,
тел. 89803432788
e-mail: val.sergeevnaa@yandex.ru*

*Voronezh State Pedagogical
University
1st year postgraduate
V.S. Podbereznaya
Russia, Voronezh,
tel. 89803432788
e-mail: val.sergeevnaa@yandex.ru*

В.С. Подберезная

НАГРАДНЫЕ ЛИСТЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье приводится анализ наградных листов времен Великой Отечественной войны как исторического источника, рассмотрены изменения формы наградных листов на протяжении войны. Сделана попытка выявить тенденции изменений наградных документов. Для иллюстрации выводов, автор приводит несколько наиболее ярких описаний проявления подвига.

Ключевые слова: наградные листы, исторический источник, наградная система, Великая Отечественная война, СССР.

V.S. Podbereznaya

AWARD SHEETS AS A HISTORICAL SOURCE

The article analyzes the award lists of the Great Patriotic War as a historical source, considers the changes in the form of award lists during the war. An attempt has been made to identify trends in changes in award documents. To illustrate the conclusions, the author gives some of the most vivid descriptions of the manifestation of the feat.

Key words: award lists, historical source, award system, Great Patriotic War, USSR.

В последнее время отмечается рост интереса российских и зарубежных исследователей к истории Второй мировой войны и, в частности, к истории Великой Отечественной войны. Это во многом связано с юбилейной датой, которую мы недавно отмечали, а также с потребностью в новой, актуальной, объективной информации о, поистине, одном из самых важных событий истории XX века, испытываемой обществом сегодня. События данной войны изучены на сегодняшний день максимально глубоко и всесторонне.

Однако, несмотря на это, некоторые вопросы иногда упускаются исследователями из вида.

Так, например, мы обратили внимание на недостаточно раскрытую тему, касающуюся некоторых аспектов наградной системы периода Великой Отечественной войны.

С недавних пор в руки историков попал довольно значительный массив источников. Речь идет об открытии архивных документов времен Великой Отечественной войны.

Министерство обороны Российской Федерации представило уникальный информационный ресурс открытого доступа, наполненный всеми имеющимися в военных архивах документами о ходе и итогах основных боевых операций, подвигах и наградах всех воинов Великой Отечественной войны, все это размещено на сайте «Подвиг народа» и «Память народа».

Актуальность изучения источниковой базы, имеющей отношение к теме боевого и трудового героизма, и потребность в анализе такого рода источников испытывают не только историки, но и педагоги, краеведы, журналисты.

Таким образом, целью данной статьи является анализ наградных листов, как основных источников по вопросу системы награждений в период Великой Отечественной войны.

Сами по себе наградные листы являются важным и очень информативным, в некоторых случаях, самостоятельным историческим источником.

Наградные листы входят в большую группу письменных источников, фиксирующих факты награждения. Помимо самих наградных листов, в этой группе находятся также постановления, приказы, указы, именующиеся юридическим языком – «акты применения права», исходящие от высших органов государственной власти. В данной статье мы подробно остановимся на наградных листах, как основных документах, несущих в себе, с одной стороны сам факт подвига, с другой – его оценку.

Наградной лист несет в себе большое количество информации о человеке. Из него можно почерпнуть следующие данные о военнослужащем:

- имя;
- возраст;
- национальность;
- адрес проживания;
- призывной пункт, с которого был призван солдат;
- звание;
- социальное положение;
- в отдельных случаях – образование;
- принадлежность к партии;
- частично военный опыт человека (с какого года в армии, в каких боевых действиях принимал участие, есть ли ранения);
- получал ли до этого момента награды;
- какой подвиг совершил.

Опытные воины говорят, что, если новый человек попадал в подразделение, сослуживцы, опираясь на его награды, могли судить насколько человек опытен в бою, какими качествами он обладает, насколько можно положиться на него. По сути, сами награды, как некие знаки, должны были давать окружающим какое-то количество информации о человеке.

Д.В. Шуняков в своей статье «К вопросу о состоянии изучения истории наградной системы СССР в годы Великой Отечественной войны: источниковедческий и историографический обзор» отмечает, что ценность самих наград изменялась в зависимости от периода войны, в начале, когда наград было мало, ордена и медали ценились всеми очень высоко, однако, после 1943 года их стали вручать более массово, и ценность их снизилась [1, с. 146].

Необходимо отметить, что наградные документы менялись на протяжении войны. Так, сравнивая наградные листы 1941 и 1944 года, мы пришли к выводу, что в них имеются некоторые отличия, позволяющие установить определенные закономерности.

Конечно, важно понимать, что данные документы изначально не были унифицированы с точки зрения структуры и формы. Проанализировав некоторое количество наградных листов июня 1941 года, можем сделать следующие выводы.

В целом, наградной лист представляет из себя: лист бумаги формата А4, со специальными пропечатанными графами сверху – «ФИО», затем строка «должность, наименование войсковой части, соединения, учреждения или заведения», строка «наименование награды», далее двенадцать граф:

- «год рождения»;
- «национальность»;
- «социальное положение»;
- «партийность»;
- «с какого времени в РККА»;
- «участие в гражданской войне, ранения и контузии»;
- «представлялся ли ранее к награде, когда и за что»;
- «какие имеет поощрения и государственные награды и за что»;
- «служба в белой или других буржуазных армиях и пребывание в плену»;
- «постоянный адрес».

Внизу несколько строк отведено для описания подвига.

Можно отметить тот факт, что количество граф в наградном листе менялось. Изначально их было 12, затем их количество сокращается до 9, иногда встречаются листы с 11 графами.

Если говорить о самых первых наградных листах, в которые заносились данные о подвигах героев с самого начала войны с 22 июня 1941 года, можно отметить, что они готовились (печатались) в спешке, быстро, чем объясняется присутствие в, очевидно, целой партии этих документов опечаток. Нам попались несколько наградных листов, в которых в графе «Участие в гражданской войне» вместо «Участие» слово «Тчастие» [2, с. 38], а также в том же документе ниже читаем «Краткое конкретное изложение личного боевого (вместо боевого) подвига», также очевидно не ошибка, а просто опечатка, но такая нехарактерная для советского времени, когда любые тексты проверялись досконально, и речь здесь идет не о цензуре, а именно об орфографии и грамматике. Это демонстрирует очевидную спешку, в которой готовилась первая партия наградных листов [2, с. 38].

Сами формы наградных листов менялись с течением времени. Так мы находим самый первый, и очевидно, не самый удачный вариант наградного листа начала войны июня 1941 года, где присутствуют формулировки, вроде «Служба в белой или других буржуазных армиях и пребывание в плену» [2, с. 38], которая из наградных документов июля 1941 года исчезает [2, с. 38].

Это свидетельствует об определенных изменениях в приоритетах советской власти в отношении военнослужащих. Ведь употребление данной формулировки является в значительной степени дискриминационным, так как ставит под сомнение преданность солдата, идущего защищать свою Родину. Помимо всего прочего подобного рода дискриминационные отметки были способны оказывать деморализующее воздействие на бойца, вынося на первый план его действия двадцатилетней давности.

Важной особенностью наградных листов 1941 года является наличие графы «социальное положение». Сравнивая наградные листы 1941 и 1944 года нетрудно заметить, что к 1944 году [4, с.266,267] данный пункт исчезает. Вероятно, это, как и вышесказанное, свидетельствует об изменении отношения к военнослужащим. Ведь указания социального положения в документах подобного рода могут указывать на то, что социальное положение имеет какой-то вес при выборе награды, что способно привести к разногласиям внутри армии, которые в условиях трагического события Великой Отечественной войны были не просто неуместно, но и даже опасны.

В качестве иллюстрации всего вышесказанного обратимся к источникам. Так в одном и том же Указе Президиума Верховного совета СССР от 25.07.1941 года в списке награжденных Орденом Красного знамени числятся: подполковник Бархатов К.П. - служащий, Калодин Н.А. - служащий, Малыхин И.С. - крестьянин, Ярандин И.А. - крестьянин, Абрамян Г. А. - колхозник, награжденный орденом Красной Звезды.

Рассмотрим, как их подвиги описаны в наградных листах:

Бархатов Кузьма Прокофьевич политрук [5, с. 42]. В районе Фельчиул-Богданешты для подрыва железнодорожного моста через реку прут 24 июня 1941 года был направлен 3 эскадрон. В этом районе противник имел долговременные артиллерийские и пулеметные точки и захватил восточный берег реки Прут стрелковым частями. Помимо этого, подход к мосту охранялся тяжёлой артиллерией, пулемётными и минометами батареями. Эскадрону предстояло по открытой местности, болотистой, всесторонне простреленной противником выше 2 км. Политрук товарищ Бархатов умело поставил партполит работу эскадрона. Своим личным примером, героизмом, как политработник, партийный организатор эскадрона, вдохновлял бойцов и командиров. Эскадрон в течение двух суток неся потери и в течение боя товарищ Бархатов всё время находился в голове эскадрона решительно и смело вел в бой состав эскадрона. В процессе боя выбыли из строя пулеметные расчеты, товарищ Бархатов здесь же учил сабельников ведению огня из этих пулемётов. В острый момент боя товарищ Бархатов с группой бойцов уничтожил блокирующий огонь пулеметов противника, он же поднял эскадрон в атаку и обеспечил выполнение поставленной задачи, мост был взят и взорван. Противник частью был уничтожен, отчасти взят в плен и отброшен на западный берег реки Прут. Достоин награждения правительственной наградой орденом Красное Знамя.[5, с.42].

Калодин Николай Алексеевич подполковник.[6, с.36]. В течение 6 дней боёв на реке Прут проявил исключительную командирскую организованность в маневрировании огнем и колёсами подчиненный ему артиллерии дивизии, чем обеспечил уничтожение и отбитие частей противника переправившись на Восточный берег реки Прут, а также пытавшихся произвести переправу.

Боевой командир с большим командирский стажем мужественный, бесстрашный, своим личным примером увлекал подчиненный ему начсостав и бойцов на выполнение поставленной задачи [6, с.36].

Колодину присвоен орден Красного Знамени. Смотрим далее.

Такой же орден присвоен Малыхину Ивану Свиридовичу. 22 июня 1941 года в 12.00 пехота румынской армии силою до роты переправилась на восточный берег реки Прут, пользуясь укрытием камышей, зарослями, кустами и захватив высоту 78,2, перерезала пути, связывающие полк с остальными подразделениями и стала распространяться на восток. Для ликвидации порвавшийся группы противника командир взвода товарищу Малыхину была поставлена задача захватить высоту 78,2 и отбросить противника за реку Прут. Товарищ Малыхин произвёл личную разведку высоты 78,2. Будучи на разведке товарищ Малыхин со своим коноводом красноармейцем Афлантаумом попал в засаду, устроенную румынскими солдатами на западных скатах высоты 78,2. Товарищ Малыхин видя, что он окружён румынскими солдатами повернул коня для того чтобы уйти из окружения, в это время был обстрелян ружейным пулеметным огнем, результате была убита лошадь под Афлантаумом. Не желая оставить красноармейца в руках противника, товарищ Малыхин ни щадя своей жизни под сильным ружейным пулеметным огнем взял Афландаума к себе на спину и вынес его из опасности, чем спас ему жизнь. В 13.00 товарищ Малыхин со своим взводом участвовал в ликвидации порвавшийся группы противника совместно со взводом 4 эскадрона под руководством старшего лейтенанта Ерошина. 26 июня 1941 года товарищ Малыхин со своим взводом окружил и отрезал переправу до взвода румынской пехоты. В результате этого окружения товарища Малыхина было уничтожено 13 человек, 7 человек, в том числе один капитан, взяты в плен. Старший сержант Малыхин достоин награждения орденом Красного Знамени [2, с.38].

Ярандин Иван Алексеевич. 23 июня 1941 года румыны сбросили до двух рот пехоты на штурм деревянного моста Фельчиул. Капитан Ярандин находясь на НП подхватил из ближайшей батареи одно орудие, выскочил на карьере на открытую позицию и открыл прямой наводкой огонь по мосту, находясь под сильным арттогнём противника отбил штурм деревянного моста.

В бою за подступы к железнодорожному мосту 25 и 26 июня проявил исключительную самоотверженность и командирскую распорядительность в организации артиллерийского обеспечения поступающим эскадром, чем обеспечил захват и взрыв моста. Достоин правительственные награды орден Красного Знамени. [7, с. 40].

Абрамян Гукас Арустамович. В боях с немцами проявил мужество и отвагу. В боях с 1 на 2 июля противник пять раз переходил в атаку на его точку, но личным метким огнем из станкового пулемета он косил противника и ни одна из атак противника не состоялась. Два раза немцы пытались его окружить, но он вышел из окружения под ураганным огнем противника, поймал пленного и привёл на командный пункт роты, откуда был доставлен на командный пункт батальона. В числе убитых им много офицеров, у которых он под огнем противника отобрал ряд документов и представил их в штаб батальона в том числе и документы генерала. В боях с 3 на 4 июля противник снова пытался дважды окружить, но младший лейтенант Абрамян выдвинул пулемет на открытую позицию и расстреливал противника прямой наводкой. Противник атаки не сдержал и с большими потерями отошел, но сейчас его сил осталось в противотанковом рве, под огнём противника он его очистил [8, с.15]. За данный подвиг младший лейтенант Абрамян получил орден Красной Звезды, что, безусловно, ниже, чем орден Красного Знамени, хотя об оценке обстоятельств, в данном случае, можно поспорить.

Если не вдаваться в конкретно-событийные обстоятельства подвига, степень которого довольно трудно «измерить», можно отметить, что достаточно сложно сравнивать командование боевым подразделением, являющееся основной обязанностью и незаурядное индивидуально-героическое (незаурядное – потому что проявлено в первые дни войны) поведение, инициированное самим человеком. Не вызывает сомнений тот факт, что при работе с источниками данного рода наши суждения в значительной степени зависят от того, насколько подробно и достоверно описываются действия военнослужащих Красной армии. Однако, несмотря на это, данные источники чрезвычайно ценны для исследований, посвященных Великой Отечественной войне. Благодаря последовательному анализу данных источников вполне возможно установить, на чем акцентировало внимание советское руководство при присуждении той или иной награды, ведь в конечном итоге именно советское руководство принимало решение о награждении. Не вызывает сомнений тот факт, что при принятии подобного решения власти отталкивались как от самого описания действий, так и от собственных представлений о том, каким должен быть подвиг. В конечном итоге, едва ли можно утверждать, что все герои Великой Отечественной войны были награждены. Именно поэтому последовательный статистический анализ документов данного рода способен дать нам представление об основных критериях подбора той или иной награды к конкретным действиям военнослужащих.

Стоит отметить и то обстоятельство, что в приведенных примерах границы действий, необходимых для присуждения той или иной награды, в значительной степени размыты. Вероятно, это в большей степени связано с той неорганизованностью и суматохой, которая была характерна для первых, несомненно, напряженных и трагических дней войны. Важно отметить и тот факт, что в СССР к началу войны имелось довольно незначительное количество наград, что, несомненно, затрудняло процесс награждения военнослужащих. Также сложность оценки такого феномена как подвиг или героизм заключается еще и в отсутствии четких критериев, определяющих границы подвижного дела, а также его «размер», что, вероятно, и имело место в первые дни войны.

Таким образом, на основании всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что наградные документы периода Великой Отечественной войны являются чрезвычайно ценными источниками для исследования данного периода истории России. Наградные документы содержат самые разнообразные сведения, касающиеся возраста, социального положения, звания, должности, опыта участия в боевых действиях и образования военнослужащих Красной армии. Исследование наградных документов способно осветить

вопросы, связанные с позицией государства по отношению к военнослужащим, установить те критерии, которые оказывали наибольшее влияние на выбор той или иной награды, а также установить в какой мере социальное происхождение или положения в армии влияло на решения, принимаемые органами власти. В связи с этим, можно утверждать, что наградные листы способны предоставить исследователю значительное количество информации, способной расширить и углубить исследования военно-антропологической направленности. Помимо этого, последовательное изучение данного рода документов способствует более полному восприятию такого неоднозначного явления, как подвиг и установлению его роли и значения в годы Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. **Шуняков Д.В.** К вопросу о состоянии изучения истории наградной системы СССР в годы Великой Отечественной войны: источниковедческий и историографический обзор / Д.В. Шуняков // Сборник научных статей. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. — 296 с.
2. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682523. Д. 7. Л. 38
3. ЦАМО РФ. Ф.33. Оп. 793756. Д. 51. Л. 142, Л. 144
4. ЦАМО РФ. Ф.33, Оп.690155. Д. 1944. Л. 266, Л. 267, Л.268
5. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп.682523. Д.7. Л. 42
6. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682523. Д. 7. Л. 36
7. ЦАМО РФ. Ф.33. Оп. 682523. Д. 7. Л. 40
8. ЦАМО РФ. Ф.33. Оп. 682523. Д. 19. Л. 15

УДК 330.81, 322.2

*Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)
ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»*

*Кандидат экономических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
С.В. Попова*

*Россия, г. Воронеж,
тел. +7-919-189-72-17
E-mail: psvbravo@mail.ru*

Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова

Кафедра социально-гуманитарных наук

Старший преподаватель

В.В. Чучупал

*Россия, г. Воронеж,
тел. +7-960-112-64-90*

E-mail: erbium@yandex.ru

Military educational scientific center air force «Air force Academy named after prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» (Voronezh)

(MESC MCF «AFA named after prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin»)

*PhD in Economic Sciences, Associate Professor of Humanities and Socio-Economic Disciplines Department
S.V. Popova*

*Russia, Voronezh,
tel. +7-919-189-72-17
E-mail: psvbravo@mail.ru*

Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov

Department of Social and Humanitarian Sciences

Senior Lecturer

Chuchupal V.V.

*Russia, Voronezh,
tel. +7-960-112-64-90*

E-mail: erbium@yandex.ru

С.В. Попова, В.В. Чучупал

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В ЭПОХУ РЕЛИГИОЗНЫХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПЕТРА I: УРОКИ ИСТОРИИ**

Экономическое развитие России в XVII-XVIII веках было основано на постепенном разрушении натуральной формы хозяйствования, наряду с которой набирало обороты товарное производство как мелко-, так и крупномасштабное (связано с появлением и развитием крупных мануфактур). Важным фактором развития, создающим возможности экономической стабильности в будущем, стало создание горнодобывающей и металлургической промышленности. Происходил быстрый рост внутреннего (всероссийского) рынка. Проведение преобразований шло в разрез экономической и административной автономии церкви. Поэтому Петр I ставит задачу ее ликвидации и снижения численности священнослужителей.

Ключевые слова: церковная реформа, экономические преобразования, промышленность, экономическое развитие, патриаршество, абсолютизм.

S.V. Popova, V.V. Chuchupal

**RUSSIA ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE EPOCH OF PETER I RELIGIOUS
TRANSFORMATIONS: HISTORY LESSONS**

The economic development of Russia in the 17th-18th centuries was based on the gradual destruction of the natural form of management, along with which commodity production, both small- and large-scale, was gaining momentum (associated with the emergence and development of large manufactories). An important development factor that creates opportunities for economic stability in the future is the creation of the mining and metallurgical industries. There was a rapid growth of the domestic (all-Russian) market. The reforms were carried out at the expense of the economic and administrative autonomy of the church. Therefore, Peter I sets the task of eliminating it and reducing the number of clergy.

Key words: church reform, economic transformations, industry, economic development, patriarchate, absolutism.

Успешные попытки «вытянуть Россию из трясины средневековой дремотной жизни» связаны с реформами и коренными преобразованиями, проводимыми Петром I, который считал, что Россия должна двигаться по пути европейской цивилизации. Проблемы средневековой аграрной России, недостаточный объем денежного обращения не позволяли ей развивать промышленность и осуществлять рост городов, что противоречило планам Петра I [1, с. 535-547]. Для устранения этих проблем потребовались серьезные преобразования, прежде всего в военной сфере, которые привели к значительному скачку в экономическом развитии России в начале XVIII столетия. Основными направлениями экономической политики Петра были развитие металлургии, горнодобывающей промышленности и кораблестроения. Урал и Донбасс стали основными центрами развития промышленности [2].

Хозяйственная жизнь страны в эпоху Петра I опиралась на купечество и предпринимательскую деятельность. Происходило расширение объемов внутренней торговли, примером тому служили крупнейшие ярмарки – Макарьевская, Свенская, Ирбитская. Процесс обмена требовал соответствующего денежного обращения, что в силу отсутствия рудников по добыче золота и серебра, требовало привлечения в страну денег за счет внешней торговли, которую облегчали новые торговые пути (выход к Балтийскому и Черному морям). На фоне укрепления абсолютизма и крепостной зависимости происходило переплетение рыночных и феодальных отношений. Политика, проводимая в этот период, способствовала первоначальному накоплению капитала, но капиталистические отношения еще не были сформированы. Этим Россия того периода отличалась от Запада.

Рост числа мануфактур привел к расширению объема выпускаемой продукции. В этот период увеличилась выплавка металла, который приносил хорошие доходы в казну от экспорта. В этот период начался экспорт зерна. По некоторым данным в 1726 году отмечено превышение экспорта над импортом в два раза [3].

Как известно основным инструментом, стимулирующим экономическое развитие, является платежеспособный спрос, но как отрицательный результат реформ высокие налоги вели к обнищанию крестьян, численность которых превышала городское население (т.к. Россия оставалась аграрной страной) на сто крестьян приходилось три городских жителя. С целью развития промышленности для увеличения численности рабочей силы осуществлялась продажа деревень вместе с их жителями владельцам мануфактур без возможности дальнейшей самостоятельной продажи от фабрики. Однако в результате реформ в сельском хозяйстве была обеспечена продовольственная безопасность России.

Коренным изменениям в развитии России способствовало проведение церковной реформы в результате которой политический вес церкви значительно сократился.

К началу реформ привилегии церкви в имущественных правах и податных льготах стали камнем преткновения для светской государственной власти в дальнейшем развитии государства. К этой проблеме добавлялось и то, что 30 процентов используемых земель в государстве принадлежало церкви. По объемам землевладения на том момент духовенство было вторым после дворян. В тоже время, государство теряло трудовые ресурсы, занимавшиеся обработкой церковных земель и не получало никакой выгоды. Поступления в казну отсутствовали и со стороны монастырских и архиерейских торгово-промышленных предприятий. Это позволяло церковникам снижать цены на продукцию их предприятий, что создавало серьезную конкуренцию купечеству.

Данный фактор усугублял финансовое положение страны. Острая нехватка средств отражалась на возможностях проведения эффективной внутренней и внешней политики, развитии и содержании армии и флота. Государство существовало в условиях, которые требовали изменения правового положения церкви, поэтому уже в XVII веке, при Алексее Михайловиче, появились предпосылки для реформирования. Активные действия Петра по созданию регулярной армии, строительству флота, ведению войн и расширению

бюрократического аппарата, требовали значительных затрат, поэтому богатства церкви было решено направить на создание новой мощной империи [4].

Официально патриаршество на Руси прекратило свое существование в 1721 году. В основу его отмены заложен сформулированный и выпущенный самим императором «Духовный регламент». Этот документ утверждал образование Святейшего Синода [5], возглавившего управление русской православной церковью, и имевшего силу и власть патриарха в вопросах веры. Однако, синод, как и любой другой орган государственной власти, подчинялся генерал-прокурору и сенату. Таким образом, была решена проблема управления церковью и уничтожена сама возможность расширения оппозиционных взглядов в стране.

Экономическая суть проведенных царем реформ состояла в передаче под контроль государства материальных активов церкви и более эффективное распределение трудовых ресурсов. Реализация реформ требовала отсутствия преград, что объясняет абсолютистская модель государства, которая не сопоставима с высоким авторитетом церкви. К тому же, проблема нехватки финансовых и трудовых ресурсов у государства могла быть решена за счет монастырей и церквей, не подотчетных государству.

Для ликвидации автономии церкви, увеличения эффективности использования земель и объемов налогов были сформулированы соответствующие цели и задачи. На первом этапе реформой была определена ликвидация экономического и административного суверенитета церкви, включавшая подробная ревизию имущества (с последующей секуляризацией), внедрение должностей назначаемых государством, контроль финансовых потоков и обязанностей, возлагаемых на церковь. На втором этапе главной задачей ставилось сокращения числа духовенства (при четком определении необходимого количества церковников и монахов, исходя из числа обслуживаемых граждан), ограничение «странствующих» священников и запрет на строительство монастырей, из церковных крестьян проводятся рекрутские наборы. Третий этап, борьба с нищенством, было запрещено подавать милостыню, только «блаженным» и откровенным инвалидам может быть позволено жить на подаяние. Петр хотел добиться такого положения, при котором государство могло бы беспрепятственно использовать в своих интересах большие финансовые, имущественные и человеческие ресурсы Церкви [6]. Доходы церковно-монастырского вотчинного владения попадали под общие для всего государства законы о взимании пошлин в пользу казны.

Как отмечает в своей работе «Церковная реформа Петра I как попытка «вестернизации» православия» М.А. Яшина, наряду с увеличением налогов производилась и прямая секуляризация церковного имущества. Особенное внимание при этом было направлено на ликвидацию патриарших вотчин. Не дожидаясь окончания срока урочных лет после смерти архиереев, Петр I велел епархиальные земли продавать с торгов, которые были назначены для всей России в Москве и отдавались Монастырским приказом всем желающим в новое «вечное» владение. Не гнушался государь и имуществом епископов «после смерти астраханского митрополита Самсона осталось немало число келейных денег и прочих вещей, так и духовных писем. При случае оные деньги и вещи пришлите мне» [7].

Реформы окончательно подчинили церковь государству. Церковь облагалась различными сборами. Представители духовного сословия стали использоваться государством для пополнения армии чиновничества. Как отмечает историк церкви В.А. Цыпин, в практику вошли «разборы» духовенства, в результате которых «безместных попов», годных к воинской службе, сдавали в солдаты. Выпускники духовных училищ и семинарий из-за недостатка для них мест священников и церковнослужителей поставляли значительный контингент чиновников для гражданской службы.

Использование земельных угодий церкви подверглось жесткому контролю со стороны государственной власти и, в последствии, были изъяты в пользу государства. Управление этими землями осуществлял Монастырский приказ, и только часть доходов направлялась на содержание монастырей и владык. Полной секуляризации, которая была проведена

Екатериной II, не произошло. Церковными крестьянами и вотчинами духовенства с 1701 года управлял светский Монастырский приказ, а доходы стали поступать в казну, а из казны прежние владельцы получали ежегодные выплаты (оклады). На военные нужды направлялись ценности из хранилищ монастырей. Введена рекрутская повинность и подушная подать для всех, приписанных к церкви людей, за исключением священнослужителей и их семей [8].

Для увеличения трудовых ресурсов страны Петр I изменил кадровую политику церкви. В начале его царствования архиереи рукополагали в диаконы и священники, руководствуясь собственными соображениями и не считаясь с наличием вакансий в приходах. Безместные священнослужители именовались тогда «крестными», поскольку обычно стояли на перекрестках в крупных городах и ждали, когда верующие позовут их к себе для соборования умирающих, освящения домов или каких-либо иных нужд. Они лишали доходов коллег из городских церквей и соборов, что приводило к скандалам. «Многие бездельники, – говорилось в Духовном регламенте, при совершенном здравии, за леность свою пускаются на прошение милостыни, и по миру ходят» [3].

При Петре священнослужителями могли стать только дети священников и только в соответствии со строго установленными штатами и наличием вакансий. Так правительство увеличило количество тягловых и оброчных людей, не давало им уйти от полезных и тяжелых работ на «легкие» хлеба церковной службы.

Петр I называл монахов «тунеядцами», и хотел заставить их служить государству. Указом 28 января 1723 года запретил пострижение в монахи и монахини. Такими взглядами Петра были порождены идеи реформирования церкви с ограничением прав и льгот священнослужителей и сокращением численности монастырей. Было запрещено бродяжничество, переход из монастыря в монастырь. Настоятели должны были провести учет каждого монаха и контролировать их служение.

Такие меры создали беспрепятственные условия для реализации плана быстрого расширения промышленности, развития армии и флота. Тяжелая и текстильная промышленность были ориентированы на экспорт и на удовлетворение военных потребностей. Металлургические и железоделательные заводы строились повсеместно, где были разведанные залежи железной руды (Карелия, Белозерский и Липецкий уезды). Так называемые «прибыльщики» должны были пополнять казну за счет налогов (на печи, на домашние бани, на соль, на бороды, на государственные бланки, дубовые гробы, косяки домов и т.д.), поощрялись предложения о введении новых налогов. Недостатком реформ было усиление крепостнических отношений, которое выявляло тяжелое положение вольнонаемных и крепостных рабочих. Появились так называемые «посессионные» (владельческие) крестьяне. На воронежских и северных верфях, в Кронштадте, при строительстве Петербурга использовался труд насильно стогняемых государственных крестьян. Низкие заработные платы, наказания, штрафы, конфискация имущества, отсутствие условий для жизнедеятельности создавали барьеры в виде незаинтересованности в результатах и низкой производительности труда. Осуществлялось повальное бегство крестьян из сел и деревень, с верфей, уральских заводов, строительных площадок (по некоторым данным всего в бегах насчитывалось около 200 тысяч человек).

В 1888 году философ, поэт, публицист, литературный критик В.С. Соловьев отметит, что «упразднение Патриаршества и установление Синода было делом не только необходимым в данную минуту, но и положительно полезным для будущего России. Эта замена, необходимо обусловленная нашею прошедшею историей, была полезна для будущей: «добрые и смелые офицеры», которым было вверено управление нашими церковными делами, позволили новой России спокойно пройти школу европейского образования...». Однако подавляющее большинство русского церковного общества не разделяло увлечения реформой. В глазах народа высшей церковной властью всегда были святители Церкви. В 1889 году, не отказываясь от этих своих взглядов, в лекциях «Россия и Вселенская Церковь» В.С. Соловьев говорит: «В Греко-российской Церкви не существует

истинно духовного управления... Официальная Церковь, управляемая гражданским чиновником, есть только государственное учреждение, подчиненная отрасли бюрократического управления» [9, с. 33-36].

Споры о личности и результатах деятельности Петра I не утихают на протяжении более трех столетий. Для нашего государства это значимый опыт как положительных, так и отрицательных уроков истории. Остановимся на трех дискуссионных вопросах.

Во-первых, некоторые исследователи предполагают, что уничтоженная Петром I монастырская «православная» экономика могла бы стать основой для нарождавшегося буржуазного уклада и рыночной экономики. В качестве примера успешного «православного» предпринимательства чаще всего приводят хозяйственную деятельность монастырей. Наглядным примером является Соловецкий монастырь (Архангельская область), в котором велось «сложное хозяйство» с привлечением сотен и тысяч крестьян. Это яркий опыт успешной предпринимательской деятельности. Настоятель монастыря Митрополит Филипп был инноватором того времени, он занимался архитектурой, созданием машин для монастырского хозяйства, спроектировал водопровод, начал добычу железа, построил мельницы и кирпичный и железоделательный заводы [10].

Тем не менее, другие монастырские вотчины вели традиционное хозяйство, без применения новшеств, не стремились к увеличению производительности труда. В целом по России монастырские хозяйства были ориентировано главным образом на производство продукции для собственного потребления. Никакой особой «православной» рыночной экономики там не было. Земельный надел монастырских крестьян был минимальным, обеспечивал воспроизводство крестьянского хозяйства и ренту монастырю.

В первой половине XVII века барщинные повинности монастырских крестьян превышали барщину. В середине XVIII века производство зерновых резко снизилось из-за неэффективности барщинного труда и усиления протестных настроений монастырских крестьян (выражались в отказе от несения барщинных и других повинностей, массовых волнениях). Сокращение денежных доходов монастырей и поступлений в их казну денежной ренты способствовало росту задолженности монастырей перед государством (недоимки подушных сборов). Таким образом, монастырское хозяйство было отжившим экономическим укладом, и царь-реформатор лишь отсек ту ветвь, которая и без него увядала и была обречена на исчезновение [11].

Актуальность петровских преобразований обусловлена тем, что сегодня Российское государство не отнимает у церкви собственность, а, наоборот, дарует ей бывшее ранее общенародными имущество и другие активы. В 1990-е годы государство вернуло Церкви множество храмов, монастырей. По законодательству государственные и муниципальные органы власти должны передавать в собственность и безвозмездное пользование имущество религиозного назначения. В собственность религиозных организаций из безвозмездного пользования переходят здания, внутреннее убранство храмов, церковная утварь. Русская православная церковь получает средства из бюджета, государственных и коммерческих организаций, от инвестиционной деятельности высокие доходы [12].

Это вновь, в условиях дефицита бюджета и серьезной общей налоговой нагрузке на население возвращает нас к реформам Петра I. Для выделения значимости и авторитета Русской православной церкви вовсе не требуется большое количество земель, имущества и богатейшее убранство храмов (иосифляне), а главным является отказ от земных благ, прощение, чистота помыслов (нестяжатели).

По мнению преподобного Нила Сорского (нестяжателя, основателя скитского жительства на Руси), нельзя было одновременно служить и Богу и мамоне. Петр I был ближе к нестяжателям, считая, что монастырь должен быть не вотчиной или фабрикой, а пристанищем духа, для людей смиренных и созерцательных. В конце царствования он высказал свой взгляд на общественное значение монастырей в «Объявлении о монашестве» (1724). По этому взгляду, монастыри должны иметь назначение благотворительное (в

монастыри помещались на призрение нищие, больные, инвалиды и раненые), а кроме того, монастыри должны были служить к приготовлению людей к высшим духовным должностям и для приюта людям, которые склонны к благочестивой созерцательной жизни. И в целом богатства Церкви не нужны [13].

Во-вторых, в настоящее время часто поднимается вопрос о том, как соотносятся православие и протестантизм с экономической и политической системой. Петр I организовал в России церковное управление так, как это было в протестантских странах. Его реформа, – отмечают исследователи, – завершилась протестантской псевдоморфозной церковностью. Петр, создавший Священный Синод по немецкому лютеранскому образцу, жестоко подчинил и ослабил Церковь.

По мнению некоторых исследователей, православие и сегодня не позволяет России построить капитализм западного образца. Ценностные ориентиры западной культуры и рыночной экономики, тесно связаны между собой. В соответствии с этими взглядами ценности православной культуры не способствуют могущественному подъему эффективного предпринимательства. Следовательно, так тщательно лоббируемая в 90-е годы XX века западная модель модернизации экономики не может быть применима в России.

Это вполне объяснимо. В начале XX века немецкий социолог и экономист Макс Вебер, в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» сравнил экономическую отсталость и процветание стран на основе исповедуемых в них религий [14].

В сжатом виде концепцию влияния религии на экономическое развитие можно представить как последовательное превращение «духовного (религиозного) капитала» в особые качества «социального», «этического» и, в конечном счёте, «человеческого капиталов». Действительно, часто используемые в категориях социального, этического и человеческого капитала такие понятия, как добросовестность, доверие, добровольное служение, целеустремленность, готовность к сотрудничеству и другие моральные качества не могут долго сохраняться при отсутствии благочестия, солидарности и надежды, которые проистекают из религиозных убеждений людей [14].

Согласно работам известного американского учёного Роберта Патмэна в современных условиях именно протестантская культура является лучшей «иллюстрацией того, как духовный капитал формирует социальный. Она остаётся важным фактором социального и экономического развития стран Северной Америки и Европы. В частности, Р. Патмэн доказал, что протестантизм сегодня – это, безусловно, самый мощный генератор социального капитала в Соединённых Штатах, где он составляет более половины всех активов в совокупном социальном капитале страны. Из ранней, религиозной формы посвящения человека только труду как способу получения свидетельства своего «избрания перед Богом» он трансформировался в набор таких современных качеств, как готовность к сотрудничеству, готовность принять культурные различия в общей корпоративной культуре, открытость и т.п. [15].

Превосходство США и стран Западной Европы в уровне экономической свободы, стремление к внедрению инноваций с целью повышения эффективности бизнеса, основаны на «духе предпринимательства», порожденном протестантской культурой. Исследованием критерия приспособленности стран к той или иной политической и экономической системам (капитализму или социализму, рыночной или плановой экономкам) в зависимости от исповедуемых религий занимался профессор Тафтского университета Лоуренс Харрисон [16]. Проанализировав более ста государств, в которых более миллиона человек являются приверженцами одной религии, он пришел к выводу, что при капитализме самый высокий уровень валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения, наименьший уровень коррупции наблюдался в странах с преобладанием протестантской религии, иудаизма и католицизма.

Православие, как оказалось, не располагает к развитию капитализма, т.к. основными постулатами религии выступают подчинение и смирение. А это способствует развитию авторитаризма, т.к. реже оспаривают мнение властей.

Таким образом, вопрос о том, способствует ли православие экономическому развитию сегодняшней России остается открытым.

В-третьих, возникает более широкая проблема, нужен ли сегодняшней России для экономического рывка рационалистический взгляд на мир или в идеологии надо вернуться к «Святой Руси» времен царя Алексея Михайловича.

Гигантский прорыв во всех сферах жизни Северо-Западной Европы в эпохи Возрождения, Реформации, Просвещения, связан с отказом от католицизма и догматизма. Подтверждение этому научно-атеистические взгляды Вольтера, Дидро и др.

Когда русский царь Петр I принял атеистические идеи Просвещения и плавил церковные колокола на пушки, назвал монахов тунеядцами и запретил монашество и подчинил церковь, тогда он создал огромную Российскую империю с великой культурой и наукой и построил прекрасный Санкт-Петербург, Академию Наук и Балтийский флот.

Период правления Николая II связан с восстановлением храмов, снесенных Екатериной II, и заменой идеологии «просвещенного абсолютизма» (атеизма) на «православие, самодержавие и народность». По мнению некоторых ученых это привело нашу страну к экономической отсталости.

Следующий этап, конец эры самодержавия, знамя научного атеизма было вновь поднято В.И. Лениным. Он смог объединить разрозненные русские земли в новое государство – СССР – и победил 14 армий стран-интервентов и православных белогвардейцев в Гражданской войне. Поэтому его считают «собирателем русских земель», как и Ивана III [17].

Уничтожение храмов в период нахождения у власти И.В. Сталина, связывают с тем, что он превратил разрушенную войнами страну в индустриальную, ядерную и космическую сверхдержаву и победил фашистскую Германию [17].

Когда М.С. Горбачев в период перехода к рыночной экономике легализовал религию в 1990 году, то в следующем 1991 году СССР развалился, причем именно по религиозному признаку – католиков в Прибалтике и на Западной Украине потянуло на Запад, в НАТО, а мусульман Кавказа и Средней Азии – на юг. Начались сепаратизм, межрелигиозные войны, экономический кризис и демографическая катастрофа. Была разрушена единая экономика Советского Союза.

В соответствии с закономерностями циклического развития рыночной экономики наша страна, принимая религиозные догмы, как показывает история, оказывалась в кризисе, то приветствуя атеистические взгляды, переходила в фазу подъема. У нас достаточно богатый исторический опыт проб и ошибок. Уроки истории показывают, что злоупотребление религией, подобное тому, что имело место в России в период религиозных реформ Петра I, и в наши дни получает опасное выражение в некоторых странах, где разные религии являются инструментом, тормозящим социальное, экономическое и политическое прогрессивное развитие общества. Борьба с подобными явлениями составляет неотложную и важную задачу верующих людей. Целью проводимой реформы не было вмешательство в вероучительную, пастырско-попечительную и богослужebную жизнь Церкви [18]. Применяемые меры должны были создать препятствия для деятельности оппозиции (церковных руководителей, приходского духовенства, монашествующих) и уменьшить ее влияние, и поддержать проводимую в государстве внутреннюю и внешнюю политику. Он хотел добиться такого положения, при котором государство могло бы беспрепятственно использовать в своих интересах большие финансовые, имущественные и человеческие ресурсы Церкви. Подводя итог исследованию, можно сказать, что реализация церковной реформы привела к пополнению экономических сфер финансовыми, трудовыми и земельными ресурсами, что способствовало экономическому прогрессу России, становлению и стабильному развитию военной сферы, и превратило нашу страну в мощную державу.

Каким будет дальнейшее развитие и можно ли будет его сопоставить с религиозностью общества, покажет время. Сегодня в России снова сильнейшая

клерикализация. К чему это может привести? Будет ли это развал или процветание России? Сегодня перед нами выбор – существовать в привычных шаблонах и православии или выбрать путь Петра I преобразовав и модернизировав свою страну. Таковы уроки истории.

Библиографический список

1. **Сахаров А.Н.** История России. В 2 т. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. / А.Н. Сахаров. – М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006. – 943 с.
2. **Матвеев А.А.** Записки / А.А. Матвеев // Рождение империи. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. – С. 359-414.
3. **Юдина Т.Н., Чекмарёв В.В.** Экономическая политика царя Петра I Алексеевича / Т.Н.Юдина, В.В.Чекмарёв // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2009. – № 4. – С. 17-21.
4. **Костомаров Н.И.** Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. / Н.И. Костомаров. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 640 с.
5. **Мишанов С.А.** От патриаршества – к синоду: церковный переворот Петра I / С.А. Мишанов // Право и образование. – 2013. – № 12. – С. 117–131.
6. **Киреевский И.В.** Полное собрание сочинений. Т. II. / И.В Киреевский. – М.: Путь, 1911. – 300 с.
7. **Яшина М.А.** Церковная реформа Петра I как попытка «вестернизации» православия / М.А. Яшина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2018, – Т. 18. – № 2. – С. 55-59.
8. **Цыпин В.** История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / Цыпин В. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 816 с.
9. **Соловьев В.С.** Россия и Вселенская Церковь / В.С. Соловьев. – М.: «Путь» тип. А.И. Мамонтова, 1911. – 455 с.
10. **Гибадуллина Р.Н., Марданов Н.И.** Реформы Петра I / Р.Н. Гибадуллина, Н.И. Марданов // Вестник науки. – 2021. – Т. 3. – № 9 (42). – С. 25–29.
11. **Крашенинникова О.А.** Синодальные реформы петровского времени и кризис традиционных представлений о святости (Часть I) / О.А.Крашенинникова // Культурное наследие России. – 2015. – № 4. – С. 49–55.
12. **Кротов П.А.** Опыт государственной реформы Петра Великого и современная Россия / П.А. Кротов // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – СПб. 2013. – № 13. – С.58–71.
13. **Костомаров Н.И.** Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. / Н.И.Костомаров. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 640 с.
14. **Вебер М.** Протестантская этика и дух капитализма / М.Вебер (пер. М. Левина). – М.: АСТ, 2020. – 320 с.
15. **Putnam R.D.** Soziales Kapital in der Bundesrepublik Deutschland und in den USA / R.D. Putnam // Bürgerlichen Engagement und Zivilgesellschaft. Opladen: Leske + Budrich, 2002. – S. 257–272.
16. **Харрисон Л.** Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. Серия: Библиотека Фонда «Либеральная миссия» / Л. Харрисон. – М.: Мысль, 2014. – 832 с.
17. **Белкин А.И., Грыжанкова М.Ю.** К вопросу о причинах гонений на русскую православную церковь в Советской России / А.И. Белкин, М.Ю. Грыжанкова // Гуманитарные науки и образование. – 2018. – Т. 9. – № 1 (33). – С. 136–142.
18. **Томсинов В.А.** Законодательство Петра I. 1696–1725 годы / В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2014. – С. 18-47.

УДК 902

Воронежский государственный педагогический
университет

Кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России

Ю. Д. Разуваев

Россия, г. Воронеж,

тел. (473) 255-06-67;

e-mail: razuvaevyd@mail.ru

Voronezh State Pedagogical
University

PhD in History, Associate Professor of History of Russia
Chair

Yu.D. Razuvaev

Russia, Voronezh,

tel. (473) 255-06-67;

e-mail: razuvaevyd@mail.ru

Ю.Д. Разуваев

ОБЗОР ПАЛЕОПОЧВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ¹

В статье систематизирована информация о палеопочвенных и палинологических исследованиях, которые были проведены в последние четыре десятилетия на 34 археологических памятниках (20 городищах, 4 неукрепленных поселениях, 10 курганах), относящихся к VI в. до н.э. – V в. н.э. Приведены сведения о типе изученных погребенных почв, палеоландшафтных и палеоклиматических реконструкциях.

Ключевые слова: лесостепное Подонье, ранний железный век, археологические памятники, палеопочвенные исследования

Y.D. Razuvaev

REVIEW OF PALEOSOIL RESEARCHES ON ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF THE EARLY IRON AGE IN DON FOREST STEPPE

The article systematizes information on paleosoil and palynological studies that have been carried out in the last four decades at 34 archaeological monuments (20 hillforts, 4 unfortified settlements, 10 mounds) dating back to the 6th century BC - V century AD. Data on the type of the studied buried soils, paleolandshatic and paleoclimatic reconstructions are presented.

Key words: forest-steppe Don region, Early Iron Age, archaeological monuments, paleosoil studies

На протяжении полуторатысячелетней эпохи раннего железа северная половина бассейна Дона служила ареной разноплановых этнокультурных взаимодействий народов, генетически связанных с лесостепной, лесной и степной географическими зонами. Природно-климатические условия были подосновой и существовавших тогда хозяйственно-культурных типов, и проистекавших здесь исторических процессов. Охарактеризовать их для определенного времени и проследить динамику изменения в более широком хронологическом диапазоне дает возможность изучение почв, физико-химические свойства которых формировались под воздействием природных и антропогенных факторов [1–3].

Общую информацию о древних ландшафтах и климате палеогеографы получали путем анализа споро-пыльцевых спектров в почвенных разрезах и торфяниках, датированных радиоуглеродным методом [4; 5 и др.]. Но более информативным источником данных для реконструкции палеосреды являются почвы, погребенные под валами укрепленных поселений (городищ) и надмогильными насыпями (курганами).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19–29–05012.

В донском регионе потенциальные возможности комплексного исследования археологических памятников, предполагающего тесное сотрудничество археологов и специалистов-естественников, продемонстрировали работы в округе Куликова Поля, организованные ГИМом в связи с 600-летним юбилеем знаменитой битвы [6]. Коллективом палеопочвоведов, палеоботаников, палеогеографов, в который входили А. Л. Александровский, М. П. Гласко, А. А. Гольева, Н. А. Хотинский и другие сотрудники Института географии РАН, были прослежены изменения климата и развитие ландшафта в этой части Верхнего Подонья на протяжении нескольких последних тысячелетий.

Логика научного поиска побуждала ученых расширять ареал своих изысканий в донской лесостепи, включая в него новые территории сначала вблизи, а затем и на удалении от Поля. Благодаря тому, что крепло содружество представителей наук, добывающих знания о прошлом из почвенных напластований, комплексными исследованиями с течением времени было охвачено значительное число городищ, неукрепленных поселений и курганов скифского (VI–III вв. до н.э.), сарматского (I–III вв. н.э.) и гуннского (IV–V вв. н.э.) периодов раннего железного века. Преимущественно эти памятники находятся в тех районах Подонья, которые можно считать лучше всего изученными в археологическом отношении (рис.). Первопроходцем на этом пути стал А. Л. Александровский, в начале 1980-х приступивший к изучению погребенных в эпоху раннего железа почв на р. Красивой Мече – правом притоке Дона.

На городище у д. Дубики исследования оказались не очень результативными [7, с. 197–198]. Дело в том, что почва под внутренним валом, появившимся в VI–V вв. до н.э. и достраивавшимся в сарматское и славянское время [8], была сильно разрушена антропогенной эрозией. Впрочем, впоследствии ее образец, наряду с почвой ряда других городищ, был подвергнут Т. Ф. Трегуб (Воронежский госуниверситет) палинологическому анализу. В нем преобладала пыльца древесной растительности [9, с. 50].

На другом городище, расположенном у д. Ишутино и по результатам раскопок датирующемся второй половиной II – первой половиной III вв. н.э. [10], под валом была выявлена темно-серая лесная почва [7, с. 197].

В бассейне Красивой Мечи исследовались фоновые почвы в окрестностях поселения II–III вв. н.э. Каширка-2, археологически изучавшегося под руководством А. Н. Бессуднова и А. М. Обломского [11]. Исследование показало, что в древности ландшафт местности представлял собой лесостепь [12, с. 180].

Наряду с названными объектами палеочвенные и палеоботанические исследования были проведены на двух городищах, расположенных на Дону около с. Перехваль [12, с. 177–179]. По результатам раскопок, производившихся И. Е. Бирюковым, было установлено, что первое из них относится к III в. н.э., второе – к рубежу V–IV вв. до н.э. [13; 14]. До и после их существования на окружающей местности доминировала лесная растительность. Когда же городища были обитаемы, лес замещался довольно обширным антропогенным лугом, который мог использоваться как пастбище или сенокосное угодье.

Несколько памятников было исследовано почвоведом в округе г. Ельца в левобережье другого донского притока – р. Быстрой Сосны. Среди них Воргольское и Александровское городища. Благодаря раскопкам, проводившимся под руководством А. Д. Пряхина, первое более известно как славянское, однако ранние его укрепления соотносятся с поселением городецкой культуры, датирующемся в рамках V–III вв. до н.э. [15, с. 76]. На втором городище имеются материалы как скифского, так и сарматского времени [16]. В свое время воронежские почвоведы Б. А. и А. Б. Ахтырцевы на обоих поселениях выяснили, что укрытые валами палеопочвы относятся к типу серых лесных почв, сформировавшихся под дубравами [17]. Позднее палинологический анализ погребенной почвы на Александровском городище, выполненный Т. Ф. Трегуб, показал, что в этих дубравах преобладали лиственные и мелколиственные породы, также присутствовала сосна обыкновенная [9, с. 49].

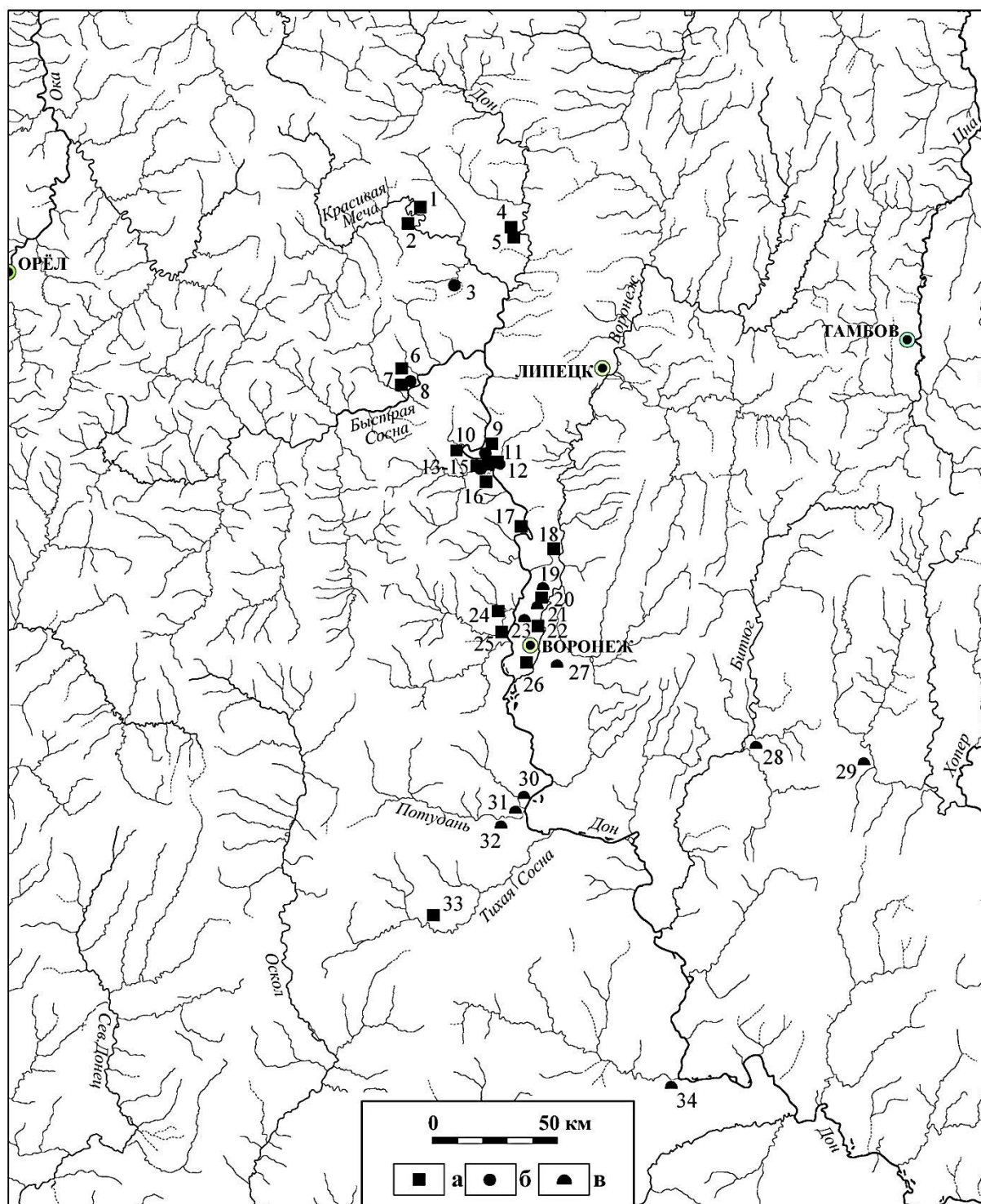


Рис. 1. Археологические памятники в лесостепном Подонье, на которых проводились палеопочвенные и палинологические исследования

а – городище, б – неукрепленное поселение, в - курган

1 – Дубики, 2 – Иштутино, 3 – Каширка-2, 4 – Перехваль-1, 5 – Перехваль-2, 6 – Александровка, 7 – Нижний Воргол, 8 – Лавы-3, 9 – Верхнее Казачье, 10 – Каменка, 11 – Замятино-7, 12 – Ксизово, 13 – Мухино, 14 – Мухино-2, 15 – Ксизово-2, 16 – Дегтевое, 17 – Отскочное, 18 – Пекшево, 19 – Староживотинное, 20 – Чертовицы-3, 21 – Чертовицы-1, 22 – Егеревский кордон, 23 – Частые курганы, 24 – Губарево, 25 – Семилуки, 26 – Сады, 27 – Новая Усмань, 28 – Новая Чигла, 29 – Абрамовка, 30 – Дубовой, 31 – Девица-5, 32 – Терновое-Колбино, 33 – Ильинка-1, 34 – Голубая Криница.

Почвенные исследования проводились на комплексе археологических памятников, расположенном у пригородного елецкого с. Лавы и включающем городище и ряд селищ, в течение многих лет изучавшихся Н. А. Тропиным [18]. Преимущественно здесь представлены древнерусские материалы, но встречается и керамика городецкой культуры [19]. Учитывая эти находки, а также опираясь на результаты палеопочвенных анализов, выполненных А. А. Гольевой и Э. П. Зазовской (Институт географии РАН), автор раскопок утверждает, что укрепления Лавского городища появились еще в скифское время [20, с. 155]. Основанием для такого вывода стала почвенная проба из нижней части рва, по радиоуглероду датированная началом раннежелезного века [21, табл. 1]. Однако анализ стратиграфии раскопок на укреплениях заставил исключить городище из числа памятников данной эпохи, точнее говоря, объединить его с обширным поселением городецкой культуры [19, с. 28–29]. Склоновый участок занимаемый данным поселением береговой террасы был изучен Э. П. Зазовской. Полученные данные позволили проследить процесс развития микрорельефа местности и сделать предположение о довольно интенсивном характере хозяйственной деятельности обитателей поселка скифского времени [22].

Высокой степенью исследованности выделяется округа г. Задонска на Острой Луке Дона, насыщенная памятниками разных периодов раннего железного века.

На поселении 7, находящемся у с. Замятино и давшем преимущественно материалы IV–V вв. н.э. [23], С. А. Сычевой и О. А. Герасимовой (Институт географии РАН) был исследован физико-химический состав антропогенно измененных почв [24].

На расположенном около с. Верхнее Казачье городище, фортификации которого возникли в начале скифской эпохи и несколько раз перестраивались [25; 26], палеопочвенные исследования впервые провел Ю. Г. Чендев (Белгородский госуниверситет). Он отнес почву из-под вала к типу серых лесных, сформировавшихся под широколиственным лесом [2, с. 130–133]. Позднее в процессе раскопок культурные напластования памятника были обследованы А. А. Гольевой, сделавшей интересные наблюдения относительно строительных материалов, применявшихся при сооружении укреплений [26, с. 210]. На городище работала и группа специалистов под руководством Т. А. Пузановой (Московский госуниверситет). К сожалению, полученные ею результаты пока не опубликованы.

Одновременно в Задонском районе Т. А. Пузанова с коллегами исследовала палеопочвы еще на трех городищах, расположенных на р. Снове (правый донской приток) около сс. Дегтевое, Ксизово, Мухино [27; 28]. Первые два городища относятся исключительно к скифской эпохе [29; 30]. Судя по палеопочвам, сформировавшимся под лугово-лесной растительностью, они существовали в ландшафтной обстановке, схожей с современной.

На раскапывавшемся Г. Л. Земцовым и С. В. Уваркиным городище у с. Мухино имеются валы и скифской, и гуннской эпохи [31]. Палеопочву под древнейшим валом изучал Ю. Г. Чендев, который идентифицировал ее как темно-серую лесную, перед возникновением городища проградировавшую в чернозем под травянистой растительностью [32, с. 10–12]. В свою очередь Т. А. Пузанова определила, что погребенная под валом IV–V вв. н.э. почва формировалась под степной растительностью с участием лиственных пород деревьев [27, с. 183].

Также в долине р. Сновы Ю. Г. Чендев изучал культурный слой и фоновые почвы поселения-2 у с. Мухино, на котором Г. Л. Земцовым были найдены материалы скифо-сарматского и раннеславянского времени [33]. Им установлено, что на протяжении раннего железного века в пойме шел процесс лесного почвообразования, неоднократно прерываемый обитателями разновременных поселков [34, с. 285–286].

На городищах скифской эпохи, расположенных у сс. Каменка [35] и Ксизово [36] на Острой Луке, а также у с. Отскочное ниже по течению Дона, были отобраны почвенные образцы для палинологического анализа, проведенного Т. Ф. Трегуб. Спорово-пыльцевой спектр на этих памятниках характеризуется преобладанием пыльцы лиственных и

мелколиственных пород древесной растительности. Кроме того, в нем присутствовала пыльца сосны обыкновенной, а на Ксизовском городище наличествовали единичные зерна ели [9, с. 49].

Еще одним районом концентрации исследованных почвоведомы объектов являются окрестности г. Воронежа. Благодаря близости к областному центру, расположенные здесь памятники оказались более доступны как для археологического, так и для палеопочвенного исследования.

На Дону таких пока сравнительно немного. Это два городища с оборонительными сооружениями скифского времени, расположенные у с. Губарево [37] и в черте г. Семилуки [38]. Образцы погребенной под валами почвы были подвергнуты палинологическому анализу [9, с. 49]. В обоих случаях спорово-пыльцевые спектры характеризовались преобладанием пыльцы лиственных и мелколиственных пород, присутствовала пыльца сосны обыкновенной, а на Семилукомском городище – единичные зерна ели.

Специализированные исследования проводились и на знаменитом еще с дореволюционных времен могильнике скифского времени Частые курганы, исследованном Ю. П. Матвеевым. Под насыпями Б. П. и А. Б. Ахтырцевыми были выявлены лугово-черноземные суглинистые палеопочвы, по мощности близкие к современным почвам [39, с. 40].

В низовьях р. Воронеж почвоведомы изучено три городища и два курганных могильника скифского и сарматского времени. К сожалению, выше по течению этого одного из крупнейших донских притоков палеопочвенные исследования проводились фактически лишь на городище у с. Пекшево, раскопки которого производились А. П. Медведевым [40, с. 31–39, 67–89]. К сожалению, почва под валами скифского времени там оказалась в значительной мере смытой вследствие активной хозяйственной деятельности в древности [7, с. 197].

На городищах Егоровский кордон и Сады, относящихся к V–III вв. до н.э. [41, с. 37–39; 42], Ю. Г. Чендев погребенную под валом почву идентифицировал как чернозем выщелоченный маломощный, отметив признаки начавшегося лесного почвообразования [43, с. 345].

Особенность III городища у с. Чертовицы, изучавшегося А. П. Медведевым, состоит в том, что его оборонительная система включает земляные укрепления как V–IV вв. до н.э., так и первых веков н.э. [44]. Палеопочва под разновременными валами была исследована А. Л. Александровским. Под внутренней насыпью он выявил чернозем, деградированный под лесом, под внешним же – более молодую темно-серую лесную почву [7, с. 195–196].

Еще одним объектом пристального внимания почвоведов стал курганный могильник у с. Староживотинное, по итогам раскопок А. П. Медведева датирующийся V–IV вв. до н.э. [45]. Здесь сначала А. Л. Александровский, а затем и Ю. Г. Чендев исследовали палеопочвы под двумя курганами. Ю. Г. Чендевым было определено, что под курганной насыпью залегал чернозем выщелоченный, сформировавшийся в степных условиях задолго до возникновения могильника [46, с. 171–173; 47, с. 394]. Более того, на поверхности насыпей длительное время сначала формировалась почва степного генезиса, а затем уже в первых веках н.э. начался этап лесного почвообразования.

Под одним из курганов I Чертовичского могильника, как показали раскопки А. П. Медведева [48, с. 29–63], функционировавшего в I – начале II вв. н.э., Ю. Г. Чендев проследил черноземную почву, сформировавшуюся в условиях открытой поляны, существование которой отчасти объяснялось воздействием антропогенного фактора [46, с. 168–171; 49, с. 88–92].

Палеопочвенные исследования южнее и западнее г. Воронежа, к сожалению, пока имели, по существу, эпизодический характер. В правобережье Среднего Дона имеются многочисленные городища, однако их валы уже давно не подвергались раскопкам. Исключение можно назвать одно – городище у с. Ильинка на р. Тихая Сосна.

На этом городище белгородскими археологами была траншеей разрезана окруженная рвом и валом площадка, сооруженная в начале н.э. и имевшая, видимо, культовое назначение [50]. Почвенные напластования в раскопе и на прилегающей территории были исследованы Ю. Г. Чендевым, сделавшим ряд наблюдений относительно применявшихся строительных приемов [51].

В отличие от поселенческих памятников, довольно масштабные исследования в последние два-три десятилетия велись на курганных могильниках V–IV вв. до н.э.

Так, несколько лет В. И. Гуляевым изучался могильник «Терновое I – Колбино I» на р. Потудань [52]. Под одним из курганов В. В. Добровольский (Московский педагогический госуниверситет) выявил чернозем переходного варианта между типичным и обыкновенным, наличие которого свидетельствует о существовании в скифское время степного ландшафта несколько более аридного, чем современный [53, с. 168].

К сходным выводам пришел и Ю. Г. Чендев при анализе почв на могильнике Девица-V, расположенном в междуречье рр. Потудань и Девица и также исследуемом В. И. Гуляевым [54]. Под курганом он выявил по основным характеристикам близкий к современному чернозем типичный карбонатный маломощный, близкий к среднемощному, характеристики которого свидетельствуют о более аридном климате времени сооружения кургана [43, с. 346–348].

Аналогичная картина Ю. Г. Чендевым прослежена и в кургане могильника у хут. Дубовой на р. Девица, раскопки которого велись В. Д. Березуцким [55]. Погребенный там чернозем типичный карбонатный среднемощный, по основным характеристикам близкий к современному чернозему, также позволил предположить более высокую степень аридизации климата [43, с. 345–346].

Малоизученными остаются палеопочвы раннежелезного века в обширной левобережной части бассейна Дона. Правда, из-за природно-географических особенностей этой более остепненной местности памятников оседлости там немного. В основном древности эпохи представлены курганами.

Одним из наиболее крупных являлся Усманский курган. Он располагался на водоразделе рр. Воронеж и Усмань и содержал остатки большого культового сооружения, возведенного в III в. до н.э. над погребальной насыпью бронзового века [56]. Обследовавший курган Б. П. Ахтырцев установил, что мощная досыпка состояла из чернозема и находилась под покровом разнотравно-типчаковой растительности [57, с. 13–14].

Курган V в. до н.э. был исследован К. Ю. Ефимовым у с. Абрамовка в бассейне р. Елани [58]. Под его насыпью Ю. Г. Чендев обнаружил чернозем обыкновенный маломощный, свойства которого указывали на аридные условия, предшествовавшие сооружению кургана [59, с. 215–218].

В курганном могильнике у с. Новая Чигла в бассейне р. Битюг, раскопанном В. Д. Березуцким и содержащим захоронения разных эпох [60], Ю. Г. Чендев исследовал насыпь I в. н.э. Под курганом находился чернозем обыкновенный маломощный, сформировавшийся в условиях степного ландшафта и отразивший стадию аридизации климата, пришедшуюся на рубеж старой и новой эр [61].

Еще один курган сарматского времени, входивший в состав могильника у хут. Голубая Криница на р. Черная Калитва, был исследован И. В. Ивановым (Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН). По результатам радиоуглеродного датирования гумуса была уточнена датировка погребального комплекса [62].

Вышеназванными объектами не исчерпывается список памятников раннежелезного века, в исследовании которых приняли участие почвоведы. Так, А. В. Борисов работал на Сырском городище в окрестностях г. Липецка, Э. П. Зазовская – на упоминавшемся выше городище у с. Ксизово, И. В. Иванов – на городище у с. Устье близ г. Воронежа. К сожалению, полученные ими результаты пока не опубликованы. Тем не менее, в научный оборот уже введены данные палеопочвенных и палинологических исследований,

проведенных на 34 памятниках: 20 городищах, 4 неукрепленных поселениях и 10 курганных могильниках. Их, конечно, еще маловато для такой обширной территории, каковой является лесостепная часть бассейна Дона. Тем не менее, даже исходя из имеющихся материалов, появляется возможность лучше понимать историко-культурные процессы, протекавшие в регионе 1,5–2,5 тысячи лет назад. Теперь уже нет сомнений, что городища были приурочены к лесистой местности, а курганы тяготеют к остепненным участкам [43]. Становится понятным, пусть пока и в общих чертах, как природно-климатические условия влияли на структуру расселения, особенности хозяйствования древних обитателей донской лесостепи. Безусловно, от содружества археологов и почвоведов стоит ожидать новой ценной информации, проливающей свет на многие исторические проблемы прошлого.

Библиографический список

1. **Александровский А. Л.** Эволюция почв и географическая среда / А. Л. Александровский, Е. И. Александровская. – М.: Наука, 2005. – 223 с.
2. **Чендев Ю. Г.** Естественная эволюция почв Центральной лесостепи в голоцене / Ю. Г. Чендев. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – 199 с.
3. **Чендев Ю. Г.** Почвы как отражение эволюции и динамики климата / Ю. Г. Чендев, А. Н. Петин, Э. Р. Лупо // Эволюция и динамика геосистем. – 2012. – №. 1. – С. 7–16.
4. **Спиридонова Е. А.** Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене / Е. А. Спиридонова. – М.: Наука, 1991. – 221 с.
5. **Хотинский Н. А.** Голоцен Северной Евразии / Н. А. Хотинский. – М.: Наука, 1977. – 200 с.
6. Куликово поле. Материалы и исследования // Труды Гос. Исторического музея. – 1990. – Вып. 73. – 160 с.
7. **Александровский А. Л.** Природная среда Верхнего Подонья во второй половине голоцена (по данным изучения палеопочв городищ раннего железного века) / А. Л. Александровский // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. А. П. Медведев. – Воронеж: Ворон. гос. ун-т, 1998. – С. 194–199. (Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 12).
8. **Разуваев Ю. Д.** Фортификационно-жилой комплекс скифского времени на городище у деревни Дубики / Ю. Д. Разуваев // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2015. – № 1 (266). – С. 148–151.
9. **Трегуб Т. Ф.** Новые данные об экологической ситуации в правобережье Верхнего Дона в начальные этапы субатлантического периода голоцена / Т. Ф. Трегуб, Ю. Д. Разуваев // Экологическая геология: научно-практические, медицинские и экономико-правовые аспекты. Материалы международной научно-практической конференции. 6–10 октября 2009 г. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2009. – С. 48–51.
10. **Разуваев Ю. Д.** Ишутинское городище на Красивой Мече / Ю. Д. Разуваев // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. А. П. Медведев. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1998. – С. 85–96. (Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 12)
11. **Бессуднов А. Н.** Изучение археологических памятников на реке Семенек / А. Н. Бессуднов, А. М. Обломский // Археологические исследования высшей педагогической школы / Отв. ред. А. Т. Синюк. – Воронеж: Изд-во Ворон. гос. пед. ун-та, 1996. – С. 21–48.
12. **Александровский А. Л.** Палеоэкология древнего человека по данным междисциплинарных исследований почв археологических памятников Верхнего Дона / А. Л. Александровский, А. А. Гольева // Археологические памятники лесостепного Придонья / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. – Липецк: Липецк. гос. пед. ин-т, 1996. – Вып. 1. – С. 176–183.

13. **Бирюков И. Е.** I Перехвальское городище на Верхнем Дону / И. Е. Бирюков // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. А. П. Медведев. – Воронеж: Ворон. гос. ун-т, 1998. – С. 97–109. (Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 12)
14. **Бирюков И. Е.** Городище Перехвальское II / И. Е. Бирюков // Археологические памятники Среднего Поочья / Отв. ред. В. П. Челяпов. – Рязань, 1993. – Вып.3. – С. 51–60.
15. **Разуваев Ю. Д.** Фортификационные сооружения городецких поселений лесостепного Подонья / Ю. Д. Разуваев // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. В. В. Ставицкий. – Пенза, 2008. – Вып. 2. – Т.2. – С. 71–79.
16. **Разуваев Ю. Д.** Укрепления Александровского городища скифо-сарматского времени на северной окраине г. Ельца / Ю. Д. Разуваев // Археология восточноевропейской лесостепи: сборник научных статей международной науч.-практ. конференции, посв. 80-летию со дня рождения А. Г. Николаенко (г. Белгород, 14–16 декабря 2017 года) / отв. ред. В. А. Сарапулкин. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – С. 81–87.
17. **Ахтырцев А. Б.** Палеопочвы широколиственных лесов Верхнего Подонья в эпоху железа / А. Б. Ахтырцев, Б. П. Ахтырцев, А. Д. Пряхин // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон восточноевропейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тез. докл. науч. конф. – Тула: [б.и.], 1993. – С. 11–13.
18. **Тропин Н. А.** Лавский археологический комплекс XI–XIV вв.: историческая оценка и этапы развития памятника / Н. А. Тропин // Краткие сообщения Института археологии. – 2007. – Вып. 221. – С.154–166.
19. **Разуваев Ю. Д.** Лавское поселение городецкой культуры в округе г. Ельца / Ю. Д. Разуваев // Вестник Елецкого госуниверситета. – 2009. – Вып. – 23. С. 27–32.
20. **Тропин Н. А.** Исследования Лавского городища древнерусского времени на Быстрой Сосне / Н. А. Тропин // Российская археология. – 2005. – № 4. – С. 189–197.
21. **Гольева А. А.** Почвенные исследования на Лавском городище / А. А. Гольева, Э. П. Зазовская, Н. А. Тропин // Археологическое изучение Центральной России. Тез. межд. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В. П. Левенка / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. – Липецк: Липец.гос.пед.ун-т, 2006. – С.383–387.
22. **Тропин Н. А.** Палеопочвенные исследования на микроландшафте селища 3 Лавского археологического комплекса / Н. А. Тропин, Э. П. Зазовская // Вестник Елецкого государственного университета. Серия «Археология». – 2009. – Вып. 23. – С. 43–48.
23. Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Сост. А. М. Обломский. – М.: Ин-т археологии РАН, 2004. – 330 с. (Раннеславянский мир. – Вып. 6).
24. **Сычева С. А.** Глава 13. Почвы и ландшафты поселения Замятино-7 и его окрестностей / С. А. Сычева, О. А. Герасимова // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Сост. А. М. Обломский. – М.: Ин-т археологии РАН, 2004. – С. 129–136 (Раннеславянский мир. – Вып. 6).
25. **Разуваев Ю. Д.** Новые поселенческие материалы начала раннего железного века на Верхнем Дону / Ю. Д. Разуваев // Российская археология. – 2018. – № 1. – С. 93–104.
26. **Разуваев Ю. Д.** Городище у с. Верхнее Казачье: три среза скифской эпохи на Верхнем Дону / Ю. Д. Разуваев // Археологическое наследие. – 2020. – № 1 (3). – С. 209–223.
27. **Курбанова Ф. Г.** Динамика ландшафтов центра восточно-европейской равнины в голоцене на основе изучения палеопочв / Ф. Г. Курбанова, А. О. Макеев, Т. А. Пузанова, Е. Н. Асеева, П. Г. Куст, О. С. Хохлова // Материалы V Всероссийской научной конференции с международным участием «Динамика экосистем в голоцене» (к 100-летию Л. Г. Динесмана) / Отв. ред. А. Б. Савинецкий. – М.: Медиа-ПРЕСС, 2019. – С. 182–186.
28. **Puzanova T., Makeev A., Khokhlova O., Aseeva E., Kurbanova F.** Holocene signals of climate dynamics in the profiles of soils buried under archaeological objects in the central part of the East European Plain / T. Puzanova, A. Makeev, O. Khokhlova, E. Aseeva, F. Kurbanova // 17th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM. – 2017. – Vol. 17. – Pp. 273–282.

29. **Разуваев Ю. Д.** Второе городище скифской эпохи у с. Ксизово в правобережье Верхнего Дона / Ю. Д. Разуваев // Археология восточноевропейской лесостепи: сборник материалов международной науч.-практ. конференции, посв. 80-летию со дня рождения А. Г. Николаенко (г. Белгород, 14–16 декабря 2017 года) / Отв. ред. В. А. Сарапулкин. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – С. 219–223.
30. **Разуваев Ю. Д.** Городище скифского времени у с. Дегтевое на р. Снове / Ю. Д. Разуваев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2019. – № 1. С. 84–90.
31. **Земцов Г. Л.** Городище скифского и гуннского времени у с. Мухино в правобережье Верхнего Дона / Г. Л. Земцов, Ю. Д. Разуваев, С. В. Уваркин // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А. М. Обломского / Отв. ред. В. Е. Родинкова, О. С. Румянцева. – М.: Ин-т археологии РАН, 2017. – С. 285–297 (Раннеславянский мир. – Вып. 19).
32. **Чендев Ю. Г.** Эволюция лесного почвообразования на юге лесостепи Среднерусской возвышенности в позднем голоцене / Ю. Г. Чендев, А. Л. Александровский, О. С. Хохлова, М. И. Дергачева, А. Н. Петин, А. Н. Голотвин, В. А. Сарапулкин, Г. Л. Земцов, С. В. Уваркин // Почвоведение. – 2017. – № 1. – С. 3–16.
33. **Земцов Г. Л.** Липецкий край в III–V вв. / Г. Л. Земцов. – Тула: Гриф и К, 2012. – 200 с.
34. **Чендев Ю. Г.** Природный ландшафт долины Сновы: эволюция и антропогенные изменения в позднем голоцене (по результатам почвенно-археологических исследований) / Ю. Г. Чендев // Верхнедонской археологический сборник / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. – Липецк–Санкт-Петербург, 2007. – Вып. 3. – С. 282–288.
35. **Бирюков И. Е.** Городище скифского времени у с. Каменка на Верхнем Дону / И. Е. Бирюков, Ю. Д. Разуваев // Археологические памятники бассейна Дона / Отв. ред. А. Т. Синюк. – Воронеж: Ворон. гос. пед. ун-т, 2004. – С. 181–191.
36. **Разуваев Ю. Д.** Первые данные об укрепленных поселениях конца I тысячелетия до н.э. в лесостепном Подонье (по материалам Ксизовского городища) / Ю. Д. Разуваев // Восточноевропейские древности скифской эпохи. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. – С. 219–228 (Вестник Острогожского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского. Вып. 1)
37. **Разуваев Ю. Д.** Городище скифского времени у с. Губарево на Верхнем Дону / Ю. Д. Разуваев // Археологические памятники Восточной Европы / Отв. ред. А. Т. Синюк. – Воронеж: Ворон. гос. пед. ун-т, 2002. – С. 138–145.
38. **Разуваев Ю. Д.** Результаты исследований оборонительных сооружений Семилукского городища в 2012 г. / Ю. Д. Разуваев // Восточноевропейские древности / Отв. ред. А. Н. Ворошилов. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2013. – С. 196–211 (Вестник Острогожского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского. – Вып. 3).
39. **Ахтырцев Б. П.** Разновозрастные погребенные почвы Воронежского археологического микрорайона и их эволюция / Б. П. Ахтырцев, А. Б. Ахтырцев, А. Д. Пряхин // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы. Тез. докл. науч. конф. – Воронеж: Ворон. гос. ун-т, 1990. – С. 37–41.
40. **Медведев А. П.** Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. / А. П. Медведев. – М.: Наука, 1999. – 160 с.
41. **Пряхин А. Д.** Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа / А. Д. Пряхин, В. И. Беседин, Ю. Д. Разуваев, М. В. Цыбин. – Воронеж: Ворон. гос. ун-т, 1997. – Вып. 1. – 43 с.
42. **Разуваев Ю. Д.** Городище у дачного поселка «Сады» на южной окраине Воронежа / Ю. Д. Разуваев // Археология восточноевропейской лесостепи. Мат-лы II международной научной конференции Воронеж, 18–20 декабря 2015 года / Отв. ред. А. М. Скоробогатов. – Воронеж: Ворон. гос. пед. ун-т, 2016. – С. 218–222.

43. **Разуваев Ю. Д.** Ландшафтное окружение городищ и курганов скифского времени в донской лесостепи / Ю. Д. Разуваев, Ю. Г. Чендев // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. – 2021. – № 3. – С. 343–356.
44. **Медведев А. П.** III Чертовицкое городище (материалы 1-ой половины I тыс. н.э.) / А. П. Медведев // *Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Археология восточноевропейской лесостепи* / Отв. ред. А. П. Медведев. – Воронеж: Ворон. гос. ун-т, 1998. – С.42–84. (Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 12).
45. **Медведев А. П.** Раскопки Староживотинного курганного могильника скифского времени / А. П. Медведев // *Верхнедонской археологический сборник* / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. – Липецк: Успех-Инфо, 2001. – Вып. 2. – С. 4–14.
46. **Чендев Ю. Г.** Изучение почв курганных систем и реконструкция изменений природной среды в бассейне нижнего течения Воронежа / Ю. Г. Чендев, А. П. Медведев, Ю. П. Матвеев // *Верхнедонской археологический сборник* / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. – Липецк: Успех-Инфо, 2001. – Вып. 2. – С. 168–179.
47. **Чендев Ю. Г.** Почвы и природная среда бассейна реки Воронеж во второй половине голоцена / Ю. Г. Чендев, А. Л. Александровский // *Почвоведение*. – 2002. – № 4. – С. 389–397.
48. **Медведев А. П.** Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья) / А. П. Медведев. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1990. – 220 с.
49. **Чендев Ю. Г.** Эволюция лесостепных почв Среднерусской возвышенности в голоцене / Ю. Г. Чендев. – М.: ГЕОС, 2008. – 212 с.
50. **Сарапулкин В. А.** Раскопки городища-1 у с. Ильинка / В. А. Сарапулкин, Т. В. Сарапулкина // *Верхнедонской археологический сборник* / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. – Липецк–Санкт-Петербург, 2007. – Вып. 3. – С. 250–255.
51. **Чендев Ю. Г.** Опыт почвенно-геологической реконструкции архитектурного облика городища I у с. Ильинка в бассейне среднего течения р. Тихая Сосна / Ю. Г. Чендев // *Верхнедонской археологический сборник* / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. – Липецк: Липец. Гос. пед. ун-т, 2009. – Вып. 4. – С. 285–290.
52. **Гуляев В. И.** На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов) / В. И. Гуляев. – М.: Ин-т археологии РАН, 2010. – 344 с.
53. **Добровольский В. В.** Погребенные почвы курганов и климат верхнего голоцена южной окраины Средне-Русской возвышенности / В. В. Добровольский // *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг.* / Отв. ред. В. И. Гуляев. – М.: Ин-т археологии РАН, 2001. – С. 157–170.
54. **Гуляев В. И.** Новые курганные могильники скифского времени на Среднем Дону: Горки-I и Девица-V / В. И. Гуляев, А. А. Шевченко. – М.: Ин-т археологии РАН, 2017. – 156 с.
55. **Березуцкий В. Д.** Курганный могильник скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону / В. Д. Березуцкий, Ю. Д. Разуваев // *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг.* / Отв. ред. В. И. Гуляев. – М.: Ин-т археологии РАН, 2004. – С. 53–68
56. **Пряхин А. Д.** Усманский курган / А. Д. Пряхин, Ю. П. Матвеев, Ю. Д. Разуваев. – Воронеж: Ворон. гос. ун-т, 1990. – 26 с.
57. **Ахтырцев Б. П.** Палеопочвы Новоусманского кургана / Б. П. Ахтырцев, А. Д. Пряхин // *Археологические исследования в Центральном Черноземье в двенадцатой пятилетке. Тез. докл. и сообщ. II межвузовской науч. конф.* – Белгород, 1990. – С. 11–14.
58. **Медведев А. П.** Курган скифского времени у с. Абрамовка / А. П. Медведев, К. Ю. Ефимов // *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг.* / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: Ин-т археологии РАН, 2001. – С. 202–210.

59. **Чендев Ю. Г.** Почвенно-археологические исследования в бассейне нижнего течения р. Елань / Ю. Г. Чендев // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. – М.: Ин-т археологии РАН, 2001. – С. 211–219.

60. **Березуцкий В. Д.** Новочигольские курганы / В. Д. Березуцкий. – Воронеж: ИИЦ «Научная книга», 2021. – 224 с.

61. **Чендев Ю. Г.** Почвенно-археологические исследования и палеопочвенные реконструкции природной среды на участке Новочигольского курганного комплекса / Ю. Г. Чендев // Березуцкий В. Д. Новочигольские курганы. – Воронеж: ИИЦ «Научная книга», 2021. – С. 175–197.

62. **Березуцкий В. Д.** Сарматские погребения в курганном могильнике у хут. Голубая Криница в правобережье Среднего Дона / В. Д. Березуцкий, И. В. Иванов // Археология и охрана археологического наследия Центральной России / Отв. ред. А. П. Медведев. Воронеж: Издательский дом Ворон. гос. ун-та, 2014. – С. 147–164.

ВУНЦ ВВС «ВВА им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)

Доцент, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
В. А. Русиков

Россия, г. Воронеж,

тел. 8 (473) 223-47-71;

e-mail: v-rusikov@yandex.ru

VUNTS VVS «VVA name of Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» (Voronezh)

Associate Professor, senior lecturer of the Department of humanitarian and socio-economic discipline
V. A. Rusikov

Russia, Voronezh,

tel. 8 (473) 223-47-71;

e-mail: v-rusikov@yandex.ru

В.А. Русиков

РАВНЕНИЕ НА ПОДВИГ (К 110-ОЙ ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДВАЖДЫ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ФЁДОРОВА ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВИЧА)

Статья посвящена боевому и жизненному пути дважды Героя Советского Союза Евгения Петровича Фёдорова, внесшего весомый вклад в историю Дальней авиации и победу советского народа над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Дальняя авиация, лётчик-бомбардировщик, экипаж, боевые вылеты, бомбардировка, дважды Герой Советского Союза.

V.A. Rusikov

EQUALIZATION TO THE FEAT (BY THE 110-TH ANNIVERSARY FROM BIRTH TWICE HERO OF THE SOVIET UNION FYODOROV EVGENIY PETROVICH)

The article is devoted to the combat and life path of Twice Hero of the Soviet Union Yevgeny Petrovich Fedorov, who made a significant contribution to the history of Long-range aviation and the victory of the Soviet people over nazi Germany during the Great Patriotic War.

Key words: Long-range aviation, bomber pilot, crew, combat missions, bombing, twice Hero of the Soviet Union.

23 декабря 2021 года Дальняя авиация России отметит 107-ую годовщину со дня своего образования. Ровно за три года до её формирования 28 декабря 1911 года родился один из наиболее прославленных асов Дальней авиации Фёдоров Евгений Петрович, ставший Героем сразу двух войн – советско-финляндской и Великой Отечественной.

Местом рождения Евгения Петровича стала станция Стрельна Ленинградской области [1, с. 218], хотя детские и школьные годы он провёл в Ленинграде. В 1926 году успешно окончил семилетку, в 1929 – школу фабрично-заводского ученичества. Затем некоторое время трудился слесарем-арматурщиком в депо Ленинград-Финляндский [2, с. 511], а по вечерам учился в Путейском институте [3, с. 40].

С 1930 года в Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до 1932 году обучается в Ленинградской военно-теоретической школе лётчиков. Затем до 1933-го своё лётное мастерство совершенствует в третьей военной школе лётчиков и лётнабов [2. С. 508] в городе Оренбурге. Как лучшего курсанта там его принимают в ВКП(б), а первым инструктором, поставившим Фёдорова на крыло, был Владимир Коккинаки [3, с. 40], тогда ещё сам молодой лётчик.

Потом потянулись напряжённые армейские будни. В 1933-1937 годах Евгений Петрович много летает в качестве лётчика, осваивая и испытывая авиационные новинки той поры, набирается опыта. Однажды, рискуя жизнью, ему даже удаётся спасти испытываемый самолёт. В 1938 году он уже командир отряда, а с 1939 года – командир эскадрильи 6-го дальнебомбардировочного полка. В этой должности капитан Фёдоров Е.П. участвует в советско-финляндской войне 1939-1940 годов. Здесь, во время боёв на Карельском перешейке, начинается его боевая биография. На бомбардировщике ДБ-3 он совершает 24 боевых вылета на бомбардировку скоплений войск противника.

Накануне одного из них, в январе 1940 года, его экипажу поставили задачу связать боем базировавшихся на одном из аэродромов вражеских истребителей, и тем самым прикрыть авианалёт полка по дальним объектам. С этой целью группой из двух (планировалось три) самолётов Фёдоров вступает в бой с истребителями противника. Несмотря на вражеское превосходство (17 самолётов), слаженная работа наших экипажей позволила сбить 5 из них, увлечь оставшихся за собой и скрыться от преследователей в облаках. Противник, потеряв управление, израсходовав горючее, боезапас, на перехват бомбардировщиков не пошёл. Задача была выполнена, а Фёдоров вместе со вторым экипажем успешно вернулся на родной аэродром [3, с. 47-49].

Мужество и отвага, проявленные Евгением Петровичем в боях с белофиннами были отмечены в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1940 года, в соответствии с которым ему было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 331).

Потом была другая война – Великая Отечественная. На её начальном этапе Е.П. Фёдоров активно участвовал в боях под Москвой. Первый вылет его экипажа состоялся 7 июля 1941 года [3, с. 53]. Тогда был нанесён бомбовый удар по крупной железнодорожной станции с эшелонами боевой техники и живой силой врага, а также был заблокирован аэродром ночной авиации противника. В последующем его экипаж также выполнял транспортные перевозки, наносил бомбовые удары, прикрывал войска, перехватывал вражеские бомбардировщики-транспортники. Фёдоров доставлял в тыл разведчиков, оружие и другое имущество партизанам, разбрасывал за линией фронта листовки и другие пропагандистские материалы, летал в качестве осветителя, маркировщика цели, разведчика, фотографа, требующих особого профессионального мастерства.

В этих полётах Евгений Петрович активно совершенствовал авиационную тактику. Так, одним из первых он начал полёты на свободную ночную «охоту». Происходило это следующим образом: его машина скрытно пристраивалась за фашистским самолётом и таким манером следовала за ним до самого аэродрома противника. Как только тому освещали место для посадки, Фёдоров производил точное бомбометание по наземным целям [2, с. 511].

Ещё один тактический приём, применённый Е.П. Фёдоровым, описан в сборнике «Сто сталинских соколов. В боях за Родину», изданном в 1947 году крошечным тиражом. Здесь в качестве эталонного приводится вариант выброски десантной группы в глубоком тылу противника с самолёта Ил-4, совершённой экипажем в новогоднюю ночь с 31 декабря 1941-го на 1 января 1942 года.

Десантирование тогда совершалось в несколько заходов, после каждого из них выполнялось отвлекающее бомбометание. Операция прошла удачно. И потому подобный опыт демаскированных действий при выброске парашютистов и грузов в последующем использовался в частях дальней авиации многократно и всегда приносил хорошие результаты [4].

Весь полёт продолжался 6 часов, непосредственно выброска заняла 50 минут. Утром другого дня после возвращения на аэродром стало известно, что десантная группа успешно собралась вместе, нашла груз и установила связь с Москвой. Необходимая информация была своевременно получена, немецкая контрразведка захватить разведывательно-диверсионную группу не сумела [5].

В марте 1942 года, наконец, сбывается мечта Фёдорова и его товарищей – они получают приказ бомбить Берлин, после того, как Дальнебомбардировочная авиация была выведена из состава ВВС Красной Армии и преобразована в Авиацию Дальнего Действия при Ставке Верховного Главнокомандования. В отличие от бомбардировок 1941 года, выполнять этот приказ они вылетали уже не с островов Балтики, а с аэродромов под Москвой [3, с. 63].

Один из таких полётов состоялся 9 сентября 1942 года, когда в составе нескольких экипажей дальних бомбардировщиков Фёдоров совершает налёт на Берлин [1, с. 218]. В полёте его экипаж попадает в очень тяжёлое положение. Позже он так рассказал о сложившейся ситуации: «В районе Данцига самолёт был атакован истребителем, оборудованным радиолокационным прицелом, впервые появившимся тогда у немцев. Атака была внезапной, в тёмной ночи между двумя слоями облаков. Применяв противоистребительный манёвр по высоте и курсу, я ушёл в облака. Но разрывы снарядов, выпущенных из пушек истребителей, снова заставили маневрировать. Стрелок не мог стрелять, ибо он не видел врага, и это самое неприятное, когда по тебе стреляют, а ты не знаешь, откуда и когда будет очередной залп. Этот неравный бой длился 30 минут. Мой самолёт получил 10 пробоин, но был ещё способен продолжать полёт, и я, убедившись, что истребитель меня потерял или у него кончились боеприпасы, продолжал полёт на цель. Задание было выполнено. Советские лётчики не знали на войне слова «невозможно». Так было и в этот раз [2, с. 512]».

В скором времени экипаж Фёдорова Е.П. в составе штурмана майора Пономарёва Ф.С., воздушного стрелка-радиста старшины Иващенко И.Д. и бортстрелка старшего сержанта Пруна Н.Л. стали называть отважным [3, с. 52, 60], а эскадрилью – бесстрашной [2, с. 511]. Выполняя боевые задания, они успешно бомбили скопление вражеских войск в районе Орла и Белоруссии, в Крыму, нанося большой урон в живой силе и технике, а также активно работали по вражеским аэродромам, железнодорожным станциям в районе Пскова, Смоленска, Вязьмы, Курска, Полтавы, Ростова-на-Дону, Сталинграда. С 1942 г. Фёдоров регулярно вылетал на дальнюю бомбардировку военно-промышленных объектов в глубоком тылу противника (Кенигсберг, Варшава, Данциг, Констанца) [6].

Участвовал экипаж Фёдорова и в разгроме гитлеровцев под Ленинградом, в Берлинской операции, а также при освобождении Польши, Венгрии. «Отличный лётчик, волевой и культурный командир, – отзывался о нём вышестоящий начальник. – В совершенстве владеет ночными полётами и техникой пилотирования в сложных условиях. С большим желанием выполняет боевую лётную работу, своим личным примером воодушевляет лётный состав частей дивизии на боевые подвиги. В боевой обстановке проявляет исключительную инициативу, отвагу, мужество и настойчивость» [1, с. 218].

Полёты Е. П. Фёдорова почти всегда были сопряжены с какими-то неожиданностями, особыми вводными и трудностями. И не было двух одинаковых или хотя бы похожих один на другой вылетов. Не было и лёгких побед. При этом на его боевом счету:

- **во-первых**, и полёты лидирующим с заданием осветить цель светящимися бомбами для успешного бомбометания другими экипажами. Только в 1944 году он это делал 11 раз [2, с. 513-514];

- **во-вторых**, и постоянная работа, которую в обычном бою делали штурмовики или истребители с одной только целью: как можно больший урон нанести врагу [3, с. 67];

- **в-третьих**, и такие экстремальные ситуации, как посадка самолёта с неисправным шасси [3, с. 58], спасение экипажа на парашютах [3, с. 65-66], из которых Фёдоров Е.П. выходил с честью.

Начав войну капитаном, командиром эскадрильи, Евгений Петрович затем командовал 750-м апдд (3-м гвардейским апдд) [7], а победу над фашистами встретил полковником, заместителем командира 2-й гвардейской авиационной дивизии. Всего за годы войны он 178 раз вылетал на бомбёжку крупных объектов врага, уничтожил много его боевой техники и живой силы. За умелое руководство авиационными частями, мужество и

героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, 29 июня 1945 года его награждают второй медалью «Золотая Звезда» под номером 65 [8], и Фёдоров Е.П. в 33 года становится дважды Героем Советского Союза.

В 1948 году, окончив Краснознамённую Военно-воздушную академию (с 1968 года – ВВА имени Ю.А. Гагарина, а с августа 2012 – Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), Фёдоров продолжает службу в ВВС [2, с. 508]. Среди его боевых наград три ордена Ленина; два ордена Красного Знамени; Орден Александра Невского; два ордена Красной Звезды и много медалей.

В книге П.П. Бочкарёва и Н.И. Парыгина «Годы в огненном небе» высоко оценивается послевоенный вклад Фёдорова Е.П. в развитие авиации. Вместе с прославленными лётчиками Дальней авиации Молодчим А.И. и Тараном П.А. Евгений Петрович в числе первых начал осваивать боевое применение Ту-4, принял участие в перевооружении авиационных частей и переучивании личного состава, образцово выполняя задачи, поставленные перед Дальней авиацией. В 1955 году полковник Фёдоров Е.П. в соответствии с директивой Генерального штаба № орг/3/462577 от 31.01.1955 года на аэродроме Шайковка (Калужская область, в 17 километрах к северу от города Киров) сформировал 79 тяжёлую бомбардировочную авиационную дивизию, стал её командиром, а в 1957 году ему было присвоено воинское генеральское звание. На этой должности его сменил в 1958 году также дважды Герой Советского Союза Павел Андреевич Таран, а генерал-майор авиации Фёдоров Е.П. был уволен в запас [9, с. 24].

После своего увольнения из Вооружённых Сил СССР Е.П. Фёдоров вернулся в родной Ленинград. Длительное время работал диспетчером в аэропорту. 15 июля 1993 года (на 82 году) Евгения Петровича не стало. Похоронили его на Северном кладбище Санкт-Петербурга. Ещё при жизни на территории Московского парка города Ленинграда на Аллее Героев был установлен бронзовый бюст дважды Героя, открытие которого состоялось 13 мая 1950 года.

Имя лётчика высечено на мемориальных плитах у обелиска Славы на Ансамбле мемориального комплекса «Сапун-гора» в Севастополе. В фондах Севастопольского военно-исторического музея-заповедника хранятся фотографии Героя и его анкета участника боев за Севастополь [6].

Один из последних актов увековечивания памяти дважды Героя Советского Союза генерал-майора авиации Евгения Петровича Фёдорова состоялся в сентябре 2021 года в стенах Военного учебно-научного центра ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), где на Аллее авиационной славы была установлена мраморная доска с фотографией нашего Героя.

Мы его помним и на примере подвигов Фёдорова Е.П. и других героев-авиаторов, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны, обязаны активнее воспитывать у молодых воинов гордость за службу в Вооружённых Силах России, принадлежность к ВКС.

Библиографический список

1. Дважды Герои Советского Союза. Альбом. [Текст] / М.: Воениздат, 1973. – 247 с.
2. Люди бессмертного подвига. Очерки о дважды и трижды Героях Советского Союза. Изд. 4-е, испр. и доп. [Текст] / М.: Политиздат, 1975. Кн. 2. – 654 с.
3. Локшин В.С. Шесть золотых звезд [Текст] / В.С. Локшин, С.С. Самойлов. – М.: ДОСААФ, 1976. – 128 с.
4. Фалалеев Ф.Я. Сто сталинских соколов. В боях за Родину. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.e-reading.link>
5. АДД. Дважды Герой Советского Союза Евгений Фёдоров. Герой Советского Союза Василий Решетников. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.zen.yandex.ru>

6. **Селиванова А.Ф.** Лица Победы. Федоров Евгений Петрович. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.sevmuseum.ru>
7. **Панкратов Д.** Небесный бомбардир [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://d-pankratov.ru>
8. **Шушаков О.** Фёдоров Е.П. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.erlib.com>
9. **Вилкас А.А., Русиков В.А.** Послевоенная деятельность дважды Героев Советского Союза – лётчиков Дальней авиации // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук [текст]: в 2 т. / Сб. ст. по материалам III Межвузовской научно-практической конференции курсантов и слушателей «Молодёжные чтения, посвящённые памяти Ю.А. Гагарина» (18 мая 2016 г.). – Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2016. Т.1. – 324 с.

УДК 93/94

*Воронежский государственный университет
Зональная научная библиотека
реставратор
В.Н. Ряполов
Россия, г. Воронеж,
тел. 8908 131 87 75
e-mail: ryapoloff.v@yandex.ru*

*Voronezh State University
Zonal scientific library
restorer
V.N. Ryapolov
Russia, Voronezh,
tel. 8908 131 87 75
e-mail: ryapoloff.v@yandex.ru*

В.Н. Ряполов

«БЕЛОРИЗЦЫ» – ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ ИЛИ ПУТЬ В НИКУДА

Статья посвящена истории возникновения, существования, мистическому опыту и исчезновению русской мистической секты белоризцев.

Ключевые слова: Православие, Церковь, мистицизм, секта, белые одежды, adept.

V.N. Ryapolov

"BELORIZTSY" – DISAPPOINTED HOPES OR THE WAY TO NOWHERE

The article is devoted to the history of the origin, existence, mystical experience and disappearance of the Russian mystical sect of the Belorizians.

Key words: Orthodoxy, Church, mysticism, sect, white clothes, adept.

Первого июня 1888 года на страницах «Воронежских Епархиальных Ведомостей» (далее «ВЕВ») появилась статья «Секта «белоризцев», автор которой, сохранив инкогнито, подписался двумя буквами «Ч-н». Цель этой статьи заключалась в том, чтобы проинформировать воронежское духовенство о появлении новой секты, дабы во всеоружии встретить ее, по возможности не дать распространиться по территории Воронежской губернии, что, как правило, не всегда и получалось, вследствие сплоченности и замкнутости сектантов.

К счастью надо заметить, что секта «белоризцев», появившаяся в 1860-е годы во Владимирской губернии, не смогла выйти за рамки, указанной территории и опутать своей паутиной жителей других регионов Российской империи, за исключением ряда сел и деревень, прилегающих к Владимирщине. Однако в сектоведческой литературе она свой след оставила. Не говоря о статье господина «Ч-н», которая видимо была опубликована во множестве «Епархиальных ведомостей» страны, не забыл о ней всем известный «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 1910 году в Харькове вышла книга «Обзор русских сект и их толков» известного российского исследователя сектантства профессора Харьковского университета протоиерея Тимофея Ивановича Буткевича (1854-1925), переизданная в наши дни, правда, немножко под другим названием «Русские секты и их толки», где также нашлось место «белоризцам». Другим интересным автором является Семен Дмитриевич Бондарь (1875-после 1917). Семен Дмитриевич получил духовное образование в стенах Полтавской семинарии, затем Московской Духовной академии, служил с 1902-го по 1917-й год в Министерстве внутренних дел по Департаменту духовных дел иностранных исповеданий.

Из-под его пера, среди множества работ, посвященных баптизму, немецкой секте меннонитов, адвентистам 7-го дня, Англиканской епископальной церкви, в 1916-м вышла книга «Секты хлыстов, шалопутов, духовных христиан, старый и новый Израиль и субботников и иудействующих», в которой «белоризцы», также не были забыты. Но здесь хотелось бы остановиться особо. Вольно или невольно С.Д. Бондарь давая характеристику «белоризцам», спутал ее с сектой «хлыстов» и многие, как мистические, так и ритуальные особенности хлыстовства приписал первым. Однако его работа не лишена интереса, и мы к ней обратимся.

Конечно, на сегодняшний день данная секта не представляет угрозы духовному здоровью наших граждан, но как одна из ветвей русского религиозного разномыслия, теперь уже прошлого века, все-таки представляет определенный интерес.

Прежде чем обратиться к истории возникновения секты, ее мистическому опыту, опирающемуся на обрядовую и догматическую составляющие, хотелось бы в первую очередь взглянуть на название секты «белоризцы» и определить семантику слова, которая часто за собой несет определенный смысл.

Так «Малый Православный толковый словарь» (М., 2005) дает два определения слова «Ризы». Во-первых, это металлическое покрытие (серебряное, позолоченное или золотое), украшенное драгоценными камнями и оставляющее видимыми только лик святого и его руки. Как правило, этого удостоиваются иконы, наиболее чтимые в том или ином храме [1, с.404].

По этому поводу хотелось бы вспомнить известные строки Сергея Есенина: «Гой ты, Русь, моя родная, Хаты – в ризах образа.... Не видать конца и края – Только синь сосет глаза» [2, с.52].

И второе определение. «Ризы – богослужебное облачение священнослужителей и некоторых церковнослужителей». Кроме того «В богослужебных книгах ризами называется повседневная одежда христиан» [1, с.404], т.е. получается то, что сектанты позаимствовали одежды христиан белого цвета для своих ритуальных действий.

Вышеупомянутый господин «Ч-н» в своей статье указал, что «Название «белоризцев» было дано сектантам местным преосвященным [Владимирским] архиереем, который в отношении своем к губернатору пояснил это название, производя его от ношения ими белых рубах и белых льняных поясов» [3, с.573].

Конечно, белые рубахи, как сектантское облачение, не были изобретением «белоризцев» их с успехом использовали во время своих радений и хлысты, и отпочковавшиеся от них еще в XVIII веке, скопцы. Белые ризы или белые одежды носили своеобразный мистический характер, что было характерно для русских сект, вылупившихся из Православия, и ставших его недугом, в отличие, например, от вышеупомянутых рационалистов в лице баптистов, меннонитов и прочих штундистов, уходящих корнями в немецкую Реформацию, которые и занимались только тем, что изучали «Библию». Мистический характер русских сект заключался в том, что они пытались обосновать свое учение выдержками из Священного писания, создав в очень редких случаях даже свое догматическое учение. Если для рационалиста Бог был, как бы, старшим товарищем, помогающим ему в работе, бизнесе, то для мистика существовало единение с Богом, недаром ведь каждый хлыст, скопец или шалопут искренне верил, что во время радений Дух Святой вселялся в каждого из них, а через иных мог даже пророчествовать. Как указывал С.Д. Бондарь: «По учению белоризцев, люди делятся на две категории: «духовных» и «плотских» или «мирских». «Духовные» это белоризцы, «плотские» – это окружающая православная среда. Христос и Дух Святой есть, по учению белоризцев, одно и то же. <...> Христос постоянно перевоплощается, т.е. вселяется в сердца своих верных, рождается в них. В каждом члене секты есть частица («искра») Христа. <...> «Духовные» люди живут по духу; в них обитает сам Христос. Они составляют Его истинную Церковь. Второе пришествие Христа и всеобщее воскресение мертвых белоризцы отвергают. Христос всегда рождается и

всегда воскресает в сердцах последователей секты. Но Его «вселение» в них бывает неодинаково: одному подается 5 талантов, другому 3, а иному один. <...> Иисус евангельский был такой же человек, как и любой из членов секты. Он «родился от Слова», т.е. воспринял в себя Слово Божие, и Его чистая душа («Мария») родила в себе Христа. «Христом» может сделаться любой член секты или несколько за раз. Этим допускается в секте одновременное существование многих «христов». <...> Человек, в котором воскрес Христос, имеет душу «живую», «воскресшую». Такая душа, после смерти и разлучения с телом, идет к Богу, Который обитает здесь же на земле в Своем избранном роде, т.е. в секте белоризцев» [4]. Конечно, не все то, о чем написал С.Д. Бондарь, подходило именно той секте «белоризцев», о которой идет речь, но смысл мистицизма раскрывало. Кроме того, по мнению сектантов, не только Христос мог вселиться в душу, живущего рядом человека, но и Богородица и апостолы.

Что касается белых одежд, то в «Откровение Иоанна Богослова» указано: «Впрочем у тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих, и будут ходить со Мною в белых одеждах, ибо они достойны. Побеждающий облечется в белые одежды...» (Откр. 3:4,5). Т.е. своим белым одеяниями сектанты причисляли себя к тем немногим, которые не осквернили свои «белые одежды», т.е. свои души грехами и преступлениями и, как достойные награды за подвиг жизни, будут ходить (со Мною) со своим Господом облеченными в белые одежды. Белая одежда всегда считалась символом чистоты, знаком близости к Богу и прославления. Здесь хотелось еще раз вспомнить Сергея Есенина, строки из его молитвенного стихотворения: «А ты из светлого рая, в ризах белее дня. Покрестися, как умирая, за то, что не любила меня» [5, с.69].

Но вернемся к истории секты. Дата ее основания установлена примерно. Так профессор Харьковского императорского университета протоиерей Тимофей Иванович Буткевич указывал 1880 год, опираясь на официально опубликованный отчет обер-прокурора Св. Синода [6, с.555]. Что касается более определенной даты и истории возникновения секты, то она указана в статье господина «Ч-н», опубликованной на страницах «ВЕВ»: «Государственный крестьянин Владимирской губернии, Судогодского уезда, деревни Петровой, Николай Лукин открыл в 1865 году у себя в доме моленную, куда стекались некоторые из однодеревенцев его на богослужение, которое состояло в чтении и толковании книг св. Писания и рукописных выписок; при этом, все приходившие на богослужение были в белых рубахах и белых льняных поясах. Об этих собраниях благочинный Владимирского уезда, погоста Старинского, донес местному епархиальному архиерею, который просил губернатора произвести формальное следствие о новой секте и поступить с Николаем Лукиным, как с основателем новой секты» [3, с.573]. В результате проведенного розыска, в доме у Лукина были обнаружены и изъяты некоторые предметы «сектантского культа»: рукописная книга в кожаном переплете, заключающая в себя искаженные выписки из многих священных книг, слово св. отца Нифонта, выписка под названием «Лусиндрион», молитва священномученика Киприана, книга «Мясопустная неделя», псалтирь издания Св. Синода, несколько церковных вещей и билет об отлучке с местожительства.

Конечно, для русского человека всегда было характерно самокопание внутри себя, в поисках истины, истинной веры, которая находится где-то рядом, но как дотянуться до нее, как найти ее он не знал. Некоторые начинали самостоятельно изучать Священное Писание, и без надлежащего духовного руководства, находить в нем, как бы скрытые для всех места, имеющие сакральный смысл, о которых священники не говорили, утаивали их, а может быть и сами не понимали. Наступало своеобразное «озарение», которым хотелось поделиться с окружающими, которые, в свою очередь, видели в тебе человека, говоря буддистским языком, достигшего истинного «просветления», а от такой роли отказаться было очень тяжело. Надо было соответствовать статусу, следить за «пасомыми», которые уже в свою очередь обеспечивали достаточно сытую жизнь новоявленному «Христу».

Первым, кто «уверовал» в Лукина была его жена Прасковья Егоровна, которая на следствии заявляла, что «сам Господь нас научил не ходить в церковь внешнюю, тленную». Таких же взглядов начала придерживаться и крестьянская девка Федосья Максимова, родственница Лукина, которая отзывалась следователю, что «она верует лишь во Христа и на исповедь и к св. причастию не ходит в церковь видимую, потому что церковь и исповедь у нее в доме» [3, с.574]. По мнению исследователей «белоризцев», такое ложное представление сложилось по неверному толкованию сектантами слов апостола Павла: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» (1 Кор. 3:16) и характерно было для секты молокан. Хотя если разобраться это утверждение является натянутым, т.к. не только молокане не посещали храмы, а практически все сектанты. Особый случай представляли собой скопцы, которые скрывая свою сущность, жертвовали огромные денежные средства на благолепие церквей, на колокола, но это было обманом окружающих и чистым лицемерием, особенно после участия их в ночных радениях.

Когда Лукину предложено было следователем подписаться под актом, составленным обо всем у него найденном, тот отвечал, что подписываться не будет, потому что это грех. На вопрос следователя, какой он веры, Лукин отвечал, что он веры истинной, на исповеди и святом причастии бывает во все дни и часы, но не в великороссийской церкви, которую не признает церковью, потому что имеет у себя единого архиерея и священника, пришедшего с небес, Иисуса Христа, Сына Божия, которого Бог воскресил из мертвых, посадил одесную Себя на престоле превыше всякого начальства и власти и силы и господства и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и коего поставил превыше всего, главою Церкви, которая есть тело Его (Ефес. 1:20-23), что являлось ошибочным пониманием «Послания к Ефесянам святого апостола Павла». О том, есть ли благодать в мире, Лукин выразился, что он не знает. Паспортов не признает, крест носит, но только медный, потому что он спасет прочнее деревянного.

Из других последователей Лукина, Татьяна Григорьева заявила, что муж ее Федор Федотов, подружившись с Лукиным, перестал ходить в церковь и употреблять мясную пищу и хмельные напитки. Сам же Федор Федотов добавил, что с женою своею он живет как брат с сестрой, а не как муж, и супружеского греха с ней не имеет. Также он заявил, что паспорта не берет, и не будет брать, потому что считает это грехом, так как паспорт есть печать антихристова. И таких последователей лукинского лжеучения, подобных выше упомянутому, в деревне было много.

Сам же Преосвященный Владимирский владыка так описывал белоризцев: «секта белоризцев образовалась из разных сект. Подобно перекрещенцам, белоризцы брак порицают блудом и живут, по-видимому, целомудренно, как иноки; по наружности сектанты эти тощие, истомленные; о здравии царя не молятся; подобно нетовцам, говорят, что ни в чем нет благодати; об иерархии выражаются, что всяк сам себе архиерей и священник; на основании Священного Писания, церквей видимых не признают, таинств тоже, о властях отзываются, что всяк сам себе царь и все люди равны пред Богом, один глава над всеми Иисус Христос; денег в руки ее берут и паспортов не принимают; все ереси и толки раскольничьи осуждают, считая себя одних истинными и духовными христианами. Подобно западным иллюминатам, считая себя просвещенными свыше; они твердят следующую, самую употребительную между ними молитву: «Отче Господи небесе и земли! Ты утаил еси сия вся от премудрых и разумных и открыл еси сия младенцам (т.е. белоризцам) простым» [3, с.575-576].

Таким образом, исследователи сектантства XIX-начала XX века сделали вывод, что секта «белоризцев» не являлась какой-то самобытной ветвью русского религиозного разномыслия, она представляла собой своеобразный синтез из различных сектантских учений и мировоззрений. Например, от молоканства она взяла учение об отрицании таинств Церкви и церковной иерархии, от скопчества – житие с мужем и женой, как брата с сестрой, от бегунов или странников (беспоповское согласие старообрядчества) – непринятие паспортов, от хлыстов – белые одежды как символ чистоты, от духоборцев –

непосредственное научение вере самим Иисусом Христом, от беспоповцев и молокан – не моление за Царя. Таким образом, смешение сектантских воззрений, изменения сект, перерождение их, поглощение одной другою – явления очень интересные для исследователей истории наших русских сект [4].

Что касается дальнейшей судьбы «белоризцев», то она ни чем не отличалась от судеб других сект, выросших на русской земле. В годы царствования Александра III сектанты всех мастей подвергались преследованию Правительством. После известных событий 1905 года Николаем II был принят Указ «Об укреплении начал веротерпимости», согласно которому существенно изменялось правовое положение всех верующих, в том числе и сектантов. Они могли спокойно жить, исполнять свои обряды, заманивать адептов, не боясь гонений со стороны властей и духовенства. Ну а после революции 1917 года, большевики признали сектантов жертвой гонимой царизмом и православной Церковью. Имея стратегический план развала Русского Православия, большевики тактически находили себе союзников даже среди сектантов, предполагая, что расправиться с ними в перспективе будет значительно проще и легче, чем с официальной Церковью, а отсюда пока и полное сочувствие к ним со стороны властей. Однако все изменилось в 1929 году с введением «Законодательства о религиозных культах», большинство известных сектантских общин было закрыто в принудительном и административном порядке и перестали существовать. Таким образом, история распорядилась так, что все надежды на сектантское царствие Божие на земле оказались мифом, а путь, избранный ими оказался путем в никуда.

Библиографический список

1. **Мовлева Н.С.** Малый православный толковый словарь / Н.С. Мовлева. – М.: Русский Язык Медиа. 2005. – VIII, 527 с.
2. **Есенин С.А.** Гой ты, Русь, моя родная... / С.А. Есенин // Собрание сочинений в двух томах. Том 1. – М.: «Советская Россия», «Современник», 1990. – С. 52.
3. **Ч-н.** Секта белоризцев / Ч-н // Воронежские Епархиальные Ведомости №11 от 1 июня 1888 года (неофиц. часть). – С. 573-576.
4. **Бондарь С.Д.** Секты хлыстов, шалопутов, духовных христиан, старый и новый Израиль и субботников и иудействующих [Электронный ресурс]. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/sekty-hlystov-shaloputov-duhovnyh-hristian-staryj-i-novyj-izrail-i-subbotnikov-i-iudejstvuyushhih/> (дата обращения: 25.10.21)
5. **Есенин С.А.** Занеслись залетною пташкой... / С.А. Есенин // Собрание сочинений в двух томах. Том 2. – М.: «Советская Россия», «Современник», 1990. – С. 69.
6. **Буткевич Тимофей**, протоиерей. Русские секты и их толки / Тимофей Буткевич, протоиерей. – М.: Цетрполиграф, 2018. – 559 с.

*Воронежский государственный университет
Доктор исторических наук, профессор кафедры
истории России*

Ю.В. Селезнёв

Россия, г. Воронеж,

тел. 8-910-346-50-12;

e-mail: orda1359@mail.ru

*Воронежский государственный технический
университет*

Магистрант 1 курса

В.С. Битюков

Россия, г. Воронеж,

тел. 8-920-468-41-02;

e-mail: vbitzzz7@gmail.com

Voronezh State University

*Doctor of Historical Sciences, Professor of the
Department of Russian History*

Yu.V. Seleznev

Russia, Voronezh,

tel. 8-910-346-50-12;

e-mail: orda1359@mail.ru

*Voronezh State Technical
University*

1st year master student

V. S. Bityukov

Russia, Voronezh,

tel. 8-920-468-41-02;

e-mail: vbitzzz7@gmail.com

Ю.В. Селезнёв, В.С. Битюков

НАШЕСТВИЕ БУРУНДАЯ И КОЙДАНОВСКАЯ БИТВА

В статье рассматривается два литовско-ордынских конфликта, которые по предположению некоторых исследователей из-за схожести имён двух монгольских полководцев являются частью одного военного столкновения.

Ключевые слова: Бурундай, Балаклай, Даниил, Василько, Койданово, Скирмунт, Шварн, Хроника Быховца, Ипатьевская летопись, Густынская Летопись.

Y.V. Seleznev, V.S. Bityukov

THE INVASION OF THE BURUNDAI AND THE BATTLE OF KOIDANOV

The article examines two Lithuanian-Horde conflicts, which, according to some researchers, due to the similarity of the names of the two Mongol commanders, are part of one military clash.

Key words: Burundai, Balaklay, Daniel, Vasilko, Koidanovo, Skirmunt, Schwarn, Bykhovets Chronicle, Ipatiev Chronicle, Gustyn Chronicle.

В XIII-XIV в. ордынское государство как справедливо заметил Ю. В. Селезнёв «оказывало значительное влияние на политические, общественные, экономические процессы в восточноевропейском регионе» [10, с.148].

И одним из следствий этого влияния являются конфликты Улуса Джучи с Польшей, Венгрией и Литвой. В данной работе мы заострим своё внимание на литовско-ордынском конфликте, а если конкретно, то на отдельном фрагменте, вызывающем ряд споров. Речь пойдёт о нашествии на Литву двух монгольских темников: Балаклая и Бурундая. Тожественны ли они или нет? Один и тот же это персонаж или это разные исторические личности? Реален ли был вообще Балаклай и битва, в которой он участвовал? Вот основной спектр проблем, который будет затронут в данной работе.

Данного вопроса исследователи не касались, имеются лишь конкретные упоминания в работах. Например, Г. В. Вернадский в своей работе упомянул про нашествие Бурундая «В 1259 г. хан Берке заменил Куремсу энергичным Бурундаем (Боролдаем) и снабдил его большим количеством войск. Бурундай решил сделать упор на разногласиях между русскими и литовскими князьями...», но дальнейших подробностей конфликта исследователь не раскрывает [7,с.473]. Академик В. Т. Пашуто в своей работе «Образование литовского государства», раскрывая подробности похода Бурундая на Литву: «Это повествование о татарском нашествии на литовские земли – собственно литовскую (Аукштайтскую), а также Нальшанскую и Ятважскую», не посчитал нужным упомянуть про нашествие Балаклая [9, с. 35]. В статье М. М. Александрова поднята тема о нашествии Балаклая «Отказ вызывает серию конфликтов, в ходе которых три татарских (заволжских) царя – Кидан, Балаклай и Курдас якобы последовательно совершают походы на Литву и терпят сокрушительные поражения от коалиции литовских и русских князей.», и Бурундая «Начиная с похода Бурундая 1258/59 гг.», однако автор публикации констатирует это как лишь факты и никак не связывает конфликты [5,с.99-100].

В работе Ю.В. Селезнёва «Элита Золотой Орды» подробно раскрыта деятельность Бурундая, все его походы на Польшу, Венгрию, Русь, в частности, и на Литву: «Тогда же, в 1258 г., ордынский полководец совершил поход на Литву» [10,с.63]. Примечательно, что исследователь выдвинул предположение о том, что упомянутый персидским историком сын Эбугена-нойна Бурунтай-нойн является «Бурундаем русских летописей», однако не о какой связи с Балаклаем не говорится [10,с.64].

Ледник В. А. поднимает проблему тождественности Балаклая с Бурундаем в своей статье: «Великое княжество Литовское и Золотая Орда: Социально-политические взаимоотношения (1240–1420 гг.)». Вначале он приводит три точки зрения относительно достоверности литовско-ордынских конфликтов: «К первой группе относятся авторы, в целом доверяющие сведениям Белорусско-Литовских летописей о столкновениях литовцев и татар» [8,с.4]. Сторонники этой точки зрения считают, что конфликты произошли в 1240-е гг. и не связывают это с походом Бурундая. Ко второй группе относятся авторы, не доверяющие сведениям белорусско-литовских летописей о столкновениях литовцев и татар. Этого вопроса мы коснёмся чуть позже, когда проведём критику источника, а щас рассмотрим последнюю точку зрения. Согласно третьей точки зрения: «битвы под Могильно и под Койдановым не могли произойти ни в 30-х ни в 40-х гг. XIII в.», поэтому выдвигается предположение, что койдановская битва произошла в 1258 г., то есть во время нашествия Бурундая. Какой же точки зрения придерживается автор статьи? Исследователь считает, что этот один и тот же персонаж. Он аргументирует это тем, что согласно летописи Красинского новгородский правитель Шварн, который был современником Бурундая по данным русских летописей, убивает Балаклая. В. А. Ледник указывает лишь на искажение имён. Он выдвигает предположение, что имя Балаклай «не случайно и связано с торговым населённым пунктом Балаклава, который имел большое значение в торговле Золотой Орды» [8,с.5]. Однако имеются расхождения, которые автор хоть и указал, но оставил их без должного внимания, во-первых, в 1258 г. в Новгороде правил князь Роман, а не Шварн, во-вторых, согласно другим белорусско-литовским летописям Балакай громит не Шварн, а князь Скирмунт. Таким образом, данная проблема осталась открытой.

Какой же основной источник по борьбе литовских князей с Балаклаем? Это Хроника Быховца, а все остальные источники, в которых указан этот предводитель, основаны на ней. Основными же источниками, повествующим нам о нашествии Бурундая, являются Галицко-волынская летопись и Густынская. Для того, чтобы выяснить кем же являлся Балаклай, был ли он настоящим персонажем или нет, есть ли какая-то связь между ним и Бурундаем, нужно провести анализ данных событий.

Стоит начать с Хроники Быховца. Этот источник повествует нам об истории Великом княжестве Литовском до 1506 года. Найден был случайно в 1830 году в библиотеке

помещика Быховца, а в 1846 году литовский историк Теодор Нарбут его издал. Хроника Быховца полна противоречий и легенд, например, с самого начала идёт повествование о том, что предками литовского народа являются римляне: «князь Палемон породил трёх сыновей...» [4,с.35]. Данный источник основан на Ипатьевской летописи и на литовских сказках и преданиях. Если касаться историографического вопроса, то первым, кто обратил внимание на Хронику Быховца, является И. Данилович. Он в своей статье делит хронику по содержанию на три части: первая является баснословным, вторая взята из материалов Ипатьевской летописи, а третья была додумана самим автором Хроники. С резкой критикой источника выступил профессор Киевского университета Б. В. Антонович. Он заявил, что хронист «собрал множество легенд, сложившихся в качестве местных и родовых преданий...» [6,с.14]. Особенно он остановился на месте, где описывается захват Киева Гедимином. Исследователь считает, что были допущены хронологические и топографические ошибки, которое привели к искажению многих событий и путанице. Например, по мнению Антоновича перепутано название города и реки, которых не существовало, что и привело к тому, что автор Хроники искажил имя князя, захватившего Киев. Захват осуществил Ольгерд, а не Гедимин. С противоположной точкой зрения выступил ещё один профессор киевского университета Н. Дашкевич. Несмотря на то, что исследователь также назвал этот источник сомнительным, он всё-таки придерживался точки зрения о том, что именно Гедимин завоевал украинские земли [4,с.14]. М. К. Любавский считал, что хроника содержит в себе сведения, которые заслуживают доверие, но в силу того, что автор источника неумело их собрал, стоит к ним относиться критически. [4,с.23]. И. Тихомиров в своей работе считает, что хроника написана на основании народных сказок и преданий, ипатьевской летописи, отдельных сказаний и записей, погодных записей [4,с.22]. Т. Сушицкий в своей монографии предположил, что хроника Быховца основана на разных источниках, что делает её одним из самых сложных по содержанию [4,с.23].

Таким образом, проведя небольшой критический и историографический анализ, можно сделать вывод, что Хроника Быховца хоть и содержит ценную информацию об истории Великого княжества Литовского, это недостоверный источник, в котором перепутаны различные названия, имена персонажей, а также имеются события неподтверждённые русскими источниками в тот же период. А теперь стоит вернуться и к проблеме, которая нас больше всего волнует в данной статье.

Реален ли был Балакалай? Об этом персонаже повествуется только лишь в Хронике Быховца и источниках, которые на ней основаны. Всё начинается с того, что сначала Балакалай потребовал дани: «требуя, чтобы тот давал дани и баскаков его содержал», а затем описывается дальнейшее развитие конфликта [4,с.40]. Примечательно, что в летописи Красинского и Хронике Быховца один и тот же сюжет развития конфликта, но разные имена князей литовских. Если в Хронике упомянут Скирмунт, то в летописи Красинского-Шварн. Последний как раз и являлся современником Бурундая, хоть и не был тогда правителем Литвы, но в дальнейшем им стал. Именно этот момент является важным аргументом к тому, что Балакалай и Бурундай-это один и тот же персонаж, но какие же имеются контраргументы? Для этого нам нужно будет сравнить данный конфликт в русских и литовских летописях.

Начнём с того, как в источниках трактуется начало конфликта. В Хронике Быховца причиной прихода Балакалая является отказ литовского князя Скирмунта платить дань: «князь великий Скирмунт исполнить этого не захотел», но перед тем, как совершить поход на литовские земли, Балакалай подверг разорению русские земли: «и пошёл на Русскую землю, и много зла причинил Русской земле», однако не указывается какие именно города были подвергнуты разорению [4,с.40]. Логично предположить, что татарские полчища перед тем, как совершить вторжение в Литву, разорили часть южнорусских городов. Совершенно другая картина вырисовывается в Ипатьевской летописи. Причина нашествия Бурундая кроется в активизации политики литовских и русских князей против монгольского темника «Коуремьса», в Хронике же конфликт произошёл, как мы знаем, из-за того, что Литва отказалась платить дань [2,с.840]. Можно предположить, что настоящая причина

действительно кроется в выплате дани, но нельзя при этом игнорировать русские источники, ведь в них о выплате дани ничего не сказано. Но разберём ещё одно противоречие. Если в Ипатьевской летописи Бурундай приказывает Даниилу Галицкому идти на Литву: «после же послы. к Данилови река. идоу на Литвоу.», и его брат Василько отправляется с Бурундаем в Литву: «еха Василько за брата.» [2,с.846], то в Хронике Быховца совсем наоборот Балакалай нападает вначале на русскую землю: «и пошёл на Русскую землю, и много зла причинил Русской земле», а затем уже на литовскую. Действительно, Бурундай нанёс урон русскими городам, но в ипатьевской и густынской летописи указывается, что это было сделано после похода на Литву [4, с. 40]. Таким образом, мы видим явное противоречие между литовскими и русскими источниками. Обратимся к дальнейшему развитию конфликта. По Хронике Быховца описывается столкновение литовского князя Скирмунта с Балаклаем: «и встретил его на своей границе, в Койданове» [4,с.40]. В этом сражении Скирмунт «разгромил царя и всю силу татарскую побил» [4,с.40]. Можно предположить, что это было частичное столкновение в период нашествия Бурундая, но не в ипатьевской летописи, не в густынской летописи не указывается этого населённого пункта. Вот какой момент ещё интересен: в летописи Красинского против Балаклая выступил не Скирмунт, а Шварн: «А князь великий Шварно, събравши все вси войска свои, и поткал его на граници своеи в Коиданове, и поразил того царя» [3,с.130]. Он является современником нашествия Бурундая, что может служить весомым доказательством, к тому, что Бурундай и Балакалай – одна и та же историческая личность. Этой точки зрения придерживается В. А. Ледник в своей статье: «Социально-политические взаимоотношения (1240–1420 гг.)». Стоит обратить внимание на аргументы, на которые ссылается исследователь. Он, опираясь на летопись Красинского, где был упомянут, не Скирмунт, а Шварн, который, как было ранее указано ранее, является современником Бурундая, выдвигает предположение об идентичности двух полководцев [8,с.5]. Также исследователь обращает на этимологию имён, считая их родственными словами и предполагая, что населённый пункт Балаклава связан с именами Бурундай и Балакалай. Да, эти имена имеют тюрко-язычное происхождение, Балакалай и Балаклава действительно могут быть родственны по происхождению, но автор не приводит никаких аргументов или ссылок по поводу схожести общего корня имён двух полководцев, он лишь предполагает «Искажение имени Бурундай, на Булаклай или Балакалай» [8,с.5]. Примечательно, что В. А. Ледник, ссылаясь на летопись Красинского, где он аргументирует сходство из-за современника событий Бурундая, тут же начинает противоречить своему же выводу. Имеется в виду его предположение относительно того, что недалеко от территории Держинска находится деревня Скирмунтова, название которой связано с битвой под Койданово, но если ссылаться на это, то будет сложно предположить, что Балакалай и Бурундай являются одним персонажем, так как Шварн и Скирмунт жили в разные временные промежутки.

Интересно посмотреть на позицию П. А. Чиргинова. Он считает, не подкрепляя это предположение какой-либо опорой на источники или литературу, что под Койданово одержал победу не Скирмунт или Шварн, а Миндовг, при этом он не называет имени татарского полководца, участвовавшего в этой битве [11,с.49]. Как видно, автор хоть и не предполагает, что Бурундай и Балакалай – это один и тот же персонаж, даже не касаясь этого вопроса, но при этом он доверяет Хронике Быховца, считая, что битва под Койданово действительно была. А дальше, если мы обратимся к дальнейшему анализу источников, то сразу появятся новые контраргументы. По Хронике Быховца конфликт заканчивается походом на русские земли, указывается, что были взяты Мозырь, Чернигов, Стародуб, Карачёв, но если обратимся к летописи Ипатьевской, то увидим, что литовцы воевали с русскими только до нашествия Бурундая под городом Луцк [2,с.839]. Стоит вспомнить ещё один факт, который окончательно развеет все сомнения. Это судьба Бурундая и Балаклая по данным русских и литовских источников. В Хронике Быховца Балакалай в сражении под Койдановым погибает: «и самого царя убил» [4,с.40]. После этого конфликта в литовских

источниках данный персонаж больше не встречается. Теперь обратимся к деятельности Бурундая после конфликта с литовцами по данным русских летописей. В Ипатьевской летописи указывается, что он совместно с русскими князем Василько «воеваша. землю Литовскую. и Нальщаньскоу», после чего татары отправились в Мельник за Даниилом Галицким [2,с.847]. Через год Бурундай снова возвращается, но в этот раз не с целью похода на литовские земли, а ослабления галицко-волынского княжества, так как он отдал приказ русским князьям уничтожить часть населённых пунктов: «Левъ розмета Даниловъ и Стожекъ, оттолѣ же пославъ Львовъ розмѣта, а Василко пославъ Кремянѣчь розмета и Луческъ», что служит весомым аргументом к тому, что нашествия Балаклая и Бурундая – это разные события [2,с.849]. Также ещё стоит привести сведения из Густынской летописи, где даётся краткая информация о военных акциях Бурундая против Литвы и Руси, которые дополняют Ипатьевскую летопись. Не смотря на скудность информации, можно найти сведения о походе Бурундая в Польшу и взятии городов: «Завихвост, Судомир, Краков», что свидетельствует о дальнейшей деятельности Бурундая после военной компании в Литве [1,с.122].

Таким образом, проведя сравнительный анализ источников, мы выяснили, что Бурундай и Балаклая являются разными персонажами, не имеющими ничего общего. Стоит отметить, что Хроника Быховца является недостоверным источником, основанным частью на литовских сказках, при этом подтверждений в русских источниках койдановской битве нет, поэтому можно предположить, что Балаклая как историческая личность не существовал в действительности.

Библиографический список

1. Полное собрание русских летописей / Густынская летопись. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 40. – 190 с.
2. Полное собрание русских летописей / Ипатьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. – 604 с.
3. Полное собрание русских летописей / Летописи белорусско-литовские // В. И. Буганов, Н. Н. Улащик. – М.: Наука, 1980. Т. 35. – 297 с.
4. Хроника Быховца / В. Д. Королюк, С. А. Никитин, К. А. Осина, И. Н. Третьяков, З. В. Удальцова, Н. Н. Улащик. – М.: «Наука», 1966. – 148 с.
5. **Александров М. М.** Великое княжество Литовское и Орда. / М. М. Александров // Научные ведомости, 2011. № 19. С. 99-105.
6. **Антонович В. Б.** Монографии по истории Западной и Юго-Западной Руси / В. Б. Антонович. – Киев: «Киев», 1885. – 355 с.
7. **Вернадский Г. В.** Монголы и Русь / Г. В. Вернадский. – М.: «АГРАФ», – 807 с.
8. **Ледник В. А.** Великое княжество Литовское и Золотая Орда: Социально-политические взаимоотношения (1240-ые -1420-ые гг.) В. А. Ледник. – URL: <http://samlib.ru> (дата обращения: 18.11.2021).
9. **Пашуто В.Т.** Образование Литовского государства / В.Т. Пашуто. – М – Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1959. – 536 с.
10. **Селезнёв Ю. В.** Особенности пребывания князей галицкой и волынской земли при дворе ордынского хана / Ю. В. Селезнёв // Вестник ВГУ: История. Политология. Социология. 2012. № 1. Воронеж. С. 148-150.
11. **Чиргинов П. Г.** 2007. Очерки истории Белоруссии / П. Г. Чирчинов. – Минск: «Высшая школа». – 465 с.

УДК 94 (47)

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)

*Кандидат исторических наук,
начальник 14 ОНИ НИЦ (ППО и УА ВВС)*

В. В. Теплухин

Россия, г. Воронеж,

тел. 8 (908) 130-94-09

e-mail: v.v.teplukhin@mail.ru

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)

*Кандидат исторических наук, научный сотрудник
14 ОНИ НИЦ (ППО и УА ВВС)*

А. В. Князев

Россия, г. Воронеж,

тел. 8 (908) 139-07-37

e-mail: ak848@yandex.ru

Military Educational and Scientific Center of the Air Force « N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)

*PhD in Historical Sciences, Head of the Sciences
Department*

V. V. Teplukhin

Russia, Voronezh,

tel. 8 (908) 130-94-09

e-mail: v.v.teplukhin@mail.ru

Military Educational and Scientific Center of the Air Force « N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)

*PhD in Historical Sciences,
Researcher*

A. V. Knyazev

Russia, Voronezh,

tel. 8 (908) 139-07-37

e-mail: ak848@yandex.ru

В.В. Теплухин, А.В. Князев

УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

В статье проанализированы узловые проблемы истории России начала прошлого столетия, а именно аграрный и рабочий вопросы. Авторы подчеркивают, что в их изучении многое было не столь однозначно, как считалось в советской историографии. Будучи сложными и противоречивыми явлениями, эти вопросы вызывали различную реакцию у современников, а их нерешенность в значительной степени повлияла на падение монархии в России и погружение страны в пучину революций и гражданской войны.

Ключевые слова: Российская империя, аграрный вопрос, рабочий вопрос, нерешенность, противоречия развития, революция.

V.V. Teplukhin, A.V. Knyazev

NODAL PROBLEMS OF RUSSIAN HISTORY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article analyzes the nodal problems of the history of Russia at the beginning of the last century, namely agrarian and labor issues. The authors emphasize that much of their study was not as unambiguous as it was believed in Soviet historiography. Being complex and contradictory phenomena, these issues caused various reactions among contemporaries, and their unresolved issues greatly influenced the fall of the monarchy in Russia and the country's plunge into the abyss of revolutions and civil war.

Key words: The Russian Empire, the agrarian question, the workers' question, indecision, contradictions of development, revolution.

Отмена крепостного права и последовавшие за ней изменения в сельскохозяйственных отношениях не изменили коренным образом положения крестьянства, которое по большей части так и оставалось безземельным. Это задерживало проникновение в деревню капиталистических отношений. Возникал диссонанс между высокими показателями темпов промышленного развития и низкими в сельском хозяйстве.

К тому же развитие заводского и фабричного производства фактически сводило на нет промысловое отходничество, являвшееся хорошим подспорьем для многих крестьян, особенно в нечерноземных областях [1,с.34]. Неудивительно поэтому, что в сложившихся неблагоприятных условиях около половины крестьянских хозяйств были бедняцкими.

Ситуация была парадоксальной в том смысле, что сельское хозяйство являлось той отраслью, которая приносила наибольший доход государству, но развиваться оно продолжало по экстенсивному пути, в то время как в ведущих державах промышленный переворот следовал за аграрным. В Российской империи подобного не наблюдалось. Складывалась ситуация, при которой в российском крестьянстве в социальном и имущественном отношении наблюдалась большая однородность, нежели в других сословиях, а так называемое буржуазное расслоение находилось в зачаточном состоянии. Дискуссионную точку зрения по данному вопросу высказывает Б. Н. Миронов, доказывающий, что расслоение в среде русского крестьянства в значительной степени являлось плодом воображения образованных слоев населения Российской империи. Думается, далеко не все исследователи согласятся с подобным утверждением [2,с.405].

Необходимо отметить, что в высших правительственных кругах имелись сторонники пересмотра аграрной политики. Среди них можно назвать имена министра финансов, возглавившего впоследствии Комитет министров, Н. Х. Бунге, государственного секретаря А. А. Половцова и И. И. Воронцова-Дашкова, являвшегося министром двора и уделов. Во многом благодаря их усилиям был организован Крестьянский поземельный банк, благодаря которому крестьяне могли выкупать земельные участки у дворян или государства [3,с.4]. Однако вследствие действий консервативно настроенных министров внутренних дел Д. И. Толстого и И. Н. Дурново в 1893 г. был принят закон, согласно которому периодические переделы земли внутри общины ограничивались. Более того, крестьянину запрещалось досрочно выкупать надел и выходить из общины.

В обществе не было единого отношения к проблеме сохранения общины. Еще больше разногласий привнес голод 1891–1892 гг. в Черноземье и Среднем Поволжье. Высказывались две противоположные точки зрения: сторонники прогресса все беды перекладывали на недостаток развития капитализма, те же, кому была близка народническая идеология, напротив, выступали за сохранения в деревне традиционного уклада жизни, вина как раз капитализм в ухудшении положения крестьянства. Жесткую критику в адрес либерального народничества, тормозившего, по его мнению, развитие страны по пути капитализма, проводил В. И. Ленин. Он отмечал, что предлагаемые такими деятелями как А. И. Чупров и Н. П. Огановский меры никак не влияют на сохранение традиционного уклада в деревне, а лишь мешают поступательному развитию государства [4,с.7].

Определенные меры в области решения аграрного вопроса в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. связаны с деятельностью назначенного в 1892 г. на должность министра финансов С. Ю. Витте. В историографии можно встретить диаметрально противоположенные оценки его деятельности, что неудивительно, если учесть, что он находился на самых высоких государственных постах в переломный период развития Российской империи, приковывая самое пристальное внимание общественности к своей политике.

Основную роль в успешном реформировании всех сфер государственной жизни он отводил укреплению финансово-кредитной системы. Одной из мер в данном направлении было введение золотой валюты, о чем С. Ю. Витте в подробностях писал в своих воспоминаниях [5,с.415–423]. Он считал, что государство может способствовать улучшению положения дел в деревне посредством предоставления кредитов, увеличения железнодорожной сети, упорядочения торговлей продукцией сельского хозяйства, расширения внутреннего рынка, которое должно было происходить вследствие развития промышленности, решавшего проблему обеспечения работой значительной массы свободных рук. Правда одновременно правительство вынуждено было принимать меры по

поддержанию частновладельческих, помещичьих хозяйств, так как дворянство продолжало оставаться главной опорой трона, несмотря на существенное снижение благосостояния [6, с. 328]. При этом, как справедливо отмечает И. В. Берснева, первоначально С. Ю. Витте имел слабое представление о сущности крестьянского вопроса, однако после общения с Н. Х. Бунге ему удалось восполнить пробелы в своих знаниях [3, с. 5].

В области кредитования крестьянского населения помимо создания Крестьянского земельного банка организовывались всевозможные общества взаимного кредита, акционерные поземельные банки и прочие частные кредитные организации. Для ограничения непроизводительного использования кредитов в 1896 г. были приняты «Временные правила о ссудах на сельскохозяйственные улучшения», которые дали старт появлению мелиоративного кредита. Казначейство, ассигновавшее средства на организацию специального фонда, направляло эти кредиты на строительство перерабатывающих сельхозпродукцию предприятий, осушение, орошение земель и другие нужды. Кроме того через Государственный банк немного позднее Министерство финансов начало осуществлять выдачу сельским хозяевам краткосрочных кредитов. При этом отличием от предыдущего времени стало то, что буржуазные, то есть всесословные, кредитные учреждения. Однако справедливости ради стоит отметить, что как и мелиоративные, так и краткосрочные кредиты не получили широкого распространения в Российской империи в тот период [1, с. 35].

В 1898 г. С. Ю. Витте предложил новую программу аграрных преобразований. Она должна была уравнивать крестьян в правах с представителями других сословий и предоставить им права беспрепятственного выхода с землей из общины. Кроме того, предполагалось снять ограничения, касающиеся свободы передвижения сельских жителей. В записке к императору Николаю II министр настаивал на необходимости закончить крестьянскую реформу, сделав крестьянина полноправным членом общества [7, с. 533]. Тем самым он рассчитывал, в первую очередь, укрепить самодержавие за счет расширения социальной базы мелкими собственниками. Однако, как и в предыдущих своих попытках, С. Ю. Витте и в этот раз встретил сильную оппозицию в лице уже упоминавшегося И. Н. Дурново, а также влиятельного обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева и государственного секретаря В. К. Плеве. Последний будущее России продолжал упорно связывать с дворянством, вероятно, не замечая, что оно все больше теряло общественное влияние.

Тем не менее, в следующем году министр финансов вновь составляет для императора записку, где приводит доказательства в необходимости освобождения крестьянина от опеки, как со стороны общины, так и местных властей. Однако длительное время все попытки С. Ю. Витте разрешить путем реформ аграрный вопрос оканчивались безрезультатно, ибо наталкивались на непонимание императора и противодействие дворянских кругов во власти. Однако, как справедливо замечает Р. В. Федосеев, постепенно дворянские привилегии утрачивались, и они сближались с другими социальными группами [8, с. 46].

Лишь события 1902 года, когда по стране прокатилась волна крестьянских выступлений, сопровождавшаяся захватом ими помещичьих земель, заставила Николая II согласиться на создание Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Возглавил его, естественно, С. Ю. Витте. Параллельно действовала под руководством В. К. Плеве Редакционная комиссия по пересмотру законодательства о крестьянах Министерства внутренних дел. Это убедительно демонстрирует колебания императора в области аграрного вопроса, когда параллельно действовали две структуры, одна направленная на реформирование положения крестьян, другая – на его консервацию [3, с. 6]. Однако разработки обеих комиссий так и остались на бумаге.

Согласно замыслу ставшего в 1903 г. председателем Комитета министров С. Ю. Витте создавались губернские и уездные комитеты на местах, в которые входили чиновники, представители земств и сами крестьяне, чиновники Министерства финансов командировались за границу для овладения иностранным передовым опытом в этом вопросе.

Кроме того, в июле 1903 г. был создан Особый по делам земельного кредита Комитет, в который вошли министры финансов, внутренних дел, госконтроля и земледелия, а также назначенные императором лица [1,с.36]. В обязанности Комитета входило ежегодное рассмотрение отчетов Крестьянского и Дворянского банков, контроль деятельности казенных ипотечных банков и недопущение злоупотреблений со стороны их администрации.

По инициативе С.Ю. Витте главноуправляющим землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлером был подготовлен один из проектов аграрных преобразований, предполагавший частичное отчуждение земель у помещиков. Однако Николай II, опасавшийся недовольства дворянства, сразу же этот вариант отверг. Сам глава Комитета министров подготовил в 1904 г. «Записку по крестьянскому делу» [9]. Впервые она была опубликована в приложении к «Вестнику финансов, промышленности и торговли». В значительной степени ее содержание предопределило те мероприятия, которые впоследствии осуществит П. Н. Столыпин, с той лишь разницей, что последний сделает упор на рациональном землеустройстве, в то время как автор «Записки» акцентировал внимание на юридических и гражданско-правовых аспектах. Отметим, что С. Ю. Витте так и не решился на практике реализовать те положения, которые развивал в представленном императору документе. Впоследствии в своих мемуарах он будет сетовать на то, что все его мероприятия в области аграрного вопроса будут встречать самое активное сопротивление со стороны консервативно настроенных чиновников, прежде всего В. К. Плеве [5,с.502–503]. Убийство последнего укрепили позиции главы правительства. Тем не менее, в силу начавшейся русско-японской войны 1904–1905 гг. и последовавшей за ней революции 1905–1907 гг. ему так и не удалось решить аграрный вопрос.

Таким образом, непоследовательная и противоречивая политика российского руководства на рубеже XIX–XX вв. в области крестьянского вопроса, характеризующаяся наличием противоположных мнений на пути реформирования, оказалась безрезультатной. Причины этого заключались, с одной стороны, в исключительно бюрократическом решении проблемы, с другой – в особенностях социальной системы, при которой продолжали доминировать интересы дворян [3,с.7]. В итоге даже запоздалое проведение реформ П. А. Столыпина, также сопровождавшееся противодействием, как правительства, так и опасавшихся потерять влияние в массах революционеров, не привело к решению аграрного вопроса, что стало одной из причин Революции 1917 г. и крушения самодержавия в России.

Помимо аграрного, еще одним «проклятым» вопросом российской истории начала прошлого столетия был рабочий вопрос. Как отмечает крупный отечественный ученый Ю. И. Кирьянов, оформление рабочих как особого сословия, пусть и незафиксированное юридически, происходит в середине 1980-х гг. К этому же времени относится процесс распространения фабричной инспекции по всей территории европейской части России. Характерными чертами рабочего движения становятся стачки и забастовки. Активную роль в зарождающемся рабочем движении стремиться играть социал-демократия [10, с. 40].

Исследование данной проблемы, вероятно, было еще популярнее в советскую эпоху, нежели изучение вопроса аграрного, однако большинство появлявшихся работ было выдержано в единой стилистике. Поэтому, несмотря на казалось бы вполне исследуемую тему, исследования различных аспектов рабочего вопроса продолжается и сейчас. О необходимости этого для лучшего, качественно нового, понимания истории России, пишет историк И. В. Федотов. Он подчеркивает, что в значительной степени снижение исследовательского интереса к данной проблеме произошло из-за перенасыщения в свое время общества марксистско-ленинской трактовкой рабочего вопроса и отсутствием у современных обывателей стремления к «повторению» пройденного [11, с. 61].

Не подлежит сомнению, что одним из факторов, способствовавших формированию рабочего вопроса как социальной проблемы в Российской империи было стремление предпринимателей миксимально снизить расходы на заработную плату работникам, дабы увеличить прибыльность производства. Это приводило к обострению отношения со стороны рабочих. При этом сомнительным выглядит вывод исследователя П. Г. Гальченко об

иллюзорности «массового прогрессирующего обнищания трудящихся в условиях промышленного капитализма» [12, с. 8].

В современной отечественной историографии большое значение при исследовании рабочего вопроса уделяется юридическим и психологическим аспектам. Так, Н. В. Михайлов прослеживает влияние такого фактора, как формирование рабочего класса в России из выходцев из крестьянской общины. По его мнению, потребовался определенный период времени, чтобы попавшие в рабочую среду отходники из одного «мира» перестали неосознанно сближаться друг с другом в попытках сохранить привычный образ жизни. Для рабочих к концу XIX столетия подобная стратегия становится обыденной. Большую роль играют различные землячества, действующие нередко в том русле, что бригадир артели мог принимать на работу исключительно своих земляков, либо в случае выбора отдавал предпочтение тем, кто вышел из его бывшей крестьянской общины [13, с. 150–151]. В этом проявлялась некая архаичность мировоззрения русских рабочих, стремившихся вопреки действующим законам нередко руководствоваться в общении друг с другом нормами обычного права. Отмена крепостного права, обезземеливание, либо малоземелие многих крестьян приводили к их переселению в города. Резкий скачок урбанизационных процессов, характерный для конца позапрошлого века приводил к тому, что многие рабочие фабрик и заводов вынуждены были в поисках лучшей доли переселяться в города, оставляя семьи на привычном месте обитания, что, безусловно, накаляло обстановку. Однако нередко многие из них в периоды сельскохозяйственных работ возвращались в родные места обитания, а после уборки урожая, либо его посева, вновь приступали к работе на фабриках и заводах. А. Г. Рашин в своем исследовании приводит статистические данные, подтверждающие, что определенная часть рабочих еще долго продолжала подобную практику [14, с. 565–568].

По мнению Ю. И. Кирьянова, к началу XX в. общая численность всех категорий рабочие (фабрично-заводские, чернорабочие, грузчики, занятые в строительстве, сельском хозяйстве, кустарном и ремесленном производстве, на земляных рабочих) составляла около 14 миллионов человек, то есть примерно 10% населения страны [10, с. 41]. Значительная часть из них сохраняла тесную связь с деревней, то есть, вынуждена была определенную долю своего невысокого дохода отправлять домой. Кроме того, рабочий во втором, а, тем более, в третьем поколении, был на тот период большой редкостью. Для представителей рабочего класса, весьма неоднородного в целом по составу, было характерно почитание Бога и царя, приверженность нравственно-бытовым традициям и уважительное отношение к властям и владельцам тех предприятий, на которых они трудились. Однако те условия, в которых протекала повседневная деятельность рабочих постепенно приводили к тому, что у них возникало противоречие с вышеперечисленными традиционными скрепами, началось осознание материальной и правовой неустроенности собственной жизни [15, с. 6].

Возвращаясь к заработной плате, следует отметить, что, вопреки советским клише, ее размер возрастал, однако не столь быстро, как хотелось бы рабочим и отставал от роста цен, особенно на товары промышленного производства. При этом рост размера заработной платы у квалифицированных рабочих приблизительно в 2–2,5 раза превышал аналогичные показатели для неквалифицированных работников [16, с. 82] (однако были ситуации, когда заработную плату выдавали так называемой натурой – мукой, сахаром, крупой, чаем [17, с. 5–6] и т.д.). Взаимоотношения между данными категориями рабочих также приводили к возникновению конфликтных ситуаций на производстве. Те рабочие, которые относительно недавно покинули свою общины оказывались в стрессе от того, что был силен контраст между семейными общинными отношениями в деревне, и той формой взаимоотношений которая сложилась как между работниками на предприятии, так и между персоналом и хозяевами [13, с. 153]. Н. В. Михайлов акцентирует внимание на том, что привыкшие к определенному сельскому ритму сезонных работ многие выходцы из деревни попадали в условия, в которых от них требовался ежедневный монотонный труд. Особенно ожесточенно они встречали попытки его интенсифицировать, предпринимаемые чаще всего мастерами

или администрацией из числа иностранцев. Как отмечает историк, при добавлении к этому грубости и нарушений привычных норм поведения, неудивительно, что «выступления рабочих отличались особой жестокостью вплоть до погромов» [18]. К слову, он высказывает дискуссионное мнение о том, что условия проживания рабочих и их повседневную жизнь следует рассматривать с точки зрения привычной им крестьянской среды, а не через призму оценок фабричной или заводской инспекции. Имелось в виду, что для российского рабочего начала XX столетия та антисанитария, отсутствие необходимого жизненного пространства, фактическая невозможность частной, интимной жизни, которые сопровождали его существование в казармах или угловых квартирах ничем, по сути, не отличались от тех условий, в которых он проживал в сельской крестьянской общине. Насколько справедливо подобное суждение, сказать сложно, тем не менее подобная точка зрения имеет хождение в современной отечественной историографии. Однако, например, Ю. И. Кирьянов не разделяет подобную позицию, приводя в пример неоднократные жалобы рабочих разных губерний на низкую оплату труда, чрезмерную продолжительность и тяжелейшие условия работы, невозможность нормально отдохнуть в тех условиях, которые создавались в рабочих казармах. В качестве примера он приводит выдержки из прокламации под названием «Ко всем харьковским рабочим», появившейся в 1898 г. В ней авторы, подписавшиеся лаконично «Рабочие» выдвигают ряд требований: повешения заработной платы, снижения продолжительности рабочего дня, ликвидацию сверхурочных работ и штрафов, запрет на работу в воскресные и выходные дни, более гуманного отношения со стороны администрации [18]. Безусловно, к составлению подобной прокламации были привлечены члены каких-то революционных партий, которые стремились неустроенность условий труда и быта использовать в собственных политических целях. Однако подобные призывы появлялись не на ровном месте, а указанные недостатки действительно имели место быть.

Значительную роль для трансляции данных проблем неустроенности быта и рабочих условий трудящихся хозяевам предприятий и органам власти играла деятельность фабричных инспекторов. Ю. И. Кирьянов приводит в статье выдержки из подготовленного совещание фабричных инспекторов Московского губернии документа, в котором были обобщены наиболее насущные проблемы рабочего класса и те требования, которые выдвигались трудящимися для улучшения условий труда и отдыха [10, с. 42]. Он подчеркивает, что обозначенные проблемы были характерны не только для Московской губернии, но и для других областей и губерний огромной империи.

Интересные сведения содержатся в «Записках» фабричного инспектора С. Гвоздева, которые были составлены, как указывает сам автор, за период практических наблюдений в 1894–1908 гг. Он сетует на то, что в период своей деятельности на данной должности сталкивался с недоверием, как фабрикантов, так и рабочих. Очень часто непосредственное начальство не удовлетворялось донесениями, в которых шла речь о тяжелых условиях труда и неустроенности быта, подозревая инспектора в сочувствии социал-демократическим или иным революционным идеям. Либо, с другой стороны, недовольство могло идти со стороны рабочих и им сочувствующих, если официальные данные, поданные фабричным инспектором, описывали ситуацию на производстве как соответствующую всем нормам. Еще одной отрицательной стороной своей работы С. Гвоздев называет постоянный шпионаж со стороны низших чинов полиции, свидетельствующий о недоверии государства [19, с. 263]. Сходные мысли высказывал советский ученый В. Ю. Гессен, доказывавший что в годы, предшествовавшие первой русской революции владельцы фабрик и заводов усилили административный нажим на рабочих, всячески ущемляя их в правах, а фабрично-заводским инспекторам угрожая расправой за обнародование данных об ухудшении положения работников [20, с. 115].

При исследовании условий на производстве необходимо учитывать, что до конца XIX в. в Российской империи отсутствовала единая стратегия по обеспечению рабочих, получивших различные производственные травмы [21, с. 10]. Во многом это зависело от того, что фабрично-заводское законодательство находилось еще в стадии оформления,

отсутствовал единый подход в оценках тех или иных аспектов труда рабочих и условий их быта. К тому же, как справедливо отмечает отечественный исследователь Н. В. Демидов, в значительной степени оформленность законодательства зависела от роста правосознания трудящихся, который в условиях низкой образованности населения Российской империи и отсутствия широких прав и свобод происходил медленно. Проблема также осложнялась тем, что в высших сферах власти нередко смотрели на расширение прав и требований определенных гарантий со стороны рабочих как на крамолу, которую необходимо было искоренять силовыми методами. На деле же ситуация требовала именно разработки столь необходимого законодательства. Лишь к концу XIX в. происходит «осмысление проблем рабочего законодательства со стороны прослойки администраторов» [22,с.8]. Иными словами, их сословное мировоззрение наконец-то трансформируется в национальное.

Осознавая необходимость ускорения промышленного развития страны, правительство все же обратило пристальное внимание на рабочий вопрос, прежде всего, на корректировку рабочего законодательства. Так, во многом благодаря стараниям министра финансов С. Ю. Витте 2 июля 1897 г. был обнародован фабричный закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности». Согласно ему, продолжительность рабочего дня не могла превышать 11,5 часов в обычные дни и 10 часов в субботу, праздники и в ночные смены. При этом специально оговаривалось, что при рудничных работах время, затрачено на спуск и подъем из шахты засчитывалось как рабочее [23,с.57]. Кроме того, новый закон определил количество рабочих и нерабочих дней в году. Ограниченный характер этого закона заключался в распространении его действия исключительно на рабочих, трудившихся в промышленности на постоянной основе, то есть касался лишь 20% из общего числа представителей рабочего класса Российской империи [24]. Кроме того, от фабричной инспекции освобождались предприятия с численностью работников менее 20 человек. По мнению советского историка В. Я. Лаверычева, изданием подобного закона правительство стремилось продемонстрировать рабочему классу заботу власти о нем, хотя практическая значимость предложенных реформ не улучшала значительно положение рабочего класса [25, с. 97].

Отметим, что к началу XX в. продолжительность рабочего дня в России, несмотря на сокращение, была все же выше, чем в передовых европейских странах и США. К тому же, изданный в марте 1898 г. циркуляр Министерства финансов, по сути, дискредитировал закон 1897 г., разрешая применение сверхурочных работ без каких-либо ограничений.

Подчинение фабричной инспекции Министерству внутренних дел позволяло держать под строгим контролем те сведения, которые подавались в результате проверок условий труда и быта трудящихся. По сути, получался замкнутый круг, когда рабочие через фабричных инспекторов пытались донести до правительства сведения о своих насущных проблемах, но отчеты, попадая в руки сотрудникам МВД, выхолащивались. Неудивительно поэтому, что со временем рабочие все чаще начинали выражать свои требования в протестной форме, организуя забастовки и стачки, активно вовлекаясь в революционные движения [26,с.161]. Как отмечает крупный отечественный историк Р. Ш. Ганелин, медлительность и противоречивость правительственных кругов в области решения рабочего вопроса привела в итоге к победе революционного, а не реформистского способа его разрешения [27, с. 406].

Таким образом, нерешенность рабочего вопроса перед началом русской революции 1905-1907 гг. стала одной из причин революционных событий. Если первая масштабная российская революция в XX столетии не привела к свержению самодержавия, то спустя 12 лет нерешенность тех же проблем стоила Николаю II трона, а страна погрузилась в пучину Гражданской войны.

Библиографический список

1. **Муравьева Л. А.** Аграрный вопрос в России в конце XIX – начале XX века // Финансы и кредит. – 2002. – № 4. – С. 34–41.
2. **Миронов Б. Н.** Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1. – СПб: Дмитрий Буланин, 2000. – 548 с.
3. **Берснева И. В.** Аграрная политика российского правительства в конце XIX – начале XX века: поиск путей развития // Гуманитарный вестник. – 2015. – № 6. – С. 1–11.
4. **Васильев В. В.** Аграрные отношения в России конца XIX – начала XX века в публицистике либеральных народников, А. И. Чутров и Н. П. Огановский: дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2000. – 166 с.
5. **Витте С. Ю.** Воспоминания. Полное издание в одном томе. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2010. – 1247 с.
6. **Барина Е. П.** Российское дворянство начала XX века в воспоминаниях современников // Известия Самарского научного центра РАН. – 2007. – Т. 9. – № 2. – С. 327–335.
7. **Корелин А. П.** С.Ю. Витте и аграрный вопрос в России в конце XIX – начале XX века. Экономическая история XIX–XX вв.: современный взгляд. – М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – С. 524–546.
8. **Федосеев Р. В.** Правовой статус дворянского сословия в России в конце XIX – начале XX века // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2018. – № 3. – С. 45–55.
9. **Витте С. Ю.** Записка по крестьянскому делу Председателя высочайше учрежденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, Статс-секретаря С. Ю. Витте. – СПб.: Тип. Киршбаума, 1904. – 106 с.
10. **Кириянов Ю. И.** Рабочие в России на рубеже XIX–XX веков [Электронный ресурс] // История России на рубеже веков. – URL: http://russiabgu.narod.ru/pages/themes/txt/kiryanov_rabochie_v_rossii.pdf.
11. **Федотов И. В.** Рабочий вопрос в российском обществе конца XIX – начала XX веков как проблема современной российской историографии // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, кн. 2, ч. 2. – С. 58–62.
12. **Гальченко П. Г.** Рабочий вопрос в России XIX – начала XX века (социально-экономический аспект): автореферат дис. ... канд. эконом. наук. – М., 2003. – 22 с.
13. **Михайлов Н. В.** Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861 – февраль 1917 г.: материалы международного научного colloquium «Рабочие России второй половины XIX – начала XX века: облик, менталитет, рабочие и общество, рабочие и интеллигенция, Санкт-Петербург, 12–15 июня 1995 г. – СПб.: СПбИИРАН, 1995. – С. 149–165.
14. **Рашин А.Г.** Формирование рабочего класса России: историко-экономические очерки. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 623 с.
15. **Герасимов В. Г.** Жизнь русского рабочего. Воспоминания. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 64 с.
16. **Новиков А. В.** Рабочая история промышленной модернизации дореволюционной России в современной отечественной историографии // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 6. – С. 80–88.
17. **Студитов-Парфенов Н. И.** От стачек к Октябрю. Воспоминания рабочего Лысьвенского завода. – М.: Старый большевик, 1935. – 134 с.
18. **Михайлов Н.В.** Русский рабочий в начале XX века [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук. – URL: <http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2014/03/Михайлов-доклад.pdf>.

19. **Гвоздев С.** Записки фабричного инспектора. Из наблюдений и практики в период 1895–1908 гг. – М.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1911. – 263 с.
20. **Гессен В. Ю.** История законодательства о труде рабочей молодежи в России. – Л.: изд-во Ленингр. Губпрофсовета, 1927. – 134 с.
21. **Напалкова И.Г.** Рабочий вопрос в России в XIX – начале XX века: традиции социального патернализма: автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2005. – 22 с.
22. **Демидов Н.В.** Правосознание как фактор возникновения фабрично-заводского законодательства Российской империи // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 29. – С. 5–14.
23. Фабричные законы. Сборник законов, распоряжений и разъяснений по вопросам русского фабричного законодательства / сост. М. Балабанов. – М.: б.и., 1909. – 266 с.
24. **Куприянова Л.В.** «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс] // Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. – URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/Kupriyanova.htm>.
25. **Лаверычев В.Я.** Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917). – М.: Мысль, 1972. – 340 с.
26. На заре рабочего движения в Москве. Воспоминания участников Московского рабочего союза (1893–95 гг.) и документы / сост. С. И. Мицкевич. – М.: Издательство политкаторжан, 1932. – 263 с.
27. **Ганелин Р.Ш.** Рабочее и социалистическое движение в представлениях российских сановников-реформаторов начала XX века // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861 – февраль 1917 г.: материалы международного научного colloquium «Рабочие России второй половины XIX – начала XX века: облик, менталитет, рабочие и общество, рабочие и интеллигенция, Санкт-Петербург, 12–15 июня 1995 г. – СПб.: СПбИИРАН, 1995. – С. 397–411.

*Независимый исследователь
О.Д. Федченко
Россия, Брянск,
E-mail: vukby@yandex.ru*

*Independent researcher
O.D. Fedchenko
Russia, Bryansk,
E-mail: vukby@yandex.ru*

О.Д. Федченко

НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ НА РУСЬ: БИТВА НА СИТИ И ОСАДА КОЗЕЛЬСКА

В статье рассматриваются события 1237-1238 годов в Древней Руси. На основе древнерусских летописей воссоздается маршрут похода Батыя на Северо-Восточную Русь. Произведена локализация места битвы у реки Сить, где монголы разбили дружину князя Георгия Всеволодовича. Показан путь Ярослава Всеволодовича из Киева во Владимир и дан анализ, почему он не успел на помощь к своему брату – Великому князю владимирскому Георгию. Объяснено, что именно подход Ярослава заставил ордынцев резко изменить маршрут и не идти на Новгород. Высказано предположение, что в походе на Северо-Восточную Русь принимали участие около 15 тысяч монгольских всадников. Русские князья смогли выставить в трех главных сражениях по 2-2,5 тысячи воинов. Определена тактика походов монголов: ротация туменов при продвижении, осаде и штурме городов.

Исторические документы и логика развития событий указывают, что осада Козельска произошла осенью 1238 года во время похода Батыя в верхнее Поочье. Реконструирован маршрут данного похода.

Ключевые слова: Русь, Батый, Рязань, Ока, Ярослав Всеволодович, Александр Невский, Георгий Всеволодович.

O.D. Fedchenko

BATU'S INVASION OF RUSSIA: BATTLE OF THE CITY AND THE SIEGE OF KOZELSK

The article examines the events of 1237-1238 in Ancient Russia. On the basis of ancient Russian chronicles, the route of Batu's campaign to North-Eastern Russia is being recreated. The site of the battle near the Sit River, where the Mongols defeated the squad of Prince Georgy Vsevolodovich, was localized. The path of Yaroslav Vsevolodovich from Kiev to Vladimir is shown and an analysis is given of why he did not have time to help his brother - the Grand Duke of Vladimir George. It is explained that it was Yaroslav's approach that forced the Horde people to abruptly change the route and not go to Novgorod. It is suggested that about 15 thousand Mongolian horsemen took part in the campaign to North-Eastern Russia. Russian princes were able to field 2-2.5 thousand soldiers in three main battles. The tactics of the Mongols' campaigns have been determined: rotation of the tumens during the advancement, siege and storming of cities. Historical documents and the logic of the development of events indicate that the siege of Kozelsk took place in the fall of 1238 during Batu's campaign to the upper Poochy. The route of this trip was reconstructed.

Key words: Rus, Batu, Ryazan, Oka, Yaroslav Vsevolodovich, Alexander Nevsky, Georgy Vsevolodovich.

Введение

Одной из важных летописных страниц истории Северо-Восточной Руси стала битва на Сити в 1238 году. Дружина владимирского князя Георгия (Юрия) Всеволодовича была разгромлена монгольским отрядом. После такого поражения русские территория Волго-Окского междуречья попала в зависимость от Орды.

Однако историками до сих пор не определились с местом битвы. Основная версия относит место сражения к верховьям Сити, другие исследователи считают, что войска бились вдоль среднего течения реки [16, с. 36-37].

Основная часть

Чтобы разобраться в этой давней истории, обратимся к первоисточникам и попытаемся понять логику произошедших событий. Согласно сведениям русских летописей, 21 декабря Батый взял Рязань, затем пали Коломна и Москва, 3 февраля ордынцы подошли к Владимиру, из которого накануне ушел Юрий Всеволодович с малой дружиной, оставив город на своих сыновей. Штурм Владимира и его падение случились 7 февраля 1238 года. Пока была осада Владимира отряд ордынцев успел совершить набег на Суздаль.

Приведенный исторический отрезок нам интересен тем, что позволяет определить скорость передвижения монгольских отрядов. Маршрут Рязань – Коломна – Москва – Владимир примерно в 500 км с боями неприятель преодолел за 43 дня, т. е. до 15 км в день. Налет Владимир – Суздаль – Владимир в 100 км был совершен за 4 дня – до 30 км в день (без обозов). Аналогичную скорость передвижения монгольских отрядов признают и исследователи, хотя применяют ее избирательно [Караганов 2008: 148]. Тогда можно высчитать, Рязань была взята 21 декабря, Коломна (от Рязани – примерно 120 км) – 1-2 января, Москва (от Коломны – примерно 150 км) – 15-16 января, Владимир (от Москвы – примерно 250 км) – 7 февраля.

В такой картине сразу обращает на себя внимание противоречие с походом тумана на Торжок. При одинаковых условиях (около 500 км) маршрутов Рязань – Коломна – Москва – Владимир и Владимир – Переяславль-Залесский – Тверь – Торжок (через Волоколамск – еще длиннее) в первом случае ордынцы двигались почти 6 недель, тогда как во втором – 2 недели (к Торжку неприятель подошел 22 февраля), из которых 5 дней потратили на осаду Переяславль-Залесского, уверяют историки. За такой промежуток монголы могли преодолеть не более 300 км (из расчета 15-20 км в день с обозом), следовательно, они не могли попасть в Торжок из Владимира. В то же время, Москва пала 15-16 января, от неё до Торжка около 400 км, или почти 5 недель ходу (маршрут в современных топонимах: по Москве-реке – Волоколамск – Тверь – Торжок), т. е. часть ордынцев пошла на северо-западные окраины после взятия и разграбления Москвы и окрестностей, основные силы сразу направились к Владимиру.

Ошибаются историки, которые считают, что к Торжку ордынцы направились после битвы на Сити. Сражение случилось 4 марта, а Торжок после двухнедельной осады был взят 5 марта – очевидно полное хронологическое несоответствие событий, связанных с походом к Торжку от Сити.

Странной выглядит попытка исследователей объяснить отказ от похода Батыя на Новгород приближающейся распутицей и лежащими впереди лесами да болотами. В то же время, по логике историков, идти через Брынские леса и 7 недель (до мая) осаждать Козельск ордынцы могли и вовсе не боялись ни весеннего разлива, ни лесных массивов.

Если мы посмотрим на карту, то Козельск выпадает из маршрутного листа Батыя и находится в труднодоступном месте за дремучими лесными массивами, тогда как ордынцы придерживались замерзших крупных речных артерий. Кроме того, мы вновь обращаем внимание на временной период – от Торжка до Козельска монголы должны были преодолеть

более 1000 км (с учетом крюка к Игнач кресту и, как некоторые историки считают, взятием Вщижа) за 3 недели (!). Откуда такая прыть взялась у измотанных монголов, исследователи предпочитают не объяснять. Остается открытым и вопрос: зачем так далеко углубляться в Брынский лес ради одного городка?

Отсутствует упоминание о Козельске и в древнейшем своде – Лаврентьевской летописи [10, с. 198-199]. Путанно о тех событиях сообщает Никоновская летопись: войска Батые после разграбления Северо-Восточной Руси вернулись к Рязани и оттуда пошли на Козельск [13, с. 116]. Интересная ремарка отмечается в Новгородской четвертой летописи: во всех списках присутствует в виде заглавия (киноварью) «о козельске» [12, с. 34], что указывает на отделение информации о Козельске от сведений о походе Батые на Северо-Восточную Русь.

Проливает свет на ситуацию персидский ученый Рашид ад-Дин в своем «Сборнике летописей». Согласно хронологии этого документа, можно узнать, что сыновья Джучи сначала «занялись войною с мокшей, буртасами и арджанами и в короткое время завладели ими», затем пошли на Русь: были взяты Рязань (Арпан, Янь), Коломна-на-Оке (Ике), Москва (Макар, Икан), Владимир (град Юргоя Великого), Переяславль (Каринкаль), после этого Батый вернулся, провел совет с соратниками, решили идти облавой и в тот поход споткнулись об Кул-Акыкс (Козельск), который пришлось осаждать два месяца [1, с. 98-99; 15]. При таких обстоятельствах, можно утверждать, что Козельск не был атакован Батием в походе на Северо-Восточную Русь.

Чтобы понять логику развития рассматриваемых событий, нужно определить, откуда начинался поход Батые на Северо-Восточную Русь и как орда уходила. «Вход» неприятеля изложен в летописях достаточно подробно: первая встреча с рязанской дружиной произошла на Воронеже (вероятно, река Лесной Воронеж у границы Рязанского княжества), дальше были взяты Пронск, Рязань, Коломна, Москва, Суздаль, Владимир, после чего отряды захватчиков направились в разные места княжества: Ростов, Ярославль, Городец на Волге вплоть до Галича Мерского, Переяславль до Торжка [10, с. 198]. А вот уход грабителей не нашел отражения в древнерусских текстах. Можно лишь предположить, что Батый, чтобы иметь возможность пополнять запасы, должен был возвращаться в донские степи не по разоренным землям Рязанского княжества.

Тогда можно определить три основных направления действий монголов в Северо-Восточной Руси (в современных топонимах, выделены города, упоминаемые в летописях):

(северо-западная группировка): **Рязань – Коломна – Москва – Волоколамск – Тверь – Торжок** – Вышний Волочек – река Медведица – **Константинов** – Дубна – река Дубна – **Дмитров** – река Воря – Красноармейск – река Клязьма – река Москва – **Коломна** – река Осетр – Муравский/Ногайский шлях – Подонье (протяженность маршрута около 1600 км);

(северо-восточная группировка): **Рязань – Коломна – Москва – Владимир – Ковров – Стародуб** – Холуй – Южа – **Городец** – Юрьевец – река Немда – **Галич** – река Кострома – Кострома – Плес – Иваново – река Уводь – Судогда – Гусь-Железный – река Ока – Шилово – Подонье (протяженность маршрута около 1800 км);

(центральная группировка): **Рязань – Коломна – Москва – Владимир – Ростов – Ярославль** – Рыбинск – Углич – Калязин – река Нерль – **Переславль-Залесский** – река Шерна (**Шернский лес**) – река Клязьма – река Москва – Коломна – река Осетр – Муравский/Ногайский шлях – Подонье (с учетом набега на Юрьев-Польский протяженность маршрута около 1600 км).

При таком развитии ситуации можно предположить, что захватчики полностью покинули земли Северо-Восточной Руси к концу апреля, уйдя за Оку. При этом, перед уходом руководство центральной группировки в Шернском лесу в верховьях реки Шерна, не добившись перехода на свою сторону плененного на Сити князя Василька Константиновича, казнили его. Исходя из того, что от места битвы до Шернского леса около 400 км, то смерть

князя наступила в первые дни апреля. В этом же лесном массиве Всеволод Большое Гнездо осенью 1176 года, двигаясь из Владимира к Москве, встречался с новгородскими послами.

Можно оценить и действия Ярослава Всеволодовича при нашествии Батые. Князь находился в Киеве, его 17-летний сын Александр – в Новгороде. Прежде, отметим, что отряд из Владимира отправился навстречу монголам примерно 25 декабря, т. е. после получения сведений о падении Рязани. За 7 дней (200 км) владимирцы подошли к Коломне, где и приняли бой с захватчиками. Их маршрут мог пролегать по реке Поля (приток Клязьмы) и Цна (приток Оки). Владимирская дружина, таким образом, вышла в тыл тумена, который шел на Коломну, именно поэтому владимирцам, по сведениям некоторых летописных рассказов, пришлось прорываться к городским надолбам и именно поэтому был убит Кулькан, находящийся в арьергарде своего отряда.

Становится понятной и тактика продвижения монгольской группировки: после осады и взятия города «свежий» тумен направлялся к следующему городу, остальные потягивались позднее, производилась, при необходимости, осада и штурм, далее вновь отдохнувший «свежий» тумен продвигался вперед... Именно поэтому обороняющимся казалось, что они могут сражаться с приближающимся неприятелем, но вскоре подходили основные силы монголов и решали исход дела в свою пользу...

В те же декабрьские дни Юрий (Георгий) Всеволодович послал гонцов к брату Ярославу в Новгород с просьбой о помощи. Находящийся там Александр вряд ли мог отправить отряд во Владимир (тем более, как отмечают летописцы, часть новгородцев уже погибла под Коломной: «и Новгородци съ своими вои из Владимира»), оставляя Новгород беззащитным перед западными противниками, поэтому гонец проследовал в Киев к отцу. Расстояние от Владимира до Новгорода – около 900 км, от Новгорода до Киева – около 1500 км, т. е. курьер при скорости 70-80 км в день преодолел этот путь примерно за месяц. Следовательно, Ярослав узнал о нагрянувшей беде к концу января, когда орда уже подходила к Владимиру. Из Киева военная помощь направилась к Новгороду (при скорости 30 км в день переход потребовал не менее 50 дней), достигнув цели к концу марта. К этому моменту уже был взят Торжок и монголы, зная о приближении Ярослава, резко поменяли планы и от Вышнего Волочка ушли на север к реке Медведице, чтобы избежать столкновения с русскими (еще одно свидетельство, что неприятель не пошел в сторону Козельска). Здесь вновь отмечаем правильность выясненной тактики монголов: в данном случае ордынцы не могли себе позволить открытого столкновения с немалой русской силой, ибо помощи других туменов нельзя было получить, поэтому лучше было избежать боестолкновения и ретироваться. Мы же отмечаем две спасительные для Новгорода недели, которые выиграли ценой своих жизней жители Торжка, а вовсе не распутица и болота с лесами. К моменту появления Ярослава с дружиной в Новгороде уже было известно о поражении русских на Сити (от места боя до Новгорода около 400 км, или неделя ходу гонцу). Путь из Новгорода во Владимир по разграбленной противником земле с минимальным наведением порядка занял бы, в лучшем случае, не менее двух месяцев (со скоростью 10-15 км в день), т. е. Ярослав появился в стольном граде в июне-июле, что, собственно, и нашло отражение в летописях: в лето 1238 года Ярослав сел на столе во Владимире [ПСРЛ. 1: 199].

В предложенной схеме похода очевидным становится и место битвы у Сити. Монголы двигались от Ярославля, через который проходил ранее и Юрий Всеволодович [8, с. 75-76], вверх, дойдя до устья Шексны, была выслана разведка. Пройдя вверх по Шексне, монголы и обнаружили стан русских в районе устья Сити. Вероятно, ордынцы устремились по Шексне и, перейдя к Сити (ориентировочно по реке Мыль, старинный населенный пункт Наволок), вышли фактически во фланг русской дружины. Именно, поэтому Дорожа, посланный выяснить обстановку, скоро вернулся в стан и доложил князю, что отряд Бурундая обошел их. Юрию пришлось вступать в бой, не успев перестроить свои полки. Возможно, другой отряд монголов в это время от Волги прошел по Мологе, что позволило охватить русских с

обоих флангов и разбить княжескую дружину. Здесь понятным становится и пассаж Новгородской летописи, что русские отступили к Сити, когда нависла угроза окружения [8, с. 76]. От Владимира до места битвы по предложенному маршруту монгольской группировке предстояло преодолеть около 450 км за 24 дня, т. е. примерно 18-20 км в день (с обозом, без боев, летописи не упоминают о сопротивлении в городах по пути следования Бурундюя).

В пользу такого развития событий говорит и поездка епископа Кирилла [10, с. 198]. Священнослужитель мог двигаться из Белоозера по Шексне и, видя многочисленные следы, оставленные монголами и уходящие к Сити, свернул и оказался на месте битвы. Найдя тело Великого князя Георгия, епископ по Мологе выехал к Волге и через местность современного Рыбинска по рекам Черемуха, Молокша и Мозга прибыл в Ростов, минуя Углич и Ярославль.

Выяснив логику похода Батые на Северо-Восточную Русь, можно вернуться к вопросу по Козельску. Развитие событий указывает, что был осенний поход Батые в Поочье небольшой группировкой. С Дона ордынцы направились к верховьям Оки, выйдя к городу Кромы через Ливны. Далее захватчики двинулись вниз по Оке, громя облавой города, стоявшие на месте современных поселений Орел, Мценск, Болхов, Серенск, Козельск (упомянутые города имеют археологические свидетельства пожаров времен Батыева нашествия [2; 7, с. 140; 9; 14]). После взятия Козельска при помощи подошедшей группировки с осадными орудиями монголы уходили вдоль Упы к Красивой Мече и далее в Подонье. Можно предположить, что эти события происходили в сентябре-ноябре 1238 года и «зиму они отдыхали» [1, с. 100]. Осенние походы монголов мы видим в 1239 году при завоевании Черниговского княжества (сентябрь-октябрь), в 1380 году, когда Мамай шел на Москву (август-сентябрь).

Можно оценить и численность войск Батые, участвовавших в походе на Северо-Восточную Русь. Очевидно, что, как и любая военная структура, монгольская содержала боевые части и обоз. При этом, возможность реквизировать продовольствия по пути была сведена к минимуму, чему способствовали естественные причины – невысокая плотность населения Древней Руси [4; 5], невозможность отклониться от дороги в силу зимних условий и лесных массивов. Для пополнения запасов оставались только города, до которых требовались переходы в несколько дней. Как отмечают военные специалисты, оптимальным еще с римских времен является движение по одной дороге корпуса численностью не более 30000 человек, при этом глубина походной колонны с обозами составит до двух дневных переходов – около 50 км [6, с. 76]. В нашем случае, движение монголов шло от Рязани до Москвы по одной дороге – реке Оке, но с учетом того, что войско было конное, а всадники имели дополнительно 1-3 сменные лошади, его численность могла быть около 15 тысяч человек с глубиной походной колонны до 30 км (строй в 12 рядов по фронту – около 20 м [19, Т. 24А (48), с. 755, Т. 41 (81), с. 55]). Каждая из означенных выше монгольских группировок могла иметь до 5 тысяч человек.

Косвенно названное количество, например, северо-западной монгольской группировки подтверждают события 1182 года. Согласно Лаврентьевской летописи, конная дружина Всеволода Юрьевича совершила внезапный бросок к Торжку, но с ходу взять город не удалось, и осада затянулась на месяц [10, с. 188]. Очевидно, что численность монголов, штурмующих Торжок, была не намного больше княжеской дружины, по крайней мере, не в десятки раз больше, как считают историки, поэтому и потребовалась двухнедельная осада. С учетом потерь в пути (сражения в Рязанском княжестве, у Коломны, при штурме Москвы), к Торжку могли подойти около 3-4 тысяч ордынцев. И вновь становится понятным, почему монгольский отряд после затратной продолжительной осады Торжка, продвинувшись чуть северо-западнее Вышнего Волочка, уклонился от столкновения с приближающимся войском Ярослава – шансы у измотанных ордынцев, не имевших численного превосходства над противником, на победу были невелики.

Исходя из пропорций участников Куликовской битвы [18, с. 77], русские в трех сражениях на Воронеже, под Коломной и на Сити против ордынцев могли выставять

примерно по 2000-2500 воинов (рязанские, пронские, муромские; коломенские, владимирские, суздальские, остатки рязанские; владимирские, ростовские, угличские).

Выводы

Таким образом, можно сделать определенные выводы. Битва на реке Сити произошла у устья реки. В настоящее время те исторические места находятся на дне Рыбинского водохранилища. Армия Батые действовала на территории Северо-Восточной Руси тремя группировками (рис. 1). Русские могли противопоставить в основных битвах с захватчиками по 2-2,5 тысячи бойцов, у которых было мало шансов на успех против превосходящих сил неприятеля. Город Козельск был разрушен во время нашествия Батые на верхнее Поочье осенью 1238 года. Следовательно, мы видим два похода монголов на Русь в 1237-1238 годах. Зиму и начало весны Батый провел в Северо-Восточной Руси, осенью отряды неприятеля разоряли Поочье.



Рис. 1. Схема передвижения монголов во время похода на Северо-Восточную Русь (х – места сражений, т – место казни князя Василька Константиновича) [использована карта 17, с. 3].

Библиографический список

1. Березин И. Н. Нашествие Батые на Россию. ЖМНП. 1855. Май. Отд. II. С. 79–114.
2. Волков С. П. Ливны. Орёл: Орловское книжное издательство, 1959. 92 с.
3. Караганов В. В. Русь и кочевники. М.: Вече, 2008. 480 с.

4. **Кучкин В. А.** Население Руси в канун Батыева нашествия. Образы аграрной России IX—XVIII вв. М. : Индрик, 2013. С. 67-88.
5. **Макаров Н.А.** Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI – первой половине XIII в.: размеры городских территорий. Российская археология, 2017, №4, с. 57-69.
6. **Михневич Н.П.** Основы стратегии. С.-Петербург: Типография Тренке и Фюсно, 1913. 251 с.
7. **Никольская Т.Н.** Земля вятичей. М., 1981. 304 с.
8. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 642 с.
9. **Передельский Д.** Орел до 1566-го. Российская газета - Неделя - Центральная Россия № 6851, 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2015/12/10/reg-cfo/tainy.html>
10. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846. 267 с.
11. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. Под ред. А. А. Шахматова. СПб. 938 стб. + 108 с.
12. ПСРЛ. Т. 4. IV. V. Новгородская и Псковская летописи. СПб: Типография Эдуарда Праца, 1848. 360 с.
13. ПСРЛ. Т. 10. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб: Типография министерства внутренних дел, 1885. 244 с.
14. **Пясецкий Г.М.** Историческое описание города Кром Орловской губернии. Орел: Издатель Воробьев А. В., 2003. 89 с.
15. **Рашид ад-Дин.** Сборник летописей. Том 2. М.-Л. АН СССР. 1952. [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_3/frameset2.html
16. Сахаров Н.А. Битва на Сити в летописях, преданиях, литературе. Заметки на полях. Ярославль: Издатель Александр Рутман, 2008. 87 с.
17. **Торнау Н.Н.** Учебный атлас по Русской истории. СПб.: 1910. 11 с.
18. **Федченко О.Д.** Поле Куликово: найти место битвы. История. Общество. Политика, №2 (6), 2018. с. 66-81 [Электронный ресурс] URL: <http://clio-brgu.ru/wp-content/Archiv/HSP2018-N2.pdf>
19. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907.

УДК 74

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 101» г. Воронежа

Кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания

Шишлянникова Г.И.

Россия, г. Воронеж,

тел. (473) 273-64-41;

e-mail: galcka.sh@yandex.ru

Municipal budgetary educational institution

"Secondary school No. 101"

of Voronezh

PhD in Historical Sciences, teacher of History and Social Studies

Shishlyannikova G. I.

Russia, Voronezh,

tel. (473) 273-64-41;

e-mail: galcka.sh@yandex.ru

Г.И. Шишлянникова

УТРАЧЕННАЯ ЭЛЕГАНТНОСТЬ ИЛИ ИСТОРИЯ МОДЫ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

В статье рассматриваются основные исторические события конца XIX – начала XX века, а в частности рост экономики в начале XX века, поражение в русско-японской войне, вступление России в Первую мировую войну, экономический и политический кризис 1917 года и отречение Николая II. В контексте этих исторических событий анализируются основные этапы развития моды в России. Следует отметить, что данная тема редка для отечественной историографии, так как история моды в целом изучена меньше, чем все другие сферы российского общества, а моды дореволюционной России еще меньше. Особое внимание уделяется таким стилям как модерн.

Ключевые слова: модерн, декаданс, революция, Первая мировая война.

G.I. Shishlyannikova

LOST ELEGANCE OR THE HISTORY OF FASHION IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF RUSSIAN HISTORY AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES

The article examines the main historical events of the late nineteenth and early twentieth centuries, in particular, the growth of the economy in the early twentieth century, the defeat in the Russian-Japanese war, Russia's entry into World War I, the economic and political crisis of 1917 and the abdication of Nicholas II. In the context of these historical events, the main stages of fashion development in Russia are analyzed. It should be noted that this topic is rare for Russian historiography, since the history of fashion as a whole has been studied less than all other spheres of Russian society, and the fashion of pre-revolutionary Russia is even less. Special attention is paid to such styles as modern.

Key words: modern, decadence, revolution, World War I.

Конец XIX - начало XX века в России стало временем перемен во многих отраслях жизни. Стремительно развивалась промышленность, сельское хозяйство, наука и искусство. Страна вступала в новый век решительно и бесповоротно. Казалось, что никогда ранее время не бежало так стремительно, как в эти годы. Но впереди Россию ожидали великие перемены, и лишь самые чуткие умы общественной мысли предчувствовали надвигающуюся опасность. Большинство же населения продолжало жить по старым устоям. В моду вошел стиль модерн. Он проявлялся в архитектуре, искусстве, моде. Русская мода в конце XIX – начале XX века одна из самых малоизученных тем отечественной истории. В рамках данной статьи мы попытаемся рассмотреть основные этапы ее развития и заполнить этот пробел.

В конце XIX столетия модерн пришел на смену тяжелым и пышным одеждам, которые носили всю вторую половину этого века. Сначала этот стиль завоевал популярность в Европе, а потом получил распространение и в Российской империи.

Это был своеобразный переход к чему-то более легкому и новому. Вычурные и пышные одежды, которые носили ранее, были доступны не всем. Они были дорогими, требовали много ткани. Модерн принес более простые формы, без изысков, поэтому такая одежда была дешевле и доступнее, быстрее распространялась. Следует отметить правда, что как в Европе, так и в России этот стиль просуществовал недолго, лишь до начала Первой мировой войны. Война внесла свои коррективы и стало уже не до украшений и изысков в одежде.

Появление стиля модерн в одежде прочно связано с именем французского модельера Поля Пуаре. Он впервые в истории моды попытался соединить экзотику, японские мотивы, готику и другие отголоски истории. Яркими чертами этого стиля стали: цветочный орнамент, облегченные фасоны, нежно-пастельная цветовая гамма, преобладание многочисленного декора. Отметим, что фасоны одежды стали невероятно женственными и подчеркивали части женского тела. Зачастую наряды были ассиметричны. Ассиметрия – одна из узнаваемых черт этого стиля. Среди многочисленного декора использовались: рюши, атлас, ленты, золотая тесьма, вышивка, кружева, камни (часто использовались драгоценные), растительный принт, металл, бисер и т.д. Огромный акцент делался на растительный орнамент, поэтому говорили, что «модерн сделал из девушек благоухающий цветок» [2, с. 45].

Как правило, одежда в стиле модерн изготавливалась из бархата, плюша, органзы, шифона и шёлка. На пике своей популярности в 1890-е гг. в коллекции европейских и российских модниц присутствовали атрибуты этого стиля: накладные жабо (любила русская поэтесса З. Гиппиус), красные платья, металлические корсеты, пышные рукава, платья, расшитые стеклярусом, чулки со стразами, кринолин, накидки из страусиных перьев.

В России стиль модерн называли «декадентская линия». Деятелей искусства, которые вносили элементы этого стиля не только в свою одежду, но и в творчество, часто называли декадентами. Так, например, поэты и художники декаденты идеализировали женщину, хотели видеть в ней Прекрасную Даму (А.А. Блок «Стихи о Прекрасной Даме») – воплощение мечты о совершенстве. Они сравнивали такую женщину с загадочным сфинксом, небесным ангелом или ундиной. Вообще, в начале века «благородная публика» была склонна к мистицизму, любила устраивать гипнотические и спиритические сеансы. Это вошло в моду вместе с модерном и вызывает одинаковые ассоциации.

Еще одним элементом стиля модерн стала грудь. Платья этого стиля особенно эффектно смотрелись на пышногрудых красавицах. Поэтому женщинам приходилось прибегать к различным средствам, чтобы делать грудь более пышной и упругой. Самым распространенным средством стал массаж и тонизирующие ванны. Длинные, зауженные в бедрах и расклешенные к низу юбки очень напоминали распускающийся цветок. Этот силуэт эстетично завершали пышные, роскошные прически и элегантные шляпы с широкими полями, которые создавали эффект «большой головы» и делали весь силуэт симметричным.

Русско-японская война 1904-1905 гг. хотя и закончилась трагически для России, мы ее проиграли, но внесла свое влияние на модные тенденции. Вернулись пышные рукава и был упразднен женский корсет. Вообще, в этот период вопрос с корсетом был особенно острым. Силуэт в корсете безусловно, смотрелся очень эффектно, был привычен взгляду, придавал дамам уверенность. Но какой урон его ношение наносило дамскому здоровью. По статистике каждая вторая дама после его ношения имела проблемы со здоровьем [1, с. 55].

В 1907-1909 гг. вслед за пиком популярности платьев в стиле модерн в моду входят с новые силуэты. Такое платье получило у нас название «реформ». Ввел его в моду все тот же Поль Пуаре. Этот неутомимый творец моды не давал в этот период дамам многих стран покоя. Он будоражил их умы и мысли своими новыми и новыми идеями. Именно он заставил женщин отказаться от корсета и дал им возможность «дышать свободно» и беречь тем самым свое здоровье и одеваться самостоятельно.

Вместе с новым веком в Россию вернулась ностальгия по всему русскому. Многие начали коллекционировать русское искусство. Особенно модно в высшем свете стало

использовать русское кружево и вышивку. Это украсило повседневную одежду многих. Как правило, женские платья продолжали шить по парижским образцам, но украшали отечественными кружевами и вышивкой.

Самым известным моментом в истории того времени стал последний костюмированный придворный бал. Он проходил в Эрмитажном театре Зимнего дворца 22 января 1903 года. Все участники, включая императора Николая II, его супругу и других членов императорской фамилии были одеты в русские народные костюмы. Сохранилось фото Николая II и императрицы Александры Федоровны в костюмах царя Алексея Михайловича Тишайшего и его супруги. Последний русский император особенно любил этого тихого царя, в его честь и назвал наследника престола цесаревича Алексея. Эти костюмы были практически точной копией одежды Алексея Михайловича, в русском стиле. Изготовлены они были в мастерской талантливой портнихи того времени Надежды Петровны Ламановой.

По словам историка моды Александра Васильева: «Московское ателье Надежды Ламановой пользовалось огромной популярностью. Она открыла его в 1885 году после окончания Школы кройки и шитья О.А. Сувориной, а в 1890-х гг. стала «поставщиком Двора Его Величества»» [5, с. 67]. Ламанова в это время пользовалась неимоверной популярностью. У нее одевались самые знаменитые дамы того времени, вся Москва. Есть известный портрет Валентина Серова, где изображена великая русская актриса Мария Ермолова в платье, изготовленном Надеждой Ламановой. Так стиль модерн и Надежда Ламанова вошли в историю русского искусства.

Если Надежда Ламанова одевала весь высший свет Москвы, то в Санкт-Петербурге знатные особы одевались в так называемом доме моды «Дом Бризак». Этот дом очень любила императрица Александра Федоровна и русская балерина Анна Павлова. В начале века постепенно на смену стилю модерн в одежде приходит практичность. Рукава начинают расширяться, крой юбки меняется – он становится плавным и уже в бедрах. В одежду проникает практицизм: более спокойный крой, естественные цвета, минимум украшений, очень изысканный декор. Ярким примером этого стали прогулочные костюмы, которые называли французским словом «тальер».

«При своем начальном появлении этот костюм назначался только для улицы, для гулянья. Для деловых выходов и поэтому отличался простотой и почти полным отсутствием каких-либо отделок. Мало по малу эти платья так пришлись по вкусу, что в них стали совершать визиты, посещать выставки и т.п.» [4, с. 87].

Непременным атрибутом светской жизни того времени стали визиты. Знатные дамы и господа постоянно навещали друг друга. Вели так называемую «светскую жизнь». Эти визиты совершались в особых визитных платьях. Они как правило, были очень нарядными и шились из шерстяных тканей. В теплую погоду – из шелка. Самой популярной тканью для таких костюмов стали плотные ткани типа сукна светлых пастельных оттенков. Самым популярным цветом в женских костюмах стал светло-зеленый цвет: цвет стрекозы, кузнечика, цвет резеды. В этом чувствовалось влияние модерна. Очень модными были лиловые оттенки. Их особенно любила вдовствующая императрица Мария Федоровна. Сегодня в Эрмитаже хранится ее великолепное лиловое платье с черными кружевами. Использовались все оттенки фиолетового: от цвета фиалки до цвета глицинии.

Вообще, 1900 годы вошли в историю русской моды как расцвет Прекрасной эпохи. Женщины получили выбор: затягивать талию в корсет или нет. В моде были высокие каблуки, вытягивающие зрительно силуэт. Вечерние платья предпочитали шить из кружева и шелка. Но жизнь женщины, как и всех в ту пору быстро менялась, она становилась более активной, а следовательно и одежда стала более практичной, не без учета модных тенденций. В 1900-е гг. вошли в моду особые чайные платья. У них был ослаблен корсет и это стало первым шагом на пути к эмансипации. Еще одна новинка вошла в моду это костюм из узкой

блузки с юбкой клеш. Этот костюм делал силуэт женщин изящным и особенно актуальным. В нем было удобней ходить, чем в платье.

В начале XX века стало все ярче проявляться движение за эмансипацию женщин. Это связано с тем, что все большее количество женщин стали стремиться получить образование. Особой популярностью пользовались «бестужевские курсы», но вместе с ними открылись и другие. Стала возникать конкуренция на этом рынке образовательных услуг. Многие женщины пошли в преподавательскую сферу. Для огромного количества думающих дам научная работа стала смыслом жизни. Женщины перестали быть только «декоративными куклами» и приложением к мужчине. Получила распространение не только протесты против корсетов, но и протесты против бесправия женщин. Вошло в моду заниматься спортом. Самым «женским» видом спорта в тот период стала езда на велосипеде, а вместе с этой модой стали актуальными специальные «велосипедные костюмы». Таким костюмы состояли из укороченных до колен брюки и простые блузки. Иногда вместо брюк использовались юбки с запахом.

Изменения претерпела и верхняя одежда. На рубеже веков в моду снова вошли маленькие пальто: прямые и короткие. В основном они шились из сукна. Правда пальто были дороги и недоступны многим гражданам. Среди богатых граждан были модны меховые манто. Одним из самых популярных меховых магазинов был Дом Мертонса на Невском проспекте. Сегодня этот особняк хорошо сохранился и украшает Невский проспект, в нем находится магазин всемирно известного бренда «ZARA».

Отметим, что модернизация затронула не только моду, но и все сферы искусства и культуры. В русской культуре этот период стал называться Серебряным веком. Для художественной культуры было характерно разнообразие стилей. В литературе вместе с уже известными авторами такими, как Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.Г. Короленко, появились новые имена М.Горького, А.И. Куприна, Л. Андреева и др. Они стали основоположниками модернизма в литературе. В поэзии появились новые течения – символизм, акмеизм, футуризм. Стали популярными стихи А.А. Блока, С.А. Есенина, Н.С. Гумилёва, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, А. Белого и других. Поэзия была настолько популярна, что поэты стали кумирами многих. Народ не только читал их стихи, но и подражал им. Одной из самых стильных поэтов того времени была Анна Андреевна Ахматова и Зинаида Гиппиус. Они стали живыми символами эпохи. В них смешались все направления искусства и культуры того времени.

Начало XX века стало расцветом русского реалистического театра. В 1898 году был открыт Московский художественный театр благодаря усилиям К.С. Станиславского и В.И. Немировича – Данченко. Особо модными стали новые режиссеры: В.Э. Мейерхольд и Е.Б. Вахтангов. Вместе с популярностью МХТ росла популярность его актеров: И.М. Москвина, В.Ф. Комиссаржевской, певца Ф.И. Шаляпина, А.В. Нежданова, Л.В.Собинова. Но все таки самыми популярными продолжали оставаться как и прежде артисты балета. Вот кто воистину был кумиром публики и законодателями моды. Необычайной грациозностью и чувством вкуса обладала балерина Анна Павлова. Как вспоминают современники, она была не красива, а фотогенична. У нее была особая внутренняя красота. У нее изнутри шел огромный поток энергии, обаяния, света. Черты лица были несовершенны, но они светились внутренним обаянием актрисы.

Анна Павлова была гениальной балериной и потрясающей женщиной. Она обожала шопинг, ходила во все магазины на гастролях, скупала множество вещей и непременно их переделявала, подгоняла под себя [1, с. 56].

Анна Павлова имела свое видение вещей. Она очень часто просила портних перешивать новые вещи «под нее» так, что портнихи удивлялись: «Что же остается от вещи?». Не любила модельную обувь, так как была балериной и имела особую форму стопы. Ее слабостью были шляпы. Свой образ она преобразовывала с помощью шляпок. На всех фото Анна Павлова часто позирует в шляпе. Скончалась актриса в молодом возрасте и в какой то мере из-за моды и красоты. Она ехала в поезде и попала в аварию. Ночью всем

пассажирам пришлось пересест в другой поезд. Анна не рассчитывала на такой поворот и была одета слишком легко. На ней была модная по тем временам, но очень легкая беличья шубка. Она простудилась и умерла от пневмонии легких.

Не менее значимой фигурой в искусстве и культуре России начала XX века стал С.П. Дягилев. Его «русские сезоны» стали популяризацией не только русского искусства за рубежом. Но и моды на русскую культуру и быт. Безусловно, в какой то мере он был гений. Свои сезоны Дягилев начал в 1906 году с выставки русских художников, затем продолжил гастроли с русскими музыкантами, с оперой «Борис Годунов», «Хованщина». В 1909 году начались самые знаменитые гастроли русского балета, которые по сей день считаются непревзойденным мастерством балетного мирового искусства. Русские сезоны длились с 1909 года по 1929 год, когда Дягилева не стало.

Переворот в мировой моде совершила работа художника Бакста для Русских сезонов. В моду вошел ориентализм, любовь к Востоку. В 1910 году появился балет «Шахеризада» и в моду вошли брюки-шаровары, подушки, абажуры, тюрбаны. С востока пришло в мировую моду веяние на новые цветовые сочетания. Которые получили название «восточные»: зеленое с оранжевым, малиновое с синим, лиловое с желтым. Уже упомянутый нами ранее Поль Пуаре, как и сестры Калло, модельер Пакен сделали свои коллекции на темы Востока и русских сезонов Дягилева.

Сам Сергей Дягелев одевался очень элегантно, следовал всем веяниям современной моды, обладал безупречным вкусом. Хотя при этом не был богатым человеком. Его любимой одеждой был фрак, белая бабочка, жилетка и цилиндр. Всю свою жизнь Дягилев провел в разъездах. К вещам относился уважительно, но без особого пиетета. Больше всего ценил свою уникальную коллекцию, которую возил повсюду: письма великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, дуэльные пистолеты, миниатюры. После смерти Дягилева его коллекция перешла к его лучшему другу и соратнику Сергею Лафарю, который в Париже устроил знаменитую выставку, посвященную Пушкину.

Огромное влияние на моду того периода оказали костюмы русских сезонов. Большинство этих костюмов сегодня находятся в разных странах за границей. Многие из которых в Австралии, в музее города Канберра. В коллекцию этих костюмов вошли работы Бакста, Гончаровой, Ларионова, Матисса, Пикассо. С.П. Дягилев скончался в 1929 году в Венеции. Его похоронили на острове Сан-Мигель. На его могиле написано: «Венеция. Постоянная вдохновительница наших успокоений». На плите всегда лежат балетные туфли. Сегодня в России все чаще вспоминают Дягилева и его Русские сезоны. С высоты прошедших лет видно, насколько талантливым организатором и гениальным человеком он был.

В 1910-е довоенные годы Россия переживала, как свидетельствуют историки, экономический рост, который повлек за собой технический прогресс. Это был апогей индустриального общества. Большое распространение получило электричество, радио, центральное отопление и телефон. Начался расцвет авиации. Вошли в моду регулярные автопробеги. Наконец в России появился и сразу же завоевал огромную популярность кинематограф. По данным современников, «в России к 1914 году действовало 30 кинофирм и вышло свыше 300 фильмов [6, с 11].

Большое распространение в эти годы получила модная фотография. Русские манекенщицы первого поколения печатались на страницах модных журналов. Большими тиражами стали выходить открытки с популярными актрисами и артистами. Для многих собирание этих открыток стало настоящим хобби. Поклонницы копировали одежду и манеру поведения своих кумиров. Актеры, музыканты, певцы становились законодателями мод.

Новые аспекты жизни женщин обсуждались на страницах модных иллюстрированных журналов. В эти годы появился «Журнал для хозяек». Он выходил дважды в месяц. С 1911 года стали издаваться еще два журнала «Журнал для женщин» и

«Мир женщины». Но самым популярным стал Петербургский журнал «Столица и усадьба». Его издавал Владимир Крымов. Он был прототипом популярного английского журнала. В нем печатался аналитический материал о моде.

В 1912 году состоялось грандиозное событие для мира российской моды. К нам приезжал Поль Пуаре с показами своих коллекций. Он ввел в моду вместо пастельных экзотические, яркие цвета.

Еще за год до этого визита, 24 июня 1911 года в парижском особняке Поля Пуаре прошел знаменитый костюмированный бал "1002 ночи или торжество по - персидски". На нем была представлена восточная коллекция. Мотивом для этого бала стал балет «Шехеризада», поставленный в рамках Русских сезонов Сергея Дягилева. Основными участниками бала стали: индийские баядерки, аравийские одалистки, персидские послы, оттоманские евнухи. Хозяин бала предстал перед замороженной публикой в образе восточного султана, а его супруга в образе гаремной женщины. Бал был шикарным и дорогим. После него карьера Пуаре стремительно взлетела вверх, он получил почти мировую славу. Но Первая мировая война ударила по его модному дому не меньше, чем по всей Европе. В 1934 году Пуаре закрыл свой модный дом. Умер модельер в 1944 году в оккупированном немцами Париже.

1914 год вошел в мировую историю, как начало Первой мировой войны. Поводом к войне послужило убийство сербским националистом Гавриилом Принципом в столице Боснии г. Сараево наследника Австро-Венгерского престола Франца Фердинанда. Австро-Венгрия, подстрекаемая Германией, 28 июля напала на Сербию. В свою очередь, Россия, имея союзные отношения с Сербией и подталкиваемая Антантой, начала мобилизацию в армию. Германия расценила это по своему и 1 августа 1914 года объявила войну России. Несколько днями позже в войну вступили Франция и Англия. Столкновение 8 европейских стран с населением 400 млн. человек стало началом Первой мировой войны, в которой в общей сложности приняли участие 38 государств с населением 1.5 млрд. человек.

Военные годы, безусловно, принесли огромные перемены во все сферы жизни российского общества. Коренным образом изменился женский силуэт, сократилась существенно длина юбки, стали намного короче волосы и формы головных уборов.

Появившийся в это время силуэт дамского платья был навеян неоклассическими мотивами. Для него были характерны: завышенная линия талии ампир, подчеркнутой кушаком, узкая юбка в два шва – один спереди, другой сзади.

В 1915 году в разгар войны мода существенно изменилась. Безусловно, она упростилась. Стали все чаще и все больше использовать простые ткани, простой крой. Перестали носить корсеты совсем. В моду вошла широкая талия с поясом – кушаком. Существенно сократилась длина юбки. Теперь она закрывала только икру. Под такое платье надевали кружевные юбки. Часто в этих юбках сочетали сразу две ткани. Например, шерсть и тафту. В целом в эти годы прослеживается одна четкая тенденция – укорачивание длины юбки.

На волне патриотических настроений в военные годы в моду вошло все национальное. Стало «хорошим тоном» носить вещи российских производителей. В 1916 году один из модных русских журналов писал: «Русский стиль сейчас в большой моде; русские вышивки, кружево и кустарные ткани вызывают большой интерес и очень ценятся за границей, особенно у союзников – французах. Огромным успехом пользуются русские безрукавки, казакины, душегрейки, исполненные из парчи и бархата, украшенные полоской меха» [3, с. 109].

Неудачи в Первой мировой войне в определенной степени повлияли на ситуацию внутри страны. Начался экономический и политический кризис, который был тесным образом связан с политикой правящего тогда императора Николая II. Он не сумел справиться с ситуацией и в марте 1917 года отрекся от престола. В октябре этого же года свершилась Октябрьская революция и к власти пришли большевики. С этого момента жизнь страны

перевернулась с ног на голову. Публичное раскрепощение пришло в одночасье и накрыло всех волной новых откровений. Мода изменилась коренным образом. Она категорически стала отличаться от предыдущих моделей. Правда, тон в моде, как и раньше, задавала столичная богема: актрисы, художницы, жены поэтов — люди искусства, одним словом. И если днем женщина носила на современный взгляд пуританские костюмы из твида, просторные плащи, туфли на низком каблуке-рюмке и шляпки клош, то вечером она разоблачалась. Струящиеся по фигуре платья, открытые плечи, провокационные разрезы, чулки, прозрачные ткани, перья, жемчуга и блески. Ярким примером этой эпохи стала Лиля Брик. Наступило время декаданса и больших перемен.

Библиографический список

1. **Васильев А.А.** Александр Васильев рассказывает.../А.А. Васильев. – М.: ЭТЕРНА, 2009. – 107 с.
2. **Васильев А.А.** Красота в изгнании/ А.А. Васильев. – М.: Эксмо-пресс, 2021. – 745 с.
3. **Васильев А.А.** Русская мода. 150 лет в фотографиях/А.А. Васильев. – М.: Слово, 2009. – 544 с.
4. Методические указания по направлениям моды/Под ред. Р.В. Захаржевской. – М.: ЭТЕРНА, 2012. – 366 с.
5. **Славкин В.** Памятник неизвестному стиляге/В. Славкин. – М.: Научная книга, 1996. – 376 с.
6. **Сыромятникова И.С.** История прически//И.С. Сыромятникова. – М.: Художественная литература, 1983. – 244 с.

*Воронежский государственный университет
Студент исторического факультета
А. И. Шушлебин
Россия, г. Воронеж,
Тел.: 89507569217
e-mail: duck2000@mail.ru*

*Voronezh State University
Student of the history faculty
A. I. Shushlebin
Russia, Voronezh,
tel. 89507569217
e-mail: duck2000@mail.ru*

А.И. Шушлебин

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ХАЗАРИИ В IX ВЕКЕ

В статье рассматривается эволюция военно-политической ситуации в Восточной Европе в хазарскую эпоху. Выделяются факторы стабильности, существовавшие в Хазарском каганате. Проводится анализ процесса политической дестабилизации в Хазарском каганате в IX в., его причин и следствий. Рассматриваются археологические свидетельства данных событий.

Ключевые слова: хазары, печенеги, мадьяры, Хазарский каганат, салтово-маяцкая культура, Правобережная Цимлянская крепость, семикаракорское городище.

A.I. Shushlebin

THE MILITARY-POLITICAL SITUATION IN KHAZARIA IN THE IX CENTURY

The article examines the evolution of the military-political situation in Eastern Europe in the Khazar era. The stability factors that existed in the Khazar khaganate are highlighted. The analysis of the process of political destabilization in the Khazar Khaganate in the IX century, its causes and consequences is carried out. Archaeological evidence of these events is considered.

Key words: Khazars, Pechenegs, Magyars, Khazar Khaganate, Saltovo-Mayak culture, Right-bank Tsimlyanskaya fortress, Semikarakor settlement.

Изучение военно-политической ситуации и миграционных процессов в раннесредневековой Восточной Европе актуально для современной науки. В раннем Средневековье Восточная Европа представляла собой полигон серьёзных исторических процессов: миграций на Запад кочевых племён из Центральной Азии, освоения славянами лесной зоны, появления в степи оседлых культур и государств. Ряд европейских государств (например, Болгария, Венгрия) были основаны в эту эпоху азиатскими кочевниками, мигрировавшими на Запад.

Одним из итогов миграционных и историко-политических процессов эпохи Великого переселения народов явилось образование в сер. VII века государства Хазарский каганат. Хазарское государство вышло на историческую арену, уничтожив своего западного соседа: Великую Болгарию, что стало причиной миграции части болгарских племён на запад и северо-восток. В конце VII века хазарская экспансия в Закавказье столкнулась с арабской, что обусловило долгие (с 650 гг. VII вв. до 737 г.) кровопролитные войны. Война шла с переменным успехом: набеги арабов на хазарские города Семендер и Беленджер сменялись действиями хазарской армии на территории Ирана (например, поход 721 года и победа хазар под Ардебилем в 730 году [1, с. 228]). Война закончилась разгромом армии Хазар-тархана и взятием Ал-Байды арабами под командованием Мервана в 737 году. [2, с. 155]

Однако итоги войны были противоречивы. Арабский халифат Омейядов распался в 751 году, а Хазария просуществовала до конца X века. Это можно объяснить различием исторических и социальных условий. Хазарская система начала VIII века характеризовалась:

1) Гибкой политикой по отношению к вассалам (вассалы каганата были относительно независимы, о чём свидетельствуют действия гуннского князя Алп-Илитвера в 80-х гг. VII вв. [1, с. 204]), что позволило удержать их в повиновении после поражения 737 года.

2) Отсутствием в степи городов и большого количества оседлого населения в VIII в., в связи с чем экономический урон арабы нанесли лишь кавказским владениям Хазарии

3) Ведением войны против одного противника – арабов (в отличие от Арабского халифата, который воевал практически со всеми крупными державами VIII века, что не могло не привести к перенапряжению сил этого государства)

4) Отсутствием в хазарском обществе VIII века междоусобных войн, социальных конфликтов

В результате этих условий Хазарский каганат в VIII веке оправился от поражения. Конец VIII века – время экономического подъёма в каганате. В это время возникает салтовомаяцкая археологическая культура. Возрождается жизнь в городах Таманского полуострова и Крыма, начинается заселение оседлым населением бассейна р. Дон и Северский Донец. [3, с. 185] Усиление военной мощи каганата проявилась в хазарских вторжениях в Закавказье в 764 и 799 годах [2, с. 160-162], успешном подавлении восстания Иоанна Готского в Крыму в 787 году. Период с 737 до начала IX века можно назвать периодом стабильности в степи Восточной Европы. Этот регион находился под контролем Хазарии. Стабильной была ситуация и в Средней Азии: Семиречье контролировали тюркешы, которых около 766 года сменили карлуки. К северу от последних кочевали кимаки, немного западнее гузы [4]. Отсутствовали миграционные процессы, жизнь в степи была спокойной.

Ситуация изменилась в начале IX века. Она характеризовалась ростом центробежных сил в восточноевропейской степи. Дестабилизация началась с внутреннего конфликта в Хазарском каганате. Этот конфликт в отечественной историографии принято называть гражданской войной в Хазарии, хотя такое название не очень приемлемо, так как в Хазарии IX века не было граждан, это было общество с подданнической культурой. Более подходящее название – междоусобная война.

Хочется отметить, что мы очень мало знаем об этом событии. Единственный письменный источник о междоусобной войне в Хазарии – текст К. Багрянородного: «Да будет известно, что так называемые кавары произошли из рода хазар. Случилось так, что вспыхнуло у них восстание против своей власти, и когда разгорелась междоусобная война, эта прежняя власть их все-таки одержала победу. Одни из них были перебиты, другие, бежав, пришли и поселились вместе с турками в земле пачинакитов, сдружились друг с другом и стали называться каварами. Поэтому и турок они обучили языку хазар, и сами до сей поры говорят на этом языке, но имеют они и другой – язык турок. По той причине, что в войнах они проявили себя наиболее мужественными из восьми родов и так как предводительствовали в бою, они были выдвинуты в число первых родов. Архонт же у них один (а именно на три рода каваров), существующий и по сей день». [5] Из текста источника следует, что в Хазарии произошла междоусобная война, в которой в качестве сторон конфликта выступили «прежняя власть» (хазарское правительство) и мятежники (этнически хазары, социальная принадлежность не указана). Итогом войны явилась победа хазарского правительства, убийство части мятежников и бегство другой части в землю печенегов (Пачинакия), где они поселились вместе с венграми (турками). Называться каварами эти люди, согласно Багрянородному, стали только в стране печенегов, где обучили венгров языку хазар. Выдвижение каваров в первые ряды в венгерском войске свидетельствует об их воинской доблести.

Возникает проблема датировки гражданской войны: сведений о дате в тексте Багрянородного нет. М. И. Артамонов датировал это событие началом IX века [1, с. 234].

Учёный отнёс разрушение Правобережного Цимлянского городища (далее ПЦГ) к событиям гражданской войны и датировал разорение ПЦГ началом IX века (по материалам монетного клада). [1, с. 329] Также Артамонов предположил, что с внутренним конфликтом связано исчезновение христианских епархий Хазарии: в списке начала IX века (806 – 815 гг.) отсутствуют епископии крымских и таманских городов. Готия перешла под власть Византии: уже в 842 – 856 гг. в титуле Стратига Херсонской фемы упоминаются Климаты. Потерю крымских городов Артамонов связал с ослаблением Хазарии в ходе междоусобицы. [1, с. 329] Окончательную стабилизацию учёный связал со строительством Саркела в 30-х гг. IX века. [1, с. 329] Существуют и иные точки зрения на датировку гражданской войны. Например, К. Цукерман датирует гражданскую войну серединой IX века. Он полагает, что хазары приняли иудаизм только после миссии Константина Философа в 60-х гг. IX века. Восстание кабаров Цукерман рассматривает в контексте войны Хазарии с Леведией, страной мадьяр. [6]

М. И. Артамонов в качестве причин войны назвал религиозные и политические реформы царя Обадии. [1, С 328] Артамонов предположил, что с Обадия был узурпатором, ограничившим власть кагана в пользу бека, и принявшим иудаизм в качестве государственной религии. Тарханы, зная каганата, не приняли политические изменения и восстали против Обадии. [1, с. 331] Артамонов обратил внимание на то, что после Обадии (согласно списку царей письма Иосифа) правили его сын Езекиил и внук Манассия, а после Манассии брат Обадии Ханукка. Недолгое правление Езекиила и Манассии Артамонов связал с гибелью их в ходе гражданской войны. [1, с. 332] Ход войны Артамонов представил в качестве несогласованных выступлений феодалов, на стороне которых выступили мадьяры. Эти выступления были подавлены хазарским правительством с помощью привлечения военной силы печенегов или гузов. Итогом войны Артамонов назвал победу династии Обадии, которая досталась им дорогой ценой: значительная часть населения истреблена, большая часть Хазарии занята кочевыми племенами. [1, с. 332]

А. П. Новосельцев также связывал «гражданскую» войну с политическими и религиозными мотивами. Он отметил, что велась борьба между двумя группировками элиты: иудейской группировкой шада и её противниками. Победу шада закрепил новый титул — бек. [2, с. 128.]

На мой взгляд, следует согласиться с датировкой гражданской войны М. И. Артамонова. Дата разорения ПЦГ вряд ли связана с началом гражданской войны: археологические исследования показали более позднюю датировку. [7, с. 332-333.] Гражданскую войну в Хазарии следует связать с реформами Обадии, так как информации о других внутривнутриполитических изменениях, способных вызвать междоусобную войну, в источниках нет. Согласно письму царя Иосифа Обадий провёл религиозную реформу: «...утвердил веру надлежащим образом и по правилу. Он выстроил дома собрания и дома учения и собрал мудрецов израильских, дал им серебро и золото, и они объяснили (ему) 24 книги (священного писания), Мишну, Талмуд и сборники праздничных молитв». [8, с. 203] Эту реформу можно интерпретировать как попытку введения в Хазарии раввинистического иудаизма. Исходя из данных Масуди о принятии хазарами иудаизма в годы правления Харуна ар-Рашида [1, с. 276], реформу следует датировать началом IX века. Прямых указаний на политическую реформу Обадии нет. Иосиф сообщает, что Обадий «поправил царство». [8, с. 203] Непонятно, относится ли это к подавлению восстания, реформе политической системы или к религиозной реформе. Обадия нельзя однозначно назвать узурпатором. В источнике не указано, что он захватил власть и ограничил влияние кагана, согласно Иосифу он «воцарился». [8, с. 203] Непонятно, был Обадий беком или каганом. В письме царя Иосифа не употребляется титул «каган», все правители названы царями. Обадий также назван царём, «сыном сыновей» царя Булана. [4, с. 197-208] Можно выделить следующие возможные причины междоусобной войны в Хазарии:

- 1) Реформы Обадии, вызвавшие сопротивление знати
- 2) Раскол элиты на старую тюрко-хазарскую и болгарскую

3) Расширение хазарского государства, увеличение числа данников (из славян и поволжских народов), что могло вызвать стремление представителей знати к присвоению себе дани, желанию независимости новых территорий.

Междоусобице способствовал экономический подъём конца VIII века. Экономический рост приводит к увеличению конфликтов внутри элиты по поводу прибавочного продукта, получения ренты. Нельзя однозначно согласиться с версией Артамонова об использовании хазарским правительством печенегов и гузов в качестве союзников. Наличие гузских наёмников в гарнизоне Саркела [1, с. 315] вряд ли является достаточным основанием для такого вывода. Для подавления восстания могли использоваться также хорезмийские наёмники ал-арси, упоминаемые в источниках. [8, с. 116] К. Багрянородный в качестве итога войны назвал победу прежней власти и бегство повстанцев в землю печенегов. [5] Непонятно, вкладывал Багрянородный в термин «Земля пачинакитов» географическое (территория, где жили печенеги при Багрянородном) или историческое (территория расселения печенегов во время междоусобицы у хазар) значение. В начале IX века печенеги жили на северо-восточном побережье Каспийского моря. Вряд ли кабары с венграми переселись бы в эту страну в начале IX века. Скорее всего, под названием «земля пачинакитов» имеется в виду Северное Причерноморье, место, где печенеги жили при Багрянородном. Уязвимой представляется точка зрения Артамонова о значительном уменьшении числа оседлого населения в Хазарии после гражданской войны: археологические исследования фиксируют расцвет в середине IX века салтово-маяцкой культуры, представленной поселениями оседлого населения [7, с. 332-333]. В экономическом отношении гражданская война, скорее всего, привела к экономическому разорению (в краткосрочном периоде). Арабский посол рассказал аль-Фадлю ибн Салю, визиру аль-Мамуна (813 – 833 гг.) историю о том, как Хатун, сестра хазарского царя, призвала хазар покориться воле Бога во время голода. [9, с. 151.] Следовательно, в начале IX века в Хазарии был голод, который можно связать с междоусобной войной. Также итогом войны можно назвать изменение состава элиты. Это прослеживается по данным письменных источников (бегство кабаров) и материалам археологии: к началу IX века прекращается традиция погребений хазарской знати в курганах с квадратными ровиками. [10, с. 185]

Другим серьёзным явлением, дестабилизирующим ситуацию в Восточной Европе, явилась миграция венгров. С точки зрения большинства исследователей часть венгров под воздействием ряда факторов (экономических, экологических, военно-политических) мигрирует из Приуралья на территорию Хазарского каганата в IX веке. Однозначно ответить на вопрос о датировке этой миграции достаточно сложно. М. И. Артамонов связывал её с гражданской войной в Хазарии, в связи с которой мадьяры прорвались через территорию ослабленной страны. [1, с. 346] Миграцию венгров через Хазарскую территорию следует датировать началом IX века, так как уже в 836-837 гг. они участвуют в подавлении восстания македонских пленников в Болгарии. [1, с. 346] По свидетельству К. Багрянородного венгры жили на территории каганата в стране Леведия: «Знай, что народ турок имел древнее поселение близ Хазарии, в местности, называвшейся Леведия - по прозвищу их первого воеводы. Этот воевода прозывался личным именем Леведия, а по названию достоинства его именовали воеводой, как и прочих после него. Итак, в этой местности, уже названной Леведией, течет река Хидмас, которая именуется также Хингилус. В те времена они не назывались турками, а именовались по неведомой причине савартами-асфалами. Турок было семь племен, но архонта над собой, своего ли или чужого, они никогда не имели; были же у них некие воеводы, из которых первым являлся вышеназванный Леведия. Они жили вместе с хазарами в течение трех лет, воюя в качестве союзников хазар во всех их войнах. Хаган, архонт Хазарии, благодаря мужеству турок и их воинской помощи, дал в жены первому воеводе турок, называемому Леведией, благородную хазарку из-за славы о его доблести и знаменитости его рода, чтобы она родила от него. Но этот Леведия по неведомой случайности не прижил детей с той хазаркой. Пачинакиты же, прежде названные кангар (а

название кангар давалось у них в соответствии с благородством и мужеством), двинувшись на хазар войною и будучи побеждены, были вынуждены покинуть собственную землю и населить землю турок. Когда же меж турками и пачинакитами, тогда называвшимися кангар, состоялось сражение, войско турок было разбито и разделилось на две части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, - они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами, а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождем Леведией, в местах, именуемых Ателкузу, в которых ныне проживает народ пачинакитов». [5] Из текста источника следует, что после миграции из Приуралья венгры жили рядом с хазарской территорией и являлись союзниками хазар. Багрянородный описал факт династического брака хазарского правителя с Леведием. К. Цукерман обратил внимание на специфику этого брака: обычно хазары брали жён у вассалов, а не отдавали. [6] Хазарки выходили замуж за правителей равных с Хазарией государств, а не вассалов. Следовательно, венгры в стране Леведия могли не быть хазарскими вассалами. Миграция венгров из Леведии в Ателькузу связывается в источнике с нападением на венгров печенегов, разгромленных до этого хазарами. Непонятно, каким образом хазары, разгромив печенегов, дали возможность последним напасть на своих союзников венгров. К. Цукерман предположил, что венгры в стране Леведия были противниками хазар, а не союзниками. [6] Брак знатной хазарки с Леведием мог являться неудачной попыткой дипломатических отношений хазар с венграми. Для борьбы с венгерской угрозой хазары использовали печенегов. Только после разгрома Леведии печенегами Хазария выиграла войну с венграми, с чем связана инвеститура Арпада, закрепившая вассальные отношения. [6] На мой взгляд, точка зрения К. Цукермана достаточно обоснована. Исторические данные свидетельствуют о том, что мадьяры, оказавшись на новой территории, начинали заниматься грабежами и набегами. По свидетельствам арабских источников венгры в стране Ателькузу нападали на русов и славян и продавали их в рабство. Всю первую половину X века (до разгрома их Оттоном I) венгры Паннонии свирепствовали в Европе. Вряд ли этот народ стал бы проводить иную политику в Леведии. Вероятно, венгерская угроза была одной из причин строительства крепостей (в том числе Саркела) на Дону. Ибн Русте сообщает, что хазары построили стену, чтобы защититься от мадьяр. [9, с. 158] Судя по всему, венгерская угроза была ликвидирована хазарами к концу IX века, но взамен они получили не менее серьёзную – печенежскую.

Печенеги вплоть до IX века кочевали в Приаралье. Они известны в начале VIII века под именем Кенгерс. [1, с. 353] Впоследствии они переместились междуречье рек Волги и Урала. К. Багрянородный сообщает о том, что за 50 лет до написания его труда хазары и гузы заключили союз против печенегов и разгромили последних. После этого события печенеги мигрировали в Северное Причерноморье, где разгромили венгров в стране Ателькузу и заняли эту территорию. [5] По сообщению Регино печенеги появились в Северном Причерноморье в 889 году. [1, с. 353] Разгром Ателькузу датируется 895 годом. Нет оснований делать выводы о более раннем появлении печенегов в Северном Причерноморье: до 889 года их присутствие там не фиксируется. Багрянородный приводит данные о победе хазар над печенегами перед нападением печенегов на Леведию. [5] Следовательно, ещё до появления печенегов в Причерноморье хазары использовали их для борьбы с венграми. С. А. Плетнёва предполагала, что миграция печенегов через Хазарию связана с военными действиями, нападениями печенегов на хазар. Локализуя печенегов в конце IX – начале X вв. в междуречье Дона и Северского Донца, Плетнёва связывала с их вторжением гибель ряда памятников салтово-маяцкой культуры. [7] Однако следует отметить, что до середины X века в письменных источниках нет упоминаниях о нападениях печенегов на хазар. Багрянородный упоминал о победах хазар над печенегами, нападении на последних хазар и гузов. [5] Ибн Русте сообщал о постоянных нападениях хазар на печенегов. [1, с. 355] Маловероятным представляется также возможность печенегов, разгромленных хазарами и гузами в конце IX века прорваться через территорию каганата и разгромить венгров. Можно предположить, что печенеги были вассалами хазар и привлекались ими в качестве военной

силы. Однако это был просчёт хазарской политики: в результате её печенегии получили степи Причерноморья, где усилились и вышли в X веке из-под контроля хазар.

Сообщение о войне хазар с бывшими вассалами содержится в письме анонимного еврея (Кембриджский документ). Автор сообщает, что в годы царя Вениамина на Хазарию напали пять народов: SY, TRWQY, BM, PYYNYL, MQDWN. SY связываются рядом исследователей с асиями. [11] М. И. Артамонов полагал, что это аланы, носители салтово-маяцкой культуры (лесостепной вариант). [1, с. 359-361] О. Прицак предположил, что это буртасы [11]. К. Цукерман видит в этом народе асиев, которые жили на Восточном Кавказе. [12] Точка зрения Прицака сомнительна: в источниках нет данных о нападениях буртасов на хазар. Уязвимой представляется гипотеза М. И. Артамонова об идентификации асией с салтовцами: мятеж асиев лесостепи вызвал бы масштабную войну и полную гибель лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, чего не случилось. Следов разрушений на этих памятниках нет. Поэтому можно согласиться с локализацией асиев К. Цукерманом на Восточном Кавказе. TRWQY всеми исследователями отождествляются с гузами: торками. Исходя из того, что Багрянородный назвал венгров турками, в этом участнике коалиции можно видеть венгров, но нападение венгров на хазар после и инвеституры Арпада сомнительно. О. Прицак связал BM с чёрными булгарами. [11] Можно согласиться с точкой зрения Прицака. К. Багрянородный сообщает о враждебности чёрных булгар по отношению к хазарам в X веке. [5] В народе PYYNYL исследователи видят печенегов. Печенеги, занявшие Северное Причерноморье, к концу IX выходят из-под контроля хазар. Последний народ О. Прицак связал с Византией (македоняне, македонская династия). [11] Эта точка зрения уязвима, так как известно об участии хазар в качестве союзников Византии в войне против Дунайской Болгарии в конце IX века. Война коалиции с Хазарией показала слабость последней: хазары разгромили врагов с помощью союзников-алан. Эта война также свидетельствовала о потере хазарами своих вассалов, провале хазарской внешней политики.

Проанализировав изменения военно-политической ситуации в степи, можно задать вопрос: есть ли археологические подтверждения военных конфликтов в IX веке? Таких данных не очень много, большинство поселений салтово-маяцкой культуры было оставлено в X веке, но на некоторых памятниках есть слои разрушений IX в. Одним из хазарских поселений, уничтоженных в IX веке, является Правобережное Цимлянское городище. ПЦГ расположено на территории современной Ростовской области. Находится оно на правом берегу р. Дон на возвышающемся мысу (около 70 м высотой). Городище представляет из себя крепость треугольной формы (ширина стен около 4 м), разделённую внутренними стенами на 3 отсека. На территории крепости находилось поселение, состоящее из юртообразных жилищ (изучено около 50 построек). [7, с. 271-273; 13, с. 441-442] По вещевому комплексу и монетному кладу М. И. Артамонов датировал городище концом VIII – началом IX века. [1, с. 327] Другие исследователи обратили внимание на наличии в заполнениях котлованов жилищ ПЦГ обожжённых кирпичей саркельского типа, что свидетельствует о его сосуществовании с Саркелом, построенным в 30-х гг. IX века. [7, с. 332] С. А. Плетнёва датирует поселение концом VIII – началом IX века – 60-ми гг. IX века. [14, с. 63] В. С. Флёров относит существование ПЦГ к началу IX – сер. IX века. [15, с. 111] Существует дискуссия относительно стратиграфии памятника. Плетнёва считала, изначально на мысе существовало поселение из юртообразных жилищ, на месте которого в конце IX века начали строить крепость. Эту точку зрения она аргументирует наличием слоя строительного мусора, перекрывающего котлованы жилищ. В. С. Флёров изучил южную и восточную часть памятника и пришёл к выводу, что культурный слой поселения ограничен стенами, жилища и крепость синхронны. Отличительной особенностью памятника является наличие на нём свидетельств разгрома. Большинство жилищ погибло в пожаре. В заполнениях котлованов жилищ обнаружены скелеты убитых людей (все они принадлежат женщинам). [15, с. 100]

Кто и когда разорил посёлок? В одном из жилищ обнаружен скелет убитого человека, в сапоге которого был спрятан клад золотых монет. Самая поздняя из монет датируется временем правления халифа Харуна ар-Рашида, т. е. периодом междоусобной войны в Хазарии и реформ Обадии. М. И. Артамонов предположил, что поселение было уничтожено в начале IX века в ходе гражданской войны самими хазарами. [1, с. 327] С. А. Плетнёва изначально поддержала его точку зрения. Однако в дальнейшем исходя из наличия на ПЦГ кирпичей саркельского типа Плетнёва датировала гибель ПЦГ периодом после строительства Саркела и связывала это с конфликтом феодала ПЦГ с саркельскими властями. [3, с. 40] Позже Плетнёва кардинально изменила свои взгляды: с её точки зрения посёлок был уничтожен печенегами в 60-х гг. IX века. Позже на его месте начали строить белокаменную крепость. [14, с. 63] В. С. Флёров полагает, что поселение было уничтожено в ходе междоусобной войны после строительства Саркела. [15, с. 111] Есть и другие точки зрения. Наприер, К. Цукерман связывает разгром ПЦГ с венгерским набегом [6].

На мой взгляд, датировка разгрома ПЦГ, предложенная В. С. Флёровым, достаточно убедительна. Есть основания датировать гибель крепости сер. IX в. В пользу этого свидетельствуют следующие аргументы: 1) нижняя дата, определяемая по монетному кладу; 2) керамический комплекс, характерный для VIII – нач. IX в. (относительно высокий удельный вес лепной керамики, котлы с внутренними ушками, отсутствие красноглиняных кувшинов, за исключением нескольких обломков); 3) наличие в культурном слое кирпичей саркельского типа; 4) разрушения на относительно синхронном Семикаракорском городище (об этом ниже). Версия о печенежском набеге недостаточно аргументированна: основные силы печенегов появились в регионе судя по данным письменных источников не ранее конца IX века. Ранее печенеги не нападали на Хазарский каганат. Поселение могло погибнуть в ходе междоусобицы. Вряд ли это была «гражданская война», если принять датировку этого события — начало IX века, до строительства Саркела). Междоусобицы могли продолжаться и позднее: об этом свидетельствует осада крымского города во время миссии Константина философа, сообщение о переселении в 854 году из Хазарии мусульманских семей. [1, с. 333-334] Имеет право на существование гипотеза о венгерском набеге. Если Леведия была враждебна хазарам, то мадьяры могли нападать на хазарские поселения. Загадочен факт отсутствия мужчин среди убитых. [14, с. 65] Возможно, мужчины погибли в сражении за пределами поселения. Также население могло привлекаться к строительной повинности в Саркеле, что ослабило поселение в военном отношении. Нельзя однозначно ответить на вопрос о причине разгрома. Но в любом случае он связан с дестабилизацией политической ситуации в Хазарии. Интересен факт возможной осады соседнего с ПЦГ Саркела. В ходе раскопок в Саркеле был обнаружен подземный ход. По материалам этого объекта Артамонов пришёл к выводу, что Саркел мог быть осаждён вражескими войсками ещё до похода Святослава в 965 году. Учёный предположил, что это могли быть русы. [16, с. 154]

Другая крепость — которая была уничтожена в результате дестабилизации политической ситуации в Хазарии — Семикаракорская. Находится на территории современной Ростовской области в 4 км к западу от г. Семикаракорска на левом берегу р. Сала (в хазарское время находилось на правом берегу). Крепость трапецевидной формы. Северная стена — 205 м, южная — 232 (гипотетическая длина: крепость имела неправильную форму, и южный угол был срезан, в результате чего образовалась юго-восточная стена длиной 83 м), западная — 190 м, восточная — 210 м. В крепости была построена цитадель размерами 92x88x85x85 м. На северной стене обнаружено помещение (мастерская или башня), в восточную стену встроены донжон. [17, с. 8-10] Раскопки показали наличие внутренних стен и каменных построек на территории городища. Крепость была взята и разрушена в IX в. Были обнаружены скелеты убитых — женщин и детей. Культурный слой городища перекрывался слоем строительного мусора, связанным с уничтожением стен. Мнение В. С. Флёрова о синхронности ПЦГ и Семикаракорской крепости представляется убедительным. [17, с. 297]

Следы разгрома есть на другом поселении степного региона салтово-маяцкой культуры: городище Маяки. Памятник состоит из городища, двух селищ и трёх могильников. Большие размеры памятника могут свидетельствовать о значительной численности его населения в хазарскую эпоху. Большое количество находок керамики и ремесленных изделий свидетельствуют о наличии здесь центра ремесленного производства. Поселение было захвачено и разграблено: на его территории найдены скелеты людей, жилища погибли в огне. По находкам амфор С. А. Плетнёва датировала его уничтожение концом IX века. [18] Вряд ли его уничтожение связано с междоусобной войной. Скорее всего, это был набег степняков. Маловероятно, что Маяки разрушили венгры: в конце IX века они мигрируют в Паннонию. Напасть могли пересилившиеся в Северное Причерноморье и вышедшие из-под хазарского контроля печенеги (возможно, в ходе войны против Хазарии коалиции пяти стран).

В конце IX века был уничтожен один из городов Хазарского каганата на Таманском полуострове: Фанагория. Фанагория была основана ойкистом Фанагором в 540 году до н. э. В гуннское время город пришёл в запустение. Жизнь в нём возродилась в конце IX века. Потом Фанагория была ничтожена и больше не упоминалась в источниках. [18] Можно предположить, что её гибель связана с войной на Тамани в 30-х гг. X века: тогда на Хазарию напал русский князь Хельгу. Он захватил Самкерц. Впоследствии Хельгу был разгромлен хазарским полководцем Песахом. [19, с. 595-596] Однако в культурном слое Фанагории отсутствуют красноглиняные кувшины, широко распространившиеся на Тамани с конца IX века. По этой причине С. А. Плетнёва датировала разгром концом IX века и связала его с набегом печенегов. [18] Версия о печенежском набеге имеет право на существование. Также можно предположить, что на Фанагорию напали чёрные булгары. Чёрная Булгария рядом исследователей локализуется в Прикубанье. Она представляла собой остатки населения Великой Болгарии, разгромленной хазарами, и являлась вассалом каганата. С конца IX века чёрные булгары, судя по всему, выходят из-под хазарского контроля. О. Прицак полагает, что народ ВМ, участвовавший в нападении коалиции пяти стран на Хазарию – чёрные булгары. [11] К. Багрянородный писал, что в X веке Чёрная Болгария могла нападать на Хазарию. [5] Исходя из этих сообщений, разрушение Фанагории можно связать с нападением на Хазарию коалиции пяти стран.

Подводя итоги, можно сказать, что в IX веке военно-политическая ситуация в степи была дестабилизирована. Причиной этому явились внутренние конфликты в Хазарском каганате, а также миграции кочевых народов. Также влияние оказывают события в лесной части Восточной Европы, где происходит миграция славян на восток и образование государства русов. Лесная часть Восточной Европы в IX веке стала фронтиром Эпохи викингов. Реагировало ли на изменения Хазарское правительство? Судя по всему, с этими событиями можно быть связать сооружение крепостей салтово-маяцкой культуры. Меняется в каганате военная организация. Создаётся наёмная армия. В качестве наёмников в хазарском войске служили ар-арси: потомки выходцев из Хорезма. По свидетельствам арабских авторов хазарский царь имел постоянную армию. Также в качестве наёмников в Итиле служили русы. [9, С. 163] Смог ли Хазарский каганат устоять перед геополитическими изменениями? На относительно недолгое время да, но уже с конца IX века начинаются конфликты с вассалами. В годы царя Аароны аланы, недавние союзники, уже воевали с Хазарией. [11] С конца IX века все славянские племена, кроме вятичей, вышли из-под контроля хазар. В 921 году стала независимой Волжская Булгария. Следует обратить внимание на то, что 4 выделенных мной фактора, способствовавших тому, что Хазария оправилась от арабского нашествия, уже не действовали в IX веке. Известный учёный П. Кеннеди делил время существования государств на 4 этапа: подъём, движение по плато могущества, имперское перенапряжение, упадок. [20] Ситуацию в Хазарии во второй половине IX века можно характеризовать как имперское перенапряжение. Хазарам удалось

сдержать импульс Степного пояса Евразии в IX веке, однако к концу X века они уже не могли противостоять очередной волне миграции кочевых народов.

Библиографический список

1. **Артамонов М. И.** История хазар /М. И. Артамонов. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 521 с.
2. **Новосельцев А. П.** Хазарский каганат /А. П. Новосельцев. – М.: «Ломоносов», 2020. – 272 с.
3. **Плетнёва С. А.** От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) /С. А. Плетнёва. – М.: Издательство «Наука». – МИА № 142, 1967. – 198 с.
4. **Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.** Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени /С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов // URL: <https://www.rulit.me/books/gosudarstva-i-narody-evrazijskih-stepej-ot-drevnosti-k-novomu-vremeni-read-275817-1.html> (дата обращения: 28.11.2021.)
5. **Константин Багрянородный** «Об управлении империей» // URL: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/Konstantin_bagrianorodni.pdf (дата обращения: 28.11.2021.)
6. **Цукерман К.** Венгры в стране Леведия: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836 – 889 г /К. Цукерман //МАИЭТ. – Вып. VI // URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/169958/37-Zukerman.pdf?sequence=1> (дата обращения: 28.11.2021.)
7. **Плетнёва С. А.** Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 гг. /С. А. Плетнева // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Вып. 4. – Симферополь: Таврия, 1994. – С. 271 -397
8. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Том III: Восточные источники. Сост. части I — Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; части II — В. Я. Петрухин. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. — 264 с.
9. **Данлоп Дуглас** История хазар-иудеев. Религия высших кланов /Дуглас Данлоп / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2017. – 255 с.
10. **Ивик О. Ключников В. В.** Хазары /Олег Ивик, В. В. Ключников. – М.: Ломоносовъ, – 2013. – 336 с.
11. **Голб Н., Прицак О.** Хазаро-еврейские документы X века /Норман Голб, Омелян Прицак // URL: <https://www.rulit.me/books/hazaro-evrejskie-dokumenty-h-veka-read-598806-1.html> (дата обращения: 28.11.2021)
12. **Цукерман К.** Асии и асы в раннем Средневековье /Константин Цукерман // КСИА РАН. – Вып. 215. – 2005. – URL: https://www.academia.edu/8342774/Аланы_и_асы_в_раннем_Средневековье (дата обращения: 28.11.2021.)
13. **Флёров В. С.** Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987-1988, 1990 гг. /В. С. Флёров // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Вып. 4. – Симферополь: Таврия, 1994. – С. 441-517.
14. **Плетнёва С. А.** История одного хазарского поселения /С. А. Плетнева // РА, 1993. – N 2. – С. 48-70.
15. **Флёров В. С.** Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) /В. С. Флёров // РА, 1996. – N 1. – С. 100-114.
16. **Артамонов М. И.** Саркел-Белая Вежа /М. И. Артамонов // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т 1. – Ленинград: Издательство академии наук СССР, 1958. – МИА № 62. – С. 7-85.

17. **Флёров В.С.** Фортификация хазарского каганата на Нижнем дону. Семикаракорское городище /В. С. Флёров. – М.: Издательский Дом Яск, 2020. – 376 с.

18. **Плетнева С.А.** Очерки хазарской археологии /С. А.Плетнева //URL: <http://www.hagahan-lib.ru/library/ocherki-hazarskoj-arheologii4.html> (дата обращения: 29.11.2021)

19. **Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Сорочан С. Б.** Крым в «хазарское» время (VIII – сер. X вв.) / Ю. М. Могаричев, А. В. Сазанов, С. Б. Сорочан. – М.: Неолит, 2017. – 744 с.

20. **Кеннеди П.** Влёты и падения великих держав / Пол Кеннеди. – М.: изд. Гонзо, 2018 . – 848 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

УДК 101.9

Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия имени проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)
Кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Ю. В. Власова
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 277-75-73;
e-mail: youlya_v@mail.ru

MESC AF «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)
PhD in Historical Sciences, Associate Professor, department of Humanitarian and socio-economic disciplines
Y. V. Vlasova
Russia, Voronezh,
tel. (473) 277-75-73;
e-mail: youlya_v@mail.ru

Ю.В. Власова

ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСКОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В статье анализируются особенности материальной и творческой индивидуальности. Рассматривается понятие «индивидуализированная личность». Автор приходит к выводу о взаимосвязи материальной индивидуальности, присущей западной парадигме общества и связанному с ним понятию отчуждение. Эпоха античности не использовала понятие личности, актуализируя внимание лишь на индивидуальности. Тогда как возникновение христианства способствовало появлению понятия личности. Экзистенциальная философия, возникшая как направление на Западе, тем не менее, обращается к решению проблем человека сквозь призму сопричастия его с другими людьми. Обосновывается положение о том, что в русской культуре заложены основания для развития интеллектуальной индивидуальности, новой доминанты современного мира.

Ключевые слова: материальная индивидуальность, интеллектуальная индивидуальность, экзистенциальная философия, отчуждение, постмодерн, западная культура.

Y.V. Vlasova

PROBLEMS OF CREATIVE AND MATERIAL PERSONALIZATION

The article analyzes the features of material and creative individuality. The concept of «individualized personality» is considered. The author comes to the conclusion about the interconnection of material individuality inherent in the Western paradigm of society and the concept of alienation associated with it. The era of antiquity did not use the concept of personality, focusing only on individuality. Whereas the emergence of Christianity contributed to the emergence of the concept of personality. Existential philosophy, which arose as a direction in the West, nevertheless, addresses the solution of a person's problems through the prism of his participation with other people. The article substantiates the proposition that the foundations for the development of intellectual individuality, a new dominant of the modern world, have been laid in Russian culture.

Key words: material individuality, intellectual individuality, existential philosophy, alienation, postmodernity, Western culture.

Эпоха постмодерна предложила свой взгляд на экзистенциальные проблемы человека. Но все же стоит признать, что именно эпоха модерна стала рассматривать и акцентировать внимание на исследовании проблем человека, начиная с эпохи Возрождения. Для эпохи модерна разделение понятий «индивид», «личность», «индивидуальность» очень условно и не всегда оправданно.

Разделение этих понятий стало отличительной чертой эпохи постмодерна как в философии, психологии, так и в социологии. И если с «индивидом» нам все более или менее понятно, это любой человек как биологический вид, то «личность» понятие, предполагающее уже духовную уникальность. Данная уникальность возникает и реализуется по мере приобщения человека к общечеловеческой культуре. В данном случае особую актуальность приобретает ощущение инаковости и осознания себя отдельной единицей, в отличие от других, которые как раз и выступают условием развития нашей индивидуальности и личности. Так как через соединения с другими человек осознает себя как личность. Лосев А.Ф. считает, что эпоха античности апеллировала к понятию «индивидуальность», но не знала понятие «личность». Тогда как именно возникновение христианства стало возможным соприкосновением двух понятий «индивидуальности» и ветхозаветной «личности». Это объединение озаменовало появление нового понятия «индивидуализированной личности».

На сегодняшний день исследование экзистенциальных констант современности относится к числу наиболее востребованных тем философии. Проблема развития человека в отечественной литературе решается, в основном, под углом зрения изменения его места и роли в системе отношений: «человек-природа», «человек-космос», т.е. сущность и смысл человеческого бытия пытаются определить через призму отношения «человек-мир». Однако бытие не есть нечто находящееся вне человека. Поэтому индивид находится не где-то вне границ бытия, а в самом бытии. Бытие человека и есть сам человек, различные формы его жизнедеятельности. Не случайно, еще Л. Фейербах писал, что: «Человек – единственный, универсальный и высший предмет философии» [1, с.202].

Возникновение глобализации как процесса взаимопроникновения друг в друга экономик, культур, озаменовало появление и новых проблем в интерпретации понятий «личность» и «индивидуальность», по-новому стал ставиться вопрос и о проблеме человека в целом. Рыночная экономика породила и новое понимание мира и места человека в нем, поставив на первый план проблему реализации и успешности в новом, изменяющемся мире. Так как: «Внутренняя жизнь человека тесно связана с его родом, с его сущностью. Человек мыслит, то есть беседует, говорит сам с собой. Животное не может отправлять функции рода без другого индивида, а человек отправляет функции мышления и слова - ибо мышление и слово суть настоящие функции рода - без помощи другого» [1, с.31].

Материальная и интеллектуальная культура стали основополагающим принципом функционирования современного общества эпохи постмодерна. Материальная индивидуальность, стремясь соответствовать ценностям рыночной экономики, начинает реализовываться через присвоение не своих результатов труда, используя других людей как средство. Данный вид индивидуальности реализуется посредством товарно-денежных отношений, не способствуя развитию ни как отдельного человека, ни человечества в целом.

Но есть и другой вид индивидуальности – интеллектуальная. В ее основе лежат творчество как отдельного индивида, но и сотворчество, взаимодействие при котором осуществляет не путем отчуждения, а посредством совместной работы нескольких индивидов. Другой человек не рассматривается как средство, но наоборот приобщение, включение к своему «творчеству», своих идеи, других индивидуальностей. Этот тип индивидуальности как раз и может способствовать преодолению отчуждения. Должна была возникнуть новая философия, предложившая свой взгляд на решение проблемы отчуждения. Так, М. Бубер писал: «Новая философия, как философия человека, по существу есть также философия для человека. Она выступает вместо религии, она включает в себя сущность религии, он есть в действительности сама религия. Новая философия превращает человека, включая природу как базис человека, в единственный, универсальный и высший предмет философии, превращая антропологию, в том числе и физиологию, в универсальную науку» [2, с.142].

Но здесь философ делает уточнение, критикуя философию Л. Фейербаха: «Что есть человек?» Видя в человеке высший предмет философии, Фейербах понимает его не как человеческую индивидуальность, а как связь человека с человеком, связь между Я и Ты. Будучи экзистенциалистом, М. Бубер считает, что нужно сделать акцент на взаимоотношении Я и Ты, на то единство, которое опосредованно проявляется как раз через различие и непохожесть. «Сущность человека только в общности, в единстве человека с человеком, в единстве, которое, однако, опирается только на реальность различия между «Я» и «Ты» [2, с.183]. И если материальная индивидуальность базируется на отдельности и не соединении с другими людьми, то творческая индивидуальность требует соединения и преодоление отделенности. Здесь возникает следующая корреляция, чем больше людей принимают твои идеи, опосредуя их в свои, тем больше масштаб твоей личности. Мы можем считать свой внутренний мир уникальным, если многим становится интересны и важны наши чувства и мысли. Отдаленность и ограниченность здесь преодолевается через объединение и слияние с другими, поднимая личность над своей неподлинностью, которая неизбежно возникает при отчуждении. Так как личность отчуждается не только от других, но и от самой себя. В данном контексте приобретает особое звучание философия экзистенциализма, предлагая свое видение на проблему взаимодействия Я и Другой.

Экзистенциальность является результатом общения, взаимодействия Я и Ты. В индивидуальном бытии она складывается в процессе разрешения противоречий между социальным и биологическим, материальным и идеальным, рациональным и иррациональным, социальным и экзистенциальным. Экзистенциальные переживания человека выступают в качестве сущностной характеристики жизнедеятельности человека. «Если теперь, - говорит М. Хайдеггер, - человек становится первым и исключительным субъектом, то это значит: он делается тем сущим, на которое в роде своего бытия и в виде своей истины опирается на все сущее. Человек становится точкой отсчета для сущего как такового» [3, с.48].

Смещение акцентов с изучения глобальных проблем общества на исследование внутреннего духовного мира индивида, его ближайшего окружения, является важнейшей особенностью философов и писателей экзистенциального толка. В частности, по Хайдеггеру: «Сущее существующее способом экзистенции, это человек. Только человек экзистирует» [4, с.32]. Он же в силу этого есть подлинное истинное бытие. Другого бытия экзистенциалисты не признают. Определяющую роль экономического бытия, материального производства в развитии общества и человека они игнорируют. Их не интересуют проблемы, относящиеся к социальному бытию. «Человек, скорее, самым бытием «брошен», в истину бытия, чтобы, экзистируя, таким образом, беречь истину бытия, чтобы в свете бытия, сущее явилось как сущее, каково оно есть» [5, с.202]. «Тело человека есть нечто сущностно другое, чем животный организм. Заблуждение биологизма вовсе еще не преодолевается тем, что люди надстраивают над телесностью человека душу, над душой дух, а над духом экзистенциальность. Если физиология и физиологическая химия способны исследовать человека в естественнонаучном плане как организм, то это еще вовсе не доказательство того, что в научно-объясненном теле, покоится существо человека» [5, с.319-325].

Экзистенциализм, как особый вид философствования противоречив, как в понимании человека, так и в понимании его сущности и бытия. Так, К. Ясперс полагал, что отдельный человек живет в условиях социального-бытия, в коллективе. Поэтому он осознает свое бытие как «мы». Человек, по Ясперсу стремится к всеобщему [6, с.81]. Отдельный человек, как нечто обособленное, не заключает человеческой сущности в себе ни как в существе моральном, ни как в мыслящем. Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся на реальность различия между Я и Ты.

Отсюда следует, что главной проблемой философствования экзистенциалистов является проблема человека, скрупулезное исследование человеческой субъективности. С их точки зрения тайну человека можно раскрыть только в том случае, если с помощью

философской рефлексии проникнуть в духовный мир бытия, в тайну онтологии человеческой субъективности. «Бытие – в – мире» и сознание, считают экзистенциалисты, возникают и существуют одновременно и это не случайно, так как методологической основой философии экзистенциализма является феноменология. Исходя из основных положений данного направления, экзистенциалисты признают, что бытие становится экзистенциалом, т.е. фундаментальной основой жизни человека только тогда, когда, реализуясь в сознании, через деятельность сознания, оно становится реальностью.

Экзистенциалисты опровергли широко распространенное мнение о том, что повседневность вполне очевидна и понятная здравому смыслу сторона бытия и поэтому нет смысла делать ее объектом философской рефлексии. Так как изучать повседневность (сферы частной, семейно-бытовой и личной жизни) чрезвычайно сложно, она не всегда доступна разуму и требует работы мысли и чувств. Повседневность – сфера действия не только разумного, но и иррационального. Поэтому одним из достижений экзистенциалистов следует считать то, что они впервые начали всесторонне исследовать экзистенциальные, т.е. собственно, человеческие аспекты бытия. Вот эта способность увидеть в малом, на первый взгляд, незначительном социальном феномене нечто универсальное, всеобщее и важное для жизни людей – отличительная черта философов-экзистенциалистов.

В частности, они считают, что без этого нельзя познать тайну человеческого бытия, то таинственное, что составляет «самое человеческое» в человеке. Причем, бытие человека всегда открыто всему миру, другим людям. Подлинная личность всегда стремится к чему-то возвышенному, к сверхличному. «Личность, духовно укрепленная и защищенная, не допускает растерзания ее силами этого мира, не допускает до сдерживания ее демониальными силами, но она не изолирована и не замкнута в себе, она раскрыта для универсального содержания, для всех сверхличных ценностей» [6, с.62].

Актуализировав дихотомию материальной и интеллектуальной индивидуализации, в контексте отрицательного анализа первой, тем не менее, стоит отметить и ее положительные черты. Так, материальная индивидуализация анонсировав «отдельность» как базовое свойство личности и сделав акцент на понятиях граница, суверенитет, положила начало западной культуре. Являясь частью целого, они отделяются друг от друга, тем не менее, не теряя своих особенностей и не растворяясь в нем. Западный тип менталитета обозначил и соединение частей в целое, постулировав понятие «солидарность» как базовое понятие буржуазной индивидуализации. Неслучайно, в своей работе «Индивидуализм» (1973 г.) С. Лукес делает вывод о том, что индивидуальная автономия заканчивается идеей, что общество есть соединение «индивидуальных волей» [7, с.52]. Западная модель гражданского общества демонстрирует совпадение понятий «частного» и «индивидуального». Западная парадигма общества, предложив свое понимание индивидуального, стала основоположником понятий «индивидуальное», «индивидуальное-частное», в связи с этим, для западного сознания владение частной собственностью неприкосновенно и священо.

Здесь стоит отметить, что в русской культурной парадигме «частное» и «индивидуализированное» не совпадают. Так как для православной культуры индивидуализация подразумевает не отделение от «других», а как раз наоборот соединение, демонстрируя экзистенциальное понимание проблемы человека в контексте «Я-Другой». Цивилизационная модель западного типа демонстрирует больший отклик в окружающем мире, так как суверенитет и свобода личности оказывается в большей безопасности в изменяющемся отчуждаемом мире. Конечно, стоит признать, что интеллектуальная индивидуализация не является структурной по своей природе. Объединение с другими людьми развивает и поднимает личностный уровень на другую ступень. Данный тип индивидуальности мы можем наблюдать в русской культурной парадигме, предлагающий новый вектор в развитии человека, взамен отчуждающего материализма западной культуры.

За более соответствующей человечеству типу культурной интеллектуальной парадигмы выступают и философы-экзистенциалисты. Доказывая, что малое только по

названию есть малое, а в действительности в нем в миниатюре может отразиться нечто универсальное, типичное и общезначимое, жизненно важное, фундаментальное, т.е. экзистенциальное. Увидеть в социально-психологических переживаниях, в трагедии «маленького человека» обычное для жизни людей в условиях абсурдного западного общества – это значит выявить болевые точки бытия человека. Исследуя личное существование человека, его «безосновную» свободу, имеющую примат над бытием, экзистенциалисты отошли несколько в сторону от поиска глубинных причин трагического положения одинокой отчуждаемой личности в западной цивилизации. Исследуя проблемы оставленного «наедине с собой» индивида, в жизни которого как в зеркале отражаются противоречия большого общества, философы и писатели – экзистенциалисты конкретизировали понимание феномена отчуждения человека в западном мире. Неслучайно поэтому Библер В. С. отмечал: «Философия, по сути своей, характерна тем, что каждый философ как бы заново открывает бесконечно возможное бытие мира, возвращает его к началу, берет на себя ответственность за это начало ... – создает свою концепцию мира – свою логику, свою онтологию ... – и оказывается невероятно одиноким ... Совершенно один во вселенной, созданной впервые» [8, с.362].

Библиографический список

1. **Фейербах Л.** Избранные философские произведения. В 2 т. Т. 1 / Людвиг Фейербах; под общ. ред. и вступит. ст. М. М. Григорьяна ; АН СССР, Институт философии. – М. : Госполитиздат, 1955. – 942 с.
2. **Бубер М.** Два образа веры. – М. : Республика, 1995. – 464 с.
3. **Хайдеггер М.** Время картины мира / М. Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления. Составление, перевод, вступительная статья, комментарии и указатели В. В. Библихина. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
4. **Хайдеггер М.** Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления. Составление, перевод, вступительная статья, комментарии и указатели В. В. Библихина. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
5. **Хайдеггер М.** Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Проблема человека в западной философии. – М. : Прогресс, 1988. – 552 с.
6. **Ясперс К.** Духовная ситуация времени / К. Ясперс // Человек и его ценности. Ч.1. – М., 1988. – С. 61-89.
7. **Глинчикова А.Г.** Модернити и Россия / А. Г. Глинчикова // Вопросы философии. – 2007. – №6. – С. 38-57.
8. **Библер В.С.** На гранях логики культуры / В. С. Библер // Книга избранных очерков. – М. : Русское феноменологическое общество, 1997. – 440с.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

УДК 327

*Воронежский государственный технический университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
А.В. Погорельский.
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 271-50-04;
e-mail: pogorelsky@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
PHD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
A.V. Pogorelsky.
Russia, Voronezh,
tel. (473) 271-50-04;
e-mail: pogorelsky@mail.ru*

А.В. Погорельский

ОТНОШЕНИЯ ФРГ И США В ГОДЫ ПРЕЗИДЕНТСТВА Д. ТРАМПА

На протяжении последних десятилетий отношения ФРГ и США основывались на тесных связях в области политики, экономики и обеспечения безопасности. Основой этих отношений всегда была тесная координация внешней политики обеих стран на самых высоких уровнях. Избрание Дональда Трампа президентом США стало важным поворотным моментом в германо-американских отношениях. Его шаги, такие как частичный отход от международных соглашений, эскалация риторики в отношении Северной Кореи, дистанцирование от повестки дня свободной торговли и игнорирование институтов, созданных после Второй мировой войны, таких как НАТО и ЕС, противоречили модели внешней политики Германии, основанной на многостороннем подходе и особом внимании к дипломатии в управлении конфликтами.

Ключевые слова: Федеративная республика Германия, Соединенные Штаты Америки, германо-американские отношения, внешняя политика Германии, Д. Трамп.

A.V. Pogorelsky

FRG-US RELATIONS DURING THE PRESIDENCY OF D. TRUMP

Over the past decades, relations between Germany and the United States have been based on close ties in the fields of politics, economics and security. The basis of these relations has always been the close coordination of the foreign policy of both countries at the highest levels. The election of Donald Trump as President of the United States was an important turning point in German-American relations. His moves, such as moving away from international agreements, escalating rhetoric towards North Korea, distancing himself from the free trade agenda and ignoring post-World War II institutions such as NATO and the EU, ran counter to Germany's multilateral foreign policy model and a particular focus on diplomacy in conflict management.

Key words: Federal Republic of Germany, United States of America, German-American relations, German foreign policy, D. Trump.

На протяжении почти шести десятилетий после создания ФРГ, ее отношения с США были основаны на тесных связях в области политики, экономики и обеспечения безопасности. Основой этих отношений всегда была тесная координация внешней политики обеих стран на самых высоких уровнях.

Избрание Дональда Трампа президентом США стало важным поворотным моментом в германо-американских отношениях.

Его шаги, такие как частичный отход от международных соглашений, санкции против газопровода Северный поток - 2, эскалация риторики в отношении Северной Кореи, дистанцирование от повестки дня свободной торговли и игнорирование институтов, созданных после Второй мировой войны, таких как НАТО и ЕС, противоречили модели внешней политики Германии, основанной на многостороннем подходе и особом внимании к дипломатии в управлении конфликтами. Подход новой администрации США, лучше всего был описан в статье бывших советников Трампа Герберта Макмастера и Гэри Кона, которые отвергли идею о том, что мир является глобальным сообществом, но описали его как арену, где нации, неправительственные субъекты и бизнес взаимодействуют и конкурируют друг с другом [1]. Новая Стратегия национальной безопасности США, принятая в декабре 2017 года, подтвердила реалистический взгляд администрации Д. Трампа на международные отношения, подчеркнув возвращение конкуренции великих держав и необходимость Америки, которая успешно конкурирует для предотвращения конфликтов [2]. В то время как авторы стратегии национальной безопасности на словах выступали за сильную и свободную Европу, которая разделяет принципы демократии, свободы личности и верховенства закона, в документе содержался подтекст, что президент США стремится к соотношению цены и качества в трансатлантических отношениях [3].

Изменения в подходе к внешней политике новой администрации США, несомненно, были замечены в Берлине. Летом 2017 г. канцлер Германии Ангела Меркель заявила, что «эпоха, в которой мы могли полностью полагаться на других, в какой-то степени закончилась» [4]. Она указала, что Германия должна пересмотреть, как взаимодействовать с США и поддерживать безопасность и стабильность в Европе, когда обязательства США по отношению к европейским странам ослабевают. Выступление президента Трампа в Варшаве в июле 2017 года не убедило власти Германии в том, что он разделяет либеральное мировоззрение правительства в Берлине. В то время как Трамп подчеркнул приверженность США пункту о взаимной обороне НАТО, он изобразил картину западной цивилизации, подвергшейся нападению радикального исламского терроризма и неуклонно ползущей правительственной бюрократии [5]. Для наблюдателей в Германии он скорее стремился создать новый нелиберальный и религиозно-консервативный альянс вместо укрепления прежних трансатлантических связей.

Решение президента Трампа в мае 2018 года вновь ввести санкции в отношении Ирана и прекратить соблюдать иранское ядерное соглашение рисковало нанести дальнейший ущерб трансатлантическому альянсу. В течение нескольких месяцев, предшествовавших этому решению, немецкие, французские и британские дипломаты пытались найти решение вместе с Государственным департаментом США, чтобы устранить некоторые опасения относительно возможных недостатков сделки [6]. В конце концов, они не добились успеха.

С точки зрения Германии, решение президента США о выходе из Иранской ядерной сделки подрывает многосторонние соглашения. Кроме того, после принятия этого решения, интересы США и Германии стали прямо противоположны. США хотели восстановить максимальное давление на Иран, включая блокирование торговли с партнерами по ЕС. Это противоречило намерениям Германии и Европы продолжать экономическое сотрудничество с Ираном, чтобы сохранить его в соглашении [7].

Позиция Германии в отношении все более антагонистического подхода США к Китаю, особенно в отношении «торговой войны», которая начала разворачиваться в 2018-19 годах, была менее четкой. Экономический успех Германии был в значительной степени основан на экспорте специализированного и высококачественного оборудования в Китай и, следовательно, не страдал от той же проблемы дефицита экспорта, которая заставила президента Трампа ввести импортные тарифы на китайскую сталь и ряд других товаров. Несмотря на то, что Германия видела необходимость бороться с напористостью Китая, она не решалась использовать односторонние и карательные меры администрации США.

Таким образом, вопрос о том, как бороться с растущей мощью Китая, продемонстрировал растущее недоверие между Германией и США. Ярким примером стал

вопрос о том, следует ли разрешить китайскому технологическому гиганту Huawei предоставлять технологии для создания мобильных сетей следующего поколения 5G в Европе и Америке. Нежелание Германии следовать советам США запретить китайские технологии из-за страха шпионажа вызвало недовольство американских чиновников. С другой стороны, немецкие политики выказали непокорность перед лицом предупреждения США о сокращении обмена разведанными, если они продолжают разрешать китайские сетевые технологии [8].

Первые годы правления администрации Трампа изменили то, как немецкие эксперты и политики воспринимали власть США и ее влияние на региональный порядок. Учитывая важность, которую Германия традиционно придавала позитивному влиянию мощи США на региональный порядок, этот сдвиг сам по себе может иметь последствия для дальнейшего развития альянса.

Однако непосредственные опасения немецкой общественности были связаны с нарушением того, что считалось общей ценностной базой альянса. Основываясь на собственном уроке истории двадцатого века и положительном опыте воссоединения Германии и Европы в 1990-х годах, Германия решительно подчеркивала ценности как основу стабильных и мирных международных отношений. Внешнеполитическая элита Германии, подталкиваемая критическими средствами массовой информации и общественным мнением, полна решимости избежать компрометации принципов прав человека, демократии и верховенства закона в своих отношениях с другими правительствами по всему миру.

То, как Дональд Трамп проводил свою президентскую кампанию, включая словесные нападки на мигрантов, выступление против представителей прессы и сомнение в научных выводах, лежащих в основе политики в области изменения климата, повлияло на то, как немцы воспринимали приверженность США общим ценностям. Как следствие, канцлер А. Меркель сочла необходимым напомнить избранному президенту Трампу, что Германия и Америка связаны общими ценностями – демократией, свободой, а также уважением верховенства закона и достоинства каждого человека [9]. Она даже ставила «тесное сотрудничество» своего правительства с администрацией США в зависимость от уважения этих ценностей. Реакция показывает, что с точки зрения Германии союз с США в такой же степени основан на совместном восприятии ценностей, как и на безопасности.

Помимо ценностей, личность в Белом доме также оказывает сильное влияние на восприятие немцами США. Опрос, проведенный исследовательским центром ПЬЮ, показывает, что рейтинги благосклонности Германии к США более чем удвоились с 31% до 64% после избрания Б. Обамы, что коррелирует с еще более резким повышением рейтингов доверия к президенту США [10]. Снижение рейтингов популярности США среди немцев было столь же быстрым, когда в 2016 году президентом США стал Дональд Трамп (с 57% до 35%). В 2018 году благосклонность США к Германии достигла десятилетнего минимума в 30%, что является самым низким рейтингом среди всех европейских союзников [10].

Избрание президента Трампа усилило восприятие немцами структурных сдвигов и упадка мощи США. Высказывания канцлера А. Меркель о том, что «мы, европейцы, действительно должны взять свою судьбу в свои руки», послужили отправной точкой для более широких дебатов в Германии о том, является ли «трампизм» просто показателем более широкой тенденции усталости американцев от глобального лидерства [4].

В октябре 2017 года в трансатлантическом манифесте двенадцати немецких экспертов по внешней политике было заявлено, что Германия не должна совершать ошибку, дистанцируясь от США [11]. Эксперты рассматривали президентство Трампа как изолированное явление, которое не представляет структурно стабильного партнерства между США и Европой. Без США Германия не может гарантировать свою безопасность и не может быть эффективным актором, который удерживает ЕС вместе: «отход от этой трансатлантической ориентации возобновит угрозу особого пути (Sonderweg) Германии, это

усилит националистов слева и справа, и это поставит под угрозу мирный европейский порядок» [11].

Манифест экспертов вскоре вызвал отклики, в которых указывалось, что Трамп представляет собой структурную тенденцию упадка США и что Америка находится на пути к тому, чтобы стать неспособной обеспечить многосторонний глобальный порядок. Два журналиста немецкого еженедельника "Die ZEIT" выступили за «постатлантическую западную политику» [12]. По их мнению, президент Трамп стал бы симптомом более масштабного явления отступления Америки в международных отношениях: «трансатлантический кризис начался не с Трампа и не закончится с Трампом» [12]. Поскольку США подавлены своим глобальным лидерством и потеряли моральный авторитет, у Германии нет другого выбора для проведения «альтернативной внешней политики» [12].

Министр иностранных дел Германии Зигмар Габриэль в своем программном выступлении в конце 2017 года заявил, что для администрации США Европа стала «одним регионом среди многих других», в результате чего «отношения США с Европой не будут такими, как раньше, даже после того, как Дональд Трамп больше не будет президентом» [13]. Справедливо утверждать, что к концу 2017 года немецкая внешнеполитическая элита все больше чувствовала неуверенность в том, может ли постоянная зависимость от мощи США быть устойчивой в долгосрочной перспективе.

В 2018 году восприятие Германией глобальной мощи США изменилось в худшую сторону. В течение первого года президентства Дональда Трампа немецкая элита все еще обсуждала, в какой степени «шумиха» администрации США окажет реальное влияние на повседневные дела альянса. Заявление США об отказе от ядерного соглашения с Ираном стало потрясением даже для немецких атлантистов, которые стали утверждать, что Европе придется серьезно пересмотреть трансатлантическое партнерство, если президент Трамп будет переизбран в 2020 году [14]. По мнению немецких политиков, угрожая европейскому бизнесу за несоблюдение новых американских санкций против Ирана, США стремились подорвать многостороннее соглашение, а вместе с ним и трансатлантическое партнерство.

Восприятие структурных изменений в отношениях США с Европой заставило Германию сильнее сосредоточиться на Европе. Для Германии защита Европейского союза как самого сильного элемента регионального порядка в Европе и потенциальное развитие его в направлении авторитетного международного субъекта стали жизненно важной миссией.

Германия твердо верит в международный и региональный порядок сложившийся после окончания «холодной войны». Однако восприятие стабильности этого порядка было настолько глубоко укоренившимся, что Германия не ожидала, что США будут проявлять колебания в его поддержке.

С точки зрения Германии, решение США отказаться от ядерного соглашения с Ираном было лишь последним примером внешнеполитического подхода, основанного на национализме, а не на дипломатии и порядке.

Неопределенность в отношениях с США также усилила сотрудничество Германии по оборонным вопросам с другими странами ЕС. После прихода к власти в США Д. Трампа и после того, как жители Соединенного Королевства летом 2016 года проголосовали за выход из ЕС, европейское сотрудничество в области обороны ускорилося. В конце 2017 года 25 государств-членов ЕС согласились присоединиться к Постоянной структуре структурированного сотрудничества (PESCO), которая является частью Общей политики ЕС в области безопасности и обороны. PESCO позволяет группам государств-членов сотрудничать в оборонных проектах, совместно развивать оборонный потенциал и развертывать его в военных операциях. Важно отметить, что Германия не рассматривает ЕС в качестве главного гаранта европейской безопасности и не хочет подрывать НАТО. Германия часто подчеркивает, что НАТО остается краеугольным камнем коллективной обороны Европы.

Немецкое восприятие альянса с США переживало фундаментальные изменения. Трудно переоценить, насколько важен альянс США для целей внешней политики и политики безопасности Германии. По мнению Берлина, США остаются незаменимыми в качестве гаранта многостороннего глобального порядка и гарантий коллективной безопасности в Европе. Однако решения, принятые в Вашингтоне о прекращении поддержки некоторых многосторонних соглашений, оказывают сильное влияние на немецких политиков.

С точки зрения Германии, региональное измерение трансатлантического альянса особенно актуально и является одним из главных стимулов для сближения с США. В прошлом альянс США сыграл решающую роль в содействии процессу интеграции в ЕС. Напрямую, через дипломатическую координацию и косвенно, через гарантии безопасности, США помогли воссоединить европейский континент и сформулировать совместную европейскую политику. Поддержка США региональной интеграции является важным интересом Германии в области безопасности и внешней политики.

Администрация Д. Трампа изменила это направление своей политики. Столкнувшись с несовместимыми политическими позициями в Вашингтоне, Германия вынуждена была балансировать на двух столпах своей внешнеполитической стратегии - трансатлантическом партнерстве и европейской интеграции и сделать акцент на последнем. Берлин все более решительно настроен на более тесное сотрудничество с Францией в укреплении ЕС как международного субъекта, способного достигать важных международных целей независимо от США. Дебаты между атлантической и постатлантической фракциями в ФРГ стали постепенно смещаться в сторону более европоцентристской Германии.

Проигрыш в 2020 году президентских выборов Д. Трампом и избрание на пост президента США Дж. Байдена воодушевил немецких политиков.

В Берлине в день инаугурации Дж. Байдена не скрывали положительных эмоций и не скупилась на громкие заявления. Ангела Меркель назвала избрание президентом Дж. Байдена «праздником американской демократии» [15], а федеральный президент Франк-Вальтер Штайнмайер заявил, что испытал облегчение при виде того, как 46-й президент США въезжает в Белый дом [15]. «Это были непростые четыре года», – подвел итоги американо-германских отношений в период правления Д. Трампа министр иностранных дел ФРГ Хайко Маас [15].

Премьер-министр Баварии Маркус Зёдер заявил, что после избрания президентом США Дж. Байдена «трансатлантический мост будет отстроен заново, а возникшие при Трампе руины мы должны оставить в стороне» [15].

Власти ФРГ ждут от новой американской администрации проявления уважения к своим партнерам и проведения консультаций с ними перед принятием касающихся их важных решений.

По мнению руководства ФРГ, трансатлантические отношения являются «незаменимыми перед лицом современных глобальных вызовов» [15] и Германия готова договариваться и сотрудничать, в том числе и в тех вопросах, по которым с прежней американской администрацией у нее были существенные разногласия.

Библиографический список

1. **McMaster H. R., Cohn, G. D.** (2017, June 1). America first doesn't mean America alone. Wall Street Journal (Europe Edition)
2. The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/> (дата обращения: 01.11.2021)
3. **Dempsey J.** (2017, December 19). Trump's message to Europe [blog post], Carnegie Europe. – URL: <https://carnegieeurope.eu/> (дата обращения: 02.11.2021)
4. **Paravicini G.** (2017, May 28). Angela Merkel: Europe must take 'our fate' into own hands. Politico. – URL: <https://www.politico.eu/article/angela-merkel-europe-cdu-must-take-its-fate-into-its-own-hands-elections-2017/> (дата обращения: 02.11.2021)

5. **Robinson E.** (2017, July 7). Trump's worldview: 'The West' vs. Muslims. Washington Post, A 17. P.17
6. **Peel M., & Manson K.** (2018, April 23). European powers seek to sway Trump on Iran nuclear deal. Financial Times. – URL: <https://www.ft.com/> (дата обращения: 02.11.2021)
7. **Scazzieri L.** (2019, July). A troubled partnership. The US and Europe in the Middle East. Policy Brief – Center for European Reform. – URL: <https://www.cer.eu/> (дата обращения: 02.11.2021)
8. **Shalal A.** (2019, March 12). Germany asserts independence after U.S. warning on Huawei. Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/> (дата обращения: 07.11.2021)
9. **Faiola A.** (2016, November 9). Angela Merkel congratulates Donald Trump. Washington Post. – URL: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения: 07.11.2021)
10. **PEW.** (2018). Spring 2018 global attitude survey. PEW Research Center. – URL: <https://www.pewresearch.org> (дата обращения: 10.11.2021)
11. **Berger D., Bindenagel J. D., Kuchenbecker A., Lagodinsky S., Lentz R., Schwarzer D., Techau J., Tempel S., Heumann S.** (2017, October 1). In spite of it all, America: A trans-Atlantic manifesto in times of Donald Trump - a German perspective. The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com> (дата обращения: 12.11.2021)
12. **Lau J., Bernd U.** (2017, October 25). Something new in the west. Die Zeit. – URL: <https://www.zeit.de> (дата обращения: 12.11.2021)
13. **Gabriel S.** (2017, December 5). Europe in a less comfortable world. Federal Foreign Minister Gabriel's speech at the Berlin Foreign Policy Forum. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de> (дата обращения: 13.11.2021)
14. **Witte G., Birnbaum M.** (2018, May 19). As tensions with Trump deepen, Europe wonders if America is lost for good. The Washington Post. – URL: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения: 17.11.2021)
15. Что ждет американо-немецкие отношения при президенте Байдене. – URL: <https://profile.ru/abroad/chto-zhdet-amerikano-nemeckie-otnosheniya-pri-prezidente-bajdene-614482/> (дата обращения: 18.11.2021)

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Научный журнал

Выпуск № 4 (29), 2021

Дата выхода в свет 24.12.2021.

Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.

Уч.-изд. л. 16,9. Усл. печ. л. 19,1. Тираж 500 экз. Заказ №

Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84